

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования генезиса духовно-нравственных ценностей военной интеллигенции	33
1.1. Ценностные основания анализа интеллигенции как элемента интеллектуального слоя общества	33
1.2. Специфика военного отряда интеллигенции	52
1.3. Теоретические основания анализа генезиса духовно-нравственных ценностей военной интеллигенции	67
Глава 2. Воинские ценности Древней Руси	84
2.1. Система ценностей воинов-викингов	84
2.2. Система ценностей древнерусского воина	92
Глава 3. Формирование военного прединтеллигента Древней Руси.	104
3.1. Пути возникновения военного управления на Руси	104
3.2. Развитие военного искусства Византии	110
3.3. Военная культура Руси середины X века	129
Глава 4. Ценностные основания деятельности военачальника Древней Руси.	143
4.1. Система ценностей византийского полководца	143
4.2. Система ценностей военачальника Древней Руси.	159
4.3. Духовные ценности военных интеллигентов Киевской Руси	168
Заключение	184

Источники	192
Библиография	194

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссии последнего десятилетия о причинах гибели СССР, о той идее, которая должна стать системообразующим началом в современной России, о путях противодействия манипулятивным технологиям массового сознания вновь, как и в 90-х гг., делают актуальной проблему сущности интеллигенции. Проблема содержания этого понятия в России была впервые поставлена в первой половине XIX в. В то время интеллигентом считался любой образованный человек, который мог служить в различных государственных структурах, принадлежать к разным слоям российского общества, но при этом он должен был выражать демократические взгляды, быть нравственно чистым человеком.

В настоящее время в понимании интеллигенции сочетается два подхода: социологический, где на первый план выходят формальные характеристики образованности и характера труда, и нравственно-этический, в рамках которого принадлежность к интеллигенции определяется по наличию ряда нравственных качеств. Сущностными чертами интеллигенции считаются патриотизм, гуманность, гражданственность и некоторые другие качества. Мы считаем, что эти подходы могут сочетаться в понимании интеллигенции как специфической группы, главная задача которой – обеспечение функции самоорганизации общественной системы¹.

Однако если общее понятие интеллигенции и ее сущностные черты более или менее разработаны, то понятие *военная интеллигенция* в отечественном интеллигентоведении было и остается одним из наименее изученных.

С точки зрения автора военная интеллигенция может быть определена как **социальная группа, реализующая управление обеспечения безопасности общества и взявшая на себя ответственность за формулировку ответов на возникающие перед ним вызовы военными средствами.**

Очевидно, эта группа невелика, и способы исследования социальных групп, выделяемых по формальному принципу в данном случае неприменимы.

¹ Эта проблема будет подробнее рассмотрена в 1 главе.

Сложность исследования военной интеллигенции привела к тому, что само ее существование неоднократно подвергалось сомнению.

Как известно, особое внимание на проблему интеллигенции было обращено на рубеже XIX–XX вв. В большинстве публикаций этого периода интеллигенция изображалась как особая общественная группа, внеклассовая и бессловесная, объединенная особым предназначением². При этом основным содержанием деятельности интеллигенции считалась «освободительная борьба». Характерно высказывание И. Туган-Барановского, рассматривавшего интеллигента как «человека, восставшего на предрассудки и культурные традиции современного общества, ведущего с ними борьбу во имя идеала всеобщего равенства и счастья»³. Представителей офицерского корпуса, которые присягали на верность империи против «врага внешнего и внутреннего», автоматически записывали в ряды противников интеллигенции. В этот период существование военной интеллигенции отрицалось.

Мнение самих офицеров о том, относятся ли они к интеллигенции, было неоднозначным. Анализ материалов военной прессы показывает, что первоначально отношение офицеров к интеллигенции было отрицательным: этим термином обозначались все антигосударственные и антивоенные течения русского образованного общества. Особенно активно такое отношение военных к «интеллигентам-изменникам» проявилось в период Русско-японской войны, когда многие представители образованных слоев общества выступили не только против войны, но и против ведущей ее армии⁴.

Вместе с тем уже в это время появляются термины «офицер-интеллигент» и «военный интеллигент», обозначающие представителя гражданской интеллигенции, надевшего офицерский мундир⁵. В дальнейшем фор-

² Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. С. 80.

³ Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Там же. С. 218.

⁴ День. № 133. 1905 г. 17 мая; См. также: там же. № 147. 1905 г. 31 мая; Военная жизнь. 1905. № 8/9; Мартынов Е. И. Воспоминания о Русско-японской войне командира пехотного полка. Плоцк, 1910. С. 3, 4; Парский Д. Воспоминания и мысли о последней войне. СПб., 1906. С. 11; и др.

⁵ См.: День. 1905 г. 30 мая; Апушкин В. А. Мищенко. М., 1908. С. 6.

мируется самоидентификация офицеров как представителей одной из «интеллигентских» профессий⁶.

При этом причисление к интеллигенции было не просто формальным актом. Так, генерал А. Апухтин считал, что офицер должен обладать не только силою воли (характером) и чувством долга, но и *интеллигентностью*. Определяя это качество как «сумму познаний», в своих рассуждениях он рассматривал его более широко, связывая с умственным кругозором⁷. Как ни парадоксально, интеллигентность, как и высшая нравственность, по мнению А. Апухтина, нужны военным прежде всего в мирное время, «чтобы не утрачивалась способность армии реагировать против рутины и поддерживать готовность к борьбе»⁸.

Формирование понятия «военная интеллигенция» имело несколько этапов. Первый из них раскрыт выше – его можно назвать фрагментарным, когда о военной интеллигенции говорили не как о специфической социальной группе, а только как об отдельных личностях в армии. Вторым этапом – это изучение военно-теоретических проблем, связанных с соотношением понятий интеллигенции и офицерства. Эта работа начата представителями российской эмиграции первой половины XX в.

Потерпев крушение в Гражданской войне, представители военной эмиграции первой волны не перестали считать себя офицерами и сделали все для обобщения своего богатейшего опыта. Среди них были истинные военные интеллигенты, для которых смыслом жизни стал вопрос о причинах поражений России в войнах начала XX в. и неудачи Белого движения. Их исследования привели к

⁶ Дрозд-Бонячевский А. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера // Военный сборник. 1910. № 1. С. 23. О том, что офицера можно считать интеллигентом, писали А. И. Деникин (*Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 46, 58) и М. А. Иностранцев (*Иностранцев М. А.* Конец империи, революция и начало большевизма. ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 43).

⁷ Апухтин А. Командный состав армии // Общество ревнителей военных знаний. 1907. № 3. С. 18.

⁸ Там же. С. 20.

формированию целого направления военно-исторических и военно-теоретических сочинений⁹.

Главным качеством, объединяющим офицера и интеллигента, эмигрантская историография считала интеллигентность, понимаемую как *уровень образованности и широту кругозора*. Выступая против очернения офицеров русской левой прессой и советской историографией, военные эмигранты отмечали, что по уровню образования дореволюционный офицер не только был выше среднего гражданского интеллигента, но и значительно превосходил офицера советского¹⁰.

При этом эмигранты предупреждали об опасности *«полуинтеллигентности»* офицерства. Раскрывая это понятие, Е. Месснер отмечал, что для офицера недостаточно быть храбрым, обладать волей, знать свое ремесло, – он должен быть гуманным, то есть уметь воевать *«малой кровью»*¹¹.

Для представителя второй волны эмиграции, видного военного историка Н. Рутыча термин «военная интеллигенция» уже вполне естественен. Он использовал его при анализе образов передовых офицеров, выведенных А. Солженицыным в эпопее «Красное колесо». Речь идет прежде всего о таких литературных героях, как А. Крымов, Г. Воротынцев, А. Свечин, за которыми стоят фигуры реальных офицеров, впитавших в себя дух и идеи «военного ренессанса» (1907–1913 гг.), считавших себя «обязанными отвечать за русскую историю», и тех, кто, даже оказавшись в Красной армии, способствовал «воспитанию новых военных поколений в духе национально-исторической осмысленности». К категории военной интеллигенции Н. Рутыч относил и тех, кто был инициатором и организатором Белой армии. Это генералы и полковники М. Алексеев, Л. Корнилов, А. Деникин,

⁹ См.: Рерберг Ф. П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений: Записки участника Русско-японской войны 1904–1905 гг. и члена военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны (1906–1909). Александрия, 1925.

¹⁰ См.: Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 149; Месснер Е. Современные офицеры // Там же. С. 423.

¹¹ Знамя России. 1938. № 2/3. С. 9. Кроме того, см. серию статей Е. Месснера: «Души в кандалах», «Полуинтеллигентное офицерство», «Современные офицеры» и др. (Хочешь мира, победи мятежевойну : Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005. С. 458–492).

С. Марков, М. Дроздовский, М. Неженцев, оставившие «яркий пример жертвенного служения России»¹².

Третий этап формирования социально-профессионального понятия «военная интеллигенция» в большей степени относится к советскому периоду. Понятие военной интеллигенции, разрабатываемое в советской историографии, было основано на ленинском определении интеллигенции как группы «образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда»¹³. Это ленинское примечание к работе 1904 г. «Шаг вперед, два шага назад» впоследствии стало рассматриваться как ключевое в понимании интеллигенции советской исторической наукой. Интеллигенция обычно отождествлялась с такими понятиями, как «работники умственного труда» и «специалисты». Таким образом, формировался социально-профессиональный подход к понятию «интеллигенция»¹⁴.

Л. К. Ерман в середине 1960-х гг. в числе прочих отрядов интеллигенции назвал и военную, которую он определил как «начальствующий состав армии, флота и пограничной стражи»¹⁵. В состав военной интеллигенции, по его мнению, входили генералы и офицеры военного ведомства и пограничной стражи, адмиралы и офицеры флота, военные топографы, гражданские чины военного и морского ведомств и корпуса пограничной стражи, а также служащие в канцеляриях военного и морского ведомств и корпуса пограничной стражи¹⁶.

В словаре-справочнике «Советская интеллигенция», вышедшем в конце 1980-х гг., военная интеллигенция определялась как «профессиональная группа в составе интеллигенции, состоящая из лиц со специальной военной подготовкой и несущая службу в рядах Вооруженных сил СССР. К В. и. относится высший и

¹² Рутыч Н. Н. Думская монархия: Статьи разных лет. СПб., 1993. С. 76–83.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 309.

¹⁴ См.: Зеленукин А. В. Формирование и социальные функции советской интеллигенции // Социально-классовая структура и политическая организация социалистического общества. Саратов, 1973. С. 97; Социально-классовая структура развитого социалистического общества. Харьков, 1975. С. 158; Руткевич М. Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977. С. 49; Степанян Ц. А. Советская интеллигенция и основные пути ее формирования // Вопр. философии. 1979. № 1. С. 54–55.

¹⁵ Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 14.

средний командный состав, генералы и адмиралы, офицеры, находящиеся на действительной военной службе, состоящие в запасе или в отставке»¹⁷.

Вместе с тем упрощенный социально-профессиональный подход, в соответствии с которым все офицеры, получившие необходимое образование и относящиеся к командному составу, считались военной интеллигенцией, уже не удовлетворял историков. Главным вопросом, который встал перед исследователями, была проблема выделения военных интеллигентов из общего числа офицеров.

Первые исследования, посвященные этой проблеме, вышли в рамках дискуссии о сопоставимости понятий «интеллигент» и «специалист»¹⁸. Если в работе С. А. Федюкина «Советская власть и буржуазные специалисты» термины «интеллигенция» и «специалисты» используются как синонимы¹⁹, то А. Г. Кавтарадзе в начале 1980-х утверждал, что такое отождествление не совсем правильно²⁰. С целью размежевания этих понятий он разработал свое определение военной интеллигенции как кадровых офицеров русской армии (в том числе находящихся в отставке и запасе), получивших среднее или высшее (в кадетском корпусе или гражданском учебном заведении) или высшее военное (в училище, академии) образование и соответствующее воспитание²¹.

В. Р. Лейкина-Свирская в своей работе 1971 г. к военной интеллигенции отнесла чрезвычайно узкий слой людей, связанных с теоретической работой над профессиональными задачами обороны страны²².

¹⁷ Советская интеллигенция: Словарь-справочник. М., 1987. С. 26.

¹⁸ См.: Руткевич М. Н. Интеллигенция как социальная группа и ее сближение с рабочим классом // Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968. С. 136–137; Он же. О перспективах развития интеллигенции. М., 1971. С. 9–12; Он же. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. С. 4–5; Семенов В. С. Об изменении интеллигенции и служащих в процессе развития строительства коммунизма // Социология в СССР: Т. 1. М., 1965; Стадучин С. П. О социальной структуре и основных тенденциях развития советской интеллигенции // Некоторые вопросы диалектического и исторического материализма. Свердловск, 1967; Лутченко А. И. Основные этапы формирования советской интеллигенции // Культурная революция в СССР, 1917–1965 гг. М., 1967. С. 152.

¹⁹ Федюнин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965 С. 12, 48.

²⁰ Кавтарадзе А. Г. Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция XX в. М., 1985. С. 154.

²¹ Там же. С. 153. На подобных позициях – и Е. А. Скворцов (Скворцов Е. А. К вопросу о начале складывания советской системы подготовки военной интеллигенции // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Иваново, 1998. С. 290).

²² Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 99.

Офицерский корпус в целом, по мнению В. Р. Лейкиной-Свирской, не может быть причислен к интеллигенции: офицеры, как и чиновники, и духовенство, «являлись лишь “винтиками”, “колесиками” государственной машины»²³. Ее точку зрения о недопустимости причисления офицеров к интеллигенции поддерживали также О. Н. Знаменский и Г. И. Щетинина²⁴.

1990-е гг. по праву считаются временем расцвета исследований по интеллигентоведческой проблематике. На более высоком уровне стало проводиться обстоятельное изучение и осмысление широкого круга новых источников, началась выработка новой методологической базы исследований. Огромную роль в этом сыграли научные конференции по истории российской интеллигенции. Начало им было положено в 1991 г. одновременно в Кемерове и Иванове²⁵. В последующие годы такого рода научные форумы проводились в Екатеринбурге, Москве, Омске, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ и ежегодно – в Иванове. Изданные материалы конференций получили широкий отклик среди ученых и общественности²⁶ не только в России, но и за рубежом.

Расцвет интеллигентоведения привел к росту числа работ, посвященных военной интеллигенции. Прежде всего, на новом этапе была продолжена дискуссия о правомерности термина «военная интеллигенция» и его содержании. Ю. М. Ращупкин, принципиально не отвергая возможность существования термина «военная интеллигенция», фактически говорит о «гражданской» интеллигенции, носящей военную форму. По его мнению, к этой группе относится «слой военнослужащих, профессионально занимающихся умственным трудом, развитием и распространением военных знаний. В состав военной интеллиген-

²³ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 34–35.

²⁴ Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988. С. 7; Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение в России: Последняя четверть XIX века. М., 1987. С. 32.

²⁵ См.: Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф., Кемерово, 19–21 марта 1991 г. Кемерово, 1991. Вып. 1, 2; Интеллигенция и политика: Тез. докл. межрегион. науч.-теорет. конф., Иваново, 18–19 апреля 1991 г. Иваново, 1991.

²⁶ См.: Кондрашева М. И., Главацкий М. Е. Итоги историографической «пяtilетки» в исследовании истории российской интеллигенции: (По материалам конференций межвузовского центра «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества») // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. С. 51–55.

ции входят конструкторы оружия и боевой техники, военные юристы, военные врачи, военные педагоги и т. д.»²⁷.

Противоположную позицию занял А. Е. Корупаев, относящий весь офицерский корпус к интеллигенции на том основании, что труд офицера является интеллектуальным²⁸.

Проблема корректности термина «военная интеллигенция» потребовала более четкого определения этого понятия. А. З. Гильманов акцентировал внимание на образовательном уровне военнослужащего (не ниже среднеспециального), его причастности к действительной военной службе и – что явилось относительно новым моментом – способности за счет своего квалифицированного труда к реализации военной политики государства²⁹.

Содержание понятия «воинский труд» рассматривает в своих трудах А. М. Лушников. Он, соглашаясь с А. З. Гильмановым, определяет военную интеллигенцию как «социально-профессиональный слой интеллигенции, занимающейся квалифицированным воинским трудом, требующим специальной подготовки в объеме не ниже среднеспециального образования, состоящей на действительной военной службе и предназначенной для реализации военной политики государства». Анализируя результаты преобразований последней четверти XIX в., А. М. Лушников отмечает наличие «офицеров, которые по уровню образования, характеру труда, общей культуре стали значительно отличаться от большей массы пехотных офицеров». Таким образом, «термин “военная интеллигенция” стал нести на себе уже не только указательную, но и смы-

²⁷ Ращупкин Ю. М. О роли военной интеллигенции в подготовке офицерских кадров в Иркутском юнкерском училище // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тез. докл. межгос. науч.-практ. конф. Иваново, 1995. Т. 1. С. 280.

²⁸ Корупаев А. Е. Очерки интеллигенции в России. М., 1995. Ч. 2. Очерки истории интеллигенции. С. 35–36. Этой концепции придерживается и ряд других исследователей (Байлов А. В. От «Вех» к сменовеховству: из истории идейно-политических исканий российской интеллигенции: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1996; Ермаков В. Т. Культура предреволюционной России: (К постановке проблемы) // Историки мира спорят: История России в XX в. М., 1994).

²⁹ Гильманов А. З. Военная интеллигенция как социально-профессиональная группа: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Уфа, 1992. С. 17.

словую нагрузку, характеризующую особенности воинского труда»³⁰. К сожалению, эта ценная идея не была в дальнейшем разработана подробнее.

Традицию А. З. Гильманова и А. М. Лушникова продолжил С. Н. Полторак, считающий «военную интеллигенцию» понятием, синонимичным «офицерскому корпусу» (в частности, для России XVIII–XIX вв.) и рассматривающий ее как «вполне сложившуюся кастовую организацию, традиционно платившую государственные налоги не деньгами, а собственной кровью и жизнью»³¹. Как синонимы термины «военная интеллигенция» и «офицерский корпус» в монографии по историографии Гражданской войны рассматривает и В. И. Голдин³².

Активное развитие интеллигентоведческих исследований в 90-е гг. XX в. привело к пониманию недостаточности социально-профессионального критерия для выделения интеллигенции из общего населения. По замечанию В. С. Меметова, «из понятия интеллигенция изымается, выкорчевывается та ее важнейшая нравственная суть, которая на протяжении тысячелетней истории России была для нее характерной, специфической, определяющей»³³. Поэтому ряд современных исследователей трактует интеллигенцию именно как особую «духовную элиту общества»³⁴, смысл жизни которой состоит в интеллектуальной творческой деятельности, преследующей высоконравственные гуманные созидательные цели.

³⁰ Лушников А. М. Военная интеллигенция: исторический подход к содержанию термина // Интеллигенция и политика. С. 93; См. также: Он же. Армия, государство и общество: Система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996.

³¹ Полторак С. Н. О формировании менталитета российской военной интеллигенции: историко-психологический аспект // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. Иваново, 2000. С. 76–77.

³² См.: Голдин В. И. Россия в Гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 94.

³³ Меметов В. С. О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Иваново, 1998. С. 11.

³⁴ Коган Л. Н. Интеллигенция в истории советской культуры // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. Кемерово, 1991. Вып. 1. С. 10; Он же. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества // Интеллигенция в советском обществе: Сб. ст. Кемерово, 1993. С. 14; Соскин В. Л. О новых концептуальных подходах к изучению истории интеллигенции // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 13–15 сент. 1993 г. Иваново, 1993. С. 18–19; Чуфаров В. Г. Старая дореволюционная и новая советская интеллигенция: опыт сравнительного анализа // Российская интеллигенция: XX век: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., Екатеринбург, 23–24 февр. 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 148.

тельные цели, которой присущи «особенности ума и совести, предопределяющие активность духовной и умственной жизни и ее сопряженность с нравственными критериями»³⁵.

Некоторые исследователи использовали морально-нравственный критерий для выделения военной интеллигенции из общего числа офицеров. Одним из первых эту проблему попытался решить В. А. Фролов, отметивший в характеристике военной интеллигенции ее родовые черты (неравнодушие к судьбе Отечества, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, эстетический вкус, уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека и т. д.) и специфические, относящиеся только к этому отряду: «высокий профессионализм, повышенное чувство долга, ответственности, достоинства, чести и т. д.»³⁶.

В последующих работах морально-нравственный критерий становится обязательным дополнением дефиниций понятия «военная интеллигенция».

М. А. Гутиева, суммируя существующие определения военной интеллигенции, выделяет три основных значения этого термина: 1) специалисты в области военного руководства, организаторы вооруженных сил, преподаватели военных дисциплин, исследователи в области военной истории, военной топографии и т. п.; 2) группа людей, связанная с теоретической работой над профессиональными задачами безопасности страны; 3) образованные, интеллигентные, способные к социальной критике и живущие общественными интересами офицеры³⁷.

Среди публикаций, появившихся в последнее время, можно выделить статью Е. Б. Кононовой «Офицерство и интеллигенция». Военная интеллигенция, по ее мнению, возникла в результате взаимопроникновения понятий «офицерство» и «интеллигенция». В сферу этого взаимопроникновения она включает участие в освободительном движении и художественное творчество (литература, живопись, музыка). Первыми военными интеллигентами Е. Б. Кононова считает декабри-

³⁵ Штурман Д. О вождах российского коммунизма. Париж; М., 1993. Кн. 2. С. 147.

³⁶ Фролов В. А. К вопросу об использовании термина «военная интеллигенция» в исторической литературе // Интеллигенция и политика. С. 93.

³⁷ Гутиева М. А. Формирование осетинской военной интеллигенции и ее участие в войнах России: Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1999. С. 9.

стов³⁸. Концепция Е. Б. Кононовой фактически развивает положения, высказанные В. Р. Лейкиной-Свирской и Ю. М. Ращупкиным.

С оригинальным видением проблемы военной интеллигенции выступил С. Г. Осьмачко. Выделяя три «статусных» признака военной интеллигенции – формальный («наличие высшего военного или гражданского образования, а также соответствующего служебного положения»), деловой («преимущественно умственный характер труда, интеллектуальная деятельность») и духовный («достаточно высокий уровень интеллигентности, предполагающий соответствующий моральный облик и творческий потенциал»³⁹), ярославский исследователь в полной мере раскрывает только первый из этих признаков. При этом вся группа военных интеллигентов им делится на две подгруппы – «военную бюрократию», к которой относятся «командно-штабные, военно-политические, административно-тыловые и технические кадры, занятые в сфере соответствующего управления», и «военных специалистов», включающих «военные кадры, занятые в высших военно-учебных заведениях, научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждениях, творческих, медицинских коллективах, военных журналистов, писателей и т. п.».

Интересный подход к проблеме дан группой историков Военного университета, объединенных изданием материалов русской военной эмиграции (А. И. Каменевым, И. В. Домниным, Ю. Б. Беловым, А. Е. Савинкиным, С. В. Волковым)⁴⁰.

³⁸ Кононова Е. Б. *Офицерство и интеллигенция: взаимопроникновение и взаимосвязь* // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000. С. 136.

³⁹ Осьмачко С. Г. Противоречивость социального облика военной интеллигенции: современная трансформация опыта 30-х гг. // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: Тез. всерос. теорет.-методол. конф., Москва, 26–27 апр. 2000 г., РГГУ. М., 2000. <http://conference.rsuh.ru/shablon.html/Наука в РГГУ3>.

⁴⁰ См.: Волков С. Русское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000; Домнин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // Офицерский корпус русской армии; Он же. Душа армии: Взгляды русской военной эмиграции // Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. Он же. Краткий очерк военной мысли русского зарубежья // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999; Каменев А. Офицер – профессия идейная // Офицерский корпус русской армии; Савинкин А. Духовное возрождение – центральная задача военной реформы // Душа армии; Он же. Заветные идеалы русского офицерского корпуса // Офицерский корпус русской армии.

В их работах базовым выступает понятие «военный профессионал», идентичное «военному интеллигенту». Так, например, И. Домнин называет военными профессионалами «опытный командный состав, закаленный войнами и долгой служебной практикой»⁴¹, неотъемлемыми качествами которого он считает знание своего дела, преданность ему и стремление к его совершенствованию. В этой группе военных профессионалов он выделяет «настоящих профессионалов», считая их «художниками военного дела»⁴²: «Главным условием, при котором возможно достижение высот профессионализма, должно быть *призвание*»⁴³.

И. В. Домнин считает, что кроме призвания настоящему военному профессионалу должны быть присущи:

1) *волевые качества*, объединенные в свое время еще В. Флугом под общим названием «военная энергия» (мужество, непреклонная воля к победе, самоуверенность, решительность, смелость, находчивость, упорство, самообладание, предприимчивость, дух почина и прочее)⁴⁴;

2) *интеллектуальные качества* (ясный, быстро схватывающий, находчивый ум, широкий кругозор и прочные военные знания (образование), способность к постоянному пополнению своего военно-идейного багажа, дар предвидения);

3) *нравственные качества* (честность, высокое понятие о чести как синониме достоинства и гордости, патриотизм и сознание своего долга перед Отечеством).

Примером настоящего военного профессионала И. Домнин считает Н. Н. Юденича. На основании изучения воспоминаний бывших подчиненных, боевых соратников автор говорит о его решимости побеждать, нестигаемой во-

⁴¹ Домнин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции. С. 501.

⁴² Там же. С. 500.

⁴³ Там же. С. 502.

⁴⁴ См.: Флуг В. Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. С. 265.

ле в сочетании с лучшими свойствами ума и характера, о «смелости творческой фантазии, присущей только полководцам Божьей милостью»⁴⁵.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что ценностная характеристика военной интеллигенции не имеет единого четкого определения:

1) ряд исследователей считает, что понятие «военная интеллигенция» некорректно;

2) близкой точки зрения придерживаются исследователи, называющие военной интеллигенцией представителей «мирных» интеллигентских профессий, работающих в интересах обороны страны. В составе военной интеллигенции они видят конструкторов оружия и боевой техники, военных юристов, военных врачей, военных педагогов и т. д.;

3) к военной интеллигенции в узком смысле слова могут быть отнесены представители наиболее массовых офицерских профессий, связанных с решением проблем военного управления (подготовкой и воспитанием подчиненных, планированием и руководством военными операциями на различном уровне), при условии, что они получили соответствующую подготовку. Представители этого подхода вслед за А. Г. Кавтарадзе не считают военными интеллигентами обладателей «мирных» интеллигентских профессий, даже если организационно они подчиняются МО и носят военный мундир;

4) в рамках расширенного подхода к военной интеллигенции относится весь офицерский корпус;

5) делаются попытки выделить военную интеллигенцию в рамках единого офицерского корпуса по морально-нравственным характеристикам. К сожалению, несмотря на очевидную привлекательность такого подхода, его итоги нельзя назвать удовлетворительными.

Главная проблема, с которой сталкиваются представители нравственно-этического подхода к интеллигентоведческой проблематике, – недостаточная операциональность этого направления. В ходе конкретного исторического исследова-

⁴⁵ См.: Домнин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции. С. 502–510.

ния, как правило, чрезвычайно сложно практически использовать определения интеллигенции, в которых доминируют выражения типа «носительница высших духовных ценностей», «совесть нации» и т. п.⁴⁶ Поэтому, как отмечает В. Р. Веселов, естественно, что исследователь интеллигенции «вольно или невольно будет выдвигать на первый план социально-профессиональные критерии объекта своего исследования...»⁴⁷.

В **зарубежной историографии** впервые термин «интеллигенция» применительно к профессиональным военным был использован немецким генералом и военным теоретиком фон дер Гольцем еще в XIX в. Между полководцем и рядовым офицерством дер Гольц располагал группу офицеров, названных им «*интеллигенцией армии*»⁴⁸. Это высокопоставленные военные, участвующие в заседаниях совета при главнокомандующем. Если в прошлом авторитет был естественным продолжением аристократического происхождения, то в конце XIX в. на место аристократии по крови пришла «аристократия народа», или «*аристократия по образованию*». Именно образование, по мнению дер Гольца, имело особое значение, так как «оно служит основанием для благородных нравственных качеств». В данном случае подразумевалось не только научное образование, но «надлежащим образом развитые сердце и характер»⁴⁹.

Таким образом, в конце XIX в. впервые в западноевропейской (впрочем, как и в российской) военно-теоретической литературе встречается термин «военная интеллигенция», характерные черты которой связаны не только с исполнением профессиональных обязанностей, но и с уровнем умственного развития офицера и его военным опытом.

В дальнейшем в западной литературе этот термин пропадает – возможно, потому, что начиная с Т. Г. Масарика, говоря об интеллигенции, западные

⁴⁶ Ледяев В. Г. Понятие интеллигенция: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С 15.

⁴⁷ Веселов В. Р. О противоречиях нравственно-этического подхода к истории интеллигенции // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. С. 18.

⁴⁸ Гольц К. фон дер Вооруженный народ. СПб., 1886. С. 59.

⁴⁹ Там же. С. 46.

ученые акцентировали внимание на ее оппозиционности по отношению к власти⁵⁰.

Отмечая ограниченность западных подходов к феномену интеллигенции, французский историк Ю. Шеррер писала, что «до сих пор (в исследовании интеллигенции. – *А. П.*) практически не обращалось внимания на такие группы общества, как офицеры, чиновники, высшее духовенство»⁵¹.

В связи с этим необходимо обратиться к исследованиям западных социологов, использующим понятия, близкие к «интеллигенции» («интеллектуалы», «средний класс», «белые воротнички»). Однако сами западные исследователи считают, что термин «интеллигенция» наиболее близок к понятию «профессии», «профессиональной группы» («profession» в отличие от прочих форм занятости – «occupations»)⁵².

Анализируя отличия «профессии» от «занятия», Р. Холл разграничивает индикаторы идеального типа профессии которые являются атрибутом позиции, и те, что свойственны индивиду, ее занимающему. Все профессиональные характеристики он подразделяет на *социальные установки* и *структурные (институциональные) атрибуты*. Структурные характеристики профессии становятся частью социальной структуры в форме профессиональных школ, сообществ, ассоциаций. Социальными установками профессионала, в противоположность человеку, чей вид деятельность нельзя назвать профессией, на взгляд Р. Холла, являются:

1) *ориентация на бескорыстное служение обществу* (даже если она не более чем видимость, за которой скрывается стремление к наживе);

2) *ярко выраженное чувство принадлежности к профессиональному сообществу*;

3) *автономия*, или уверенность профессионала в том, что он свободен в вынесении экспертного суждения и может действовать по своему усмотрению в

⁵⁰ См. *Шеррер Ю.* Русская дореволюционная интеллигенция в западной историографии // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 13.

⁵¹ *Шеррер Ю.* Указ. соч. С. 27.

⁵² См.: *Сакс М., Олсон Дж.* Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании. // Профессиональные группы интеллигенции. М., 2003. С. 79.

рамках своей компетентности (влияние обывателя на принимаемые профессионалом решения сведено к минимуму);

4) *восприятие собственной деятельности как призвания*. Значимым вкладом данной модели является признание того, что «профессия» – это не только некий ответ на потребность общества, зафиксированный в статичной позиции в общественной иерархии, но и результат *активности* самих индивидов⁵³.

С точки зрения англо-американской модели профессии, ее идеальными представителями являются врачи, юристы, церковные служащие и преподаватели вузов⁵⁴. Таким образом, принадлежность офицерского корпуса к этой группе далеко не бесспорна. Вместе с тем исследования группы *военных профессионалов*⁵⁵ проводятся англо-американскими социологами и историками по тем же критериям, что и анализ прочих профессий. Так, например, исследование уровня военного профессионализма проводилось В. Фуллером по следующим показателям:

1) качественная подготовка через систему специальных учебных заведений и боевая практика;

2) постоянная нацеленность на повышение стандартов службы самого офицерского корпуса;

3) сильно развитое ощущение групповой идентичности, выражающееся, в частности, в высокой самооценке, а также в уверенной готовности выполнить любую боевую задачу;

4) артикуляция специальных военных интересов и их общественное признание;

5) автономность: если военный сектор не имеет достаточных полномочий для самостоятельной кадровой политики, то мнения и пожелания военных экспер-

⁵³ Hall R.H. Theoretical Trends in the Sociology of Occupations // Sociology. Quarterly. 1983. Vol. 24. № 1.

⁵⁴ См.: Лукаш О. В. Указ. соч. С. 62.

⁵⁵ По отношению к военным, служащим по контракту, традиционно использовался термин «профессия». См., например: Huntington S. Political Order in Changing Societies. Yale, 1968.

тов, по меньшей мере, принимаются во внимание гражданскими политиками при замещении командных должностей⁵⁶.

Основой *морали* профессиональных военных, по мнению большинства исследователей, является *чувство корпоративной чести*, рассматривающейся как преданность своему подразделению, в котором видят часть своей страны⁵⁷, и в то же время как высокое самоуважение, основанное на реальных достижениях в профессиональной сфере⁵⁸. Объединяющим началом офицерского корпуса служит *профессиональный кодекс офицера*.

Таким образом, ближайшим аналогом понятия «военный интеллигент» в западной социологии является «военный профессионал». При этом особое место в этой концепции принадлежит не личностным, а корпоративным ценностям: говоря о военном профессионализме, исследователи и практики военного дела обращают внимание прежде всего на приверженность военного управленца корпоративным ценностям офицерского корпуса.

* * *

Одним из аспектов тематики сущности военной интеллигенции является проблема генезиса духовных ценностей военной интеллигенции. Эта сторона данной проблематики почти не изучена: исследования западных историков, к примеру, не рассматривают вопрос о существовании военных профессионалов до начала Нового времени. Вместе с тем конкретные исследования отечественных и зарубежных историков рассматривают ряд проблем, определяющих характер ценностных ориентаций древнерусских воинов.

В ходе своего формирования и развития качественные характеристики военной интеллигенции воплощались в ряде идеальных типов, формировавших самосознание военных управленцев Древней Руси. Таким образом, проблема

⁵⁶ См.: Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005. С. 155.

⁵⁷ Эйзенхауэр Д. Д. На покое: истории, которые я рассказываю своим друзьям (1967) // Энциклопедия. С. 58.

⁵⁸ Там же.

развития духовно-нравственных ценностей отечественной **военной интеллигенции** и проблема *формирования нравственного идеала русского воина и военачальника* имеют много общего.

Подход дореволюционных историков России к **проблеме ценностных ориентаций воинов и князей Древней Руси** определялось тем, к какому лагерю – западников или славянофилов – они относились. Первые обращали особое внимание на светскую сторону воинского мировоззрения, считая их вариантом европейского рыцарского морального кодекса. Например, Е.В. Барсов уже в самом начале исследования «Слова о полку Игореве» уверенно утверждал, что его автор «дорожит дружинными понятиями рыцарской чести и славы»⁵⁹.

Сторонники оригинального пути России наиболее важной темой исследования считали проблему взаимоотношения светской и религиозной власти и, как следствие – влияния православия на систему ценностей правителя и воина Руси. Так, И. Ильин, обобщая эту тему, писал, что в Древней Руси вопрос о соотношении церкви и государства был решен, с его точки зрения, наиболее верно: дополняя, а не борясь друг с другом. Таким образом «сопротивление злу мыслилось и творилось как активное, организованное служение делу Божьему на земле; и государственное дело осмысливалось как пребывание не вне христианской любви, а в ее пределах»⁶⁰.

По мнению Д. Ф. Масловского, и в Киевской Руси, и в Московском царстве решающее значение играл *нравственный элемент*. «Не подлежит сомнению, – писал он, – что высокое развитие нравственных начал главным образом способствовало тому, что еще княжеские дружины, "вои" (земское войско) и царские рати в ожесточенной борьбе с врагами успели не только отстоять независимость своего Отечества, но и положить прочное начало к окончательному объединению России в своих исторических границах...»⁶¹ Нравственными при-

⁵⁹ Барсов Е.В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. I. М., 1887. С. XV.

⁶⁰ Ильин И. О сопротивлении злу силой // Христолюбивое воинство: Православная традиция русской армии. М., 2006. С. 62.

⁶¹ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России: Вып. первый. 1683–1762. Спб., 1891. С. 2.

чинами, определившими историческую победу русских ратей, заключались в: «1) самоотверженной преданности ратников своей Родине, главе Отечества и православной вере; 2) упорной выносливости ратников в походах и храбрости в бою; 3) тесной дружинной связи отдельных войск между собой; 4) гордом отношении войска к славе русского оружия за границей»⁶².

Официальная концепция феодализма применительно к русским землям в домонгольский и московский период привела советскую историческую науку к формированию представления о близости дружинной морали и европейской рыцарской этики. Например, В.Т. Пашуто видит в Ипатьевской летописи прямые аналогии западноевропейскому рыцарству и без оговорок упоминает «русских рыцарей-дружинников», «кодекс феодальной чести», «рыцарской верности», рыцарские турниры и т.п.⁶³ Б. А. Рыбаков совершенно естественно употребляет термин «рыцари» по отношению к курским дружинникам Всеволода Святославовича, упоминаемых в «Слове о полку Игореве» и характеризует все древнерусское боярство (уже с IX в.) как «русское рыцарство»⁶⁴. Д.С. Лихачёв уделяет несколько страниц книги о «Слове...» рассуждениям о важности представлений о «честь» и «славе» в системе «феодальной морали». Тезис, из которого исходит Д.С. Лихачёв, утверждается как непреложная истина в отношении Древней Руси: «Феодализм выработал своеобразный кодекс морали – понятия о дружинной и княжеской чести и славе»⁶⁵.

Тем не менее, уже в рамках этой концепции появляются исследования, позволившие увидеть специфику этики русского военного профессионала. Прежде всего, это относилось к понятию *честь*.

Исследования в этом направлении были инициированы Ю.М. Лотманом, который в ряде статей, созданных на материалах исследова-

⁶² Там же.

⁶³ Пашуто В.Т. Черты политического строя // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 58–64.

⁶⁴ Рыбаков Б.А. Пётр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 66; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. 2-е изд. М., 1993. С. 251.

⁶⁵ Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. Л., 1985. С. 113 и след.

ния «Слова о полку Игореве», Ипатьевской и Лаврентьевской летописей⁶⁶, предложил оригинальное толкование понятий «честь» и «слава». По мнению Лотмана, «честь» является атрибутом дружинника («младшего феодала»), она «всегда имеет материальное выражение», и её надо получить от «старшего на иерархической лестнице». Практически это означало, что добычу, которая была завоевана в битве, дружинники-вассалы должны были отдать князю-сюзерену и получить их от него обратно уже в качестве «знака» их «рыцарской чести». «Слава» же соответствовала высшим ступеням «лестницы социальных ценностей» (князьям). Это награда идеального характера, не имеющая материального выражения. Она – «атрибут того, кто уже не нуждается в материальных знаках», т. е. «сюзерена». Завоевать её можно не только в победе, но и в поражении, но при том условии, что феодал реализует «высшие нормы рыцарского поведения» (среди них Лотман особо выделяет идеальность или даже «химеричность», как он выражается, цели военного предприятия, определённые ритуалы – например, поединок с врагом и др.).

Активное развитие европейской медиевистики в русле школы Анналов привело к росту интереса отечественных ученых к аналогичным древнерусским реалиям. В 90-е гг. дальнейшее развитие получили и исследования категории «честь». Е.С. Иванов, поддерживая концепцию Ю.М. Лотмана о материальном выражении чести в Древней Руси, отражающей размеры получаемой воином добычи, утверждал, что к моменту создания «Слова...» уже формируется и иное, идеальное представление о чести. Об этом, по его мнению, говорит факт пренебрежительного отношения к добыче, который демонстрируют дружинники Игоря⁶⁷.

Л. А. Чёрная подошла к проблеме содержания понятия «честь» с филологической точки зрения. Она выделила «три основные группы значений» этого

⁶⁶ Лотман Ю.М. Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах Киевского периода // Учёные записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Т. III. Вып. 198. С. 100–112. См. также: Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин, 1993. Т. III. С. 111–120.

⁶⁷ Иванов Е. С. Воспитание воинской чести у офицеров российской армии XVIII – начала XX века. Дис. ... канд. пед. наук. М., 1994. С. 7–8.

понятия в древнерусской (оригинальной и переводной) литературе: честь как *достоинство* человека, как *слава* (в особенности воинская), как *святость*⁶⁸. Она справедливо подчёркивает что, прежде всего, это слово использовалось для характеристики абсолютного величия и совершенства Бога, а так же внутреннего, душевного достоинства (благочестия) людей, причастных божественной сфере. В то же время понятие «честь» применялось для выражения любого уважения – родителям, власти предержащим и т. д.

Применительно к чести воина Древней Руси Л.А. Чёрная видит в нем не «право личности на достоинство», а ее *статус* в зависимости от «места на социальной лестнице»⁶⁹.

П.С. Стефанович, продолжая и углубляя исследование категорий «честь» и «слава» указывает, что частое употребление этих понятий в одной фразе говорит об их взаимодополнении, а не противопоставлении. Слава обозначала то, чем «слывёт» человек; честь – его статус в обществе, происходящий, главным образом, из материального достатка и доступа к власти. В контексте восхваления слава связывалась с произнесением хвалебных слов, честь – с внешним почётом и материальным вознаграждением. В сочетании этих двух понятий можно усмотреть и особенность древнего (средневекового) мышления: какое-либо слово, песня (особенно хвалебная) и т. п., произнесённые со значением в определённой обстановке, имели магический смысл и вели к некоторым вполне материальным результатам, а с другой стороны, любая форма уважения – будь то поклон или дар – имела знаковый характер и приобретала общественное звучание.⁷⁰

В условиях христианизации эти понятия углубляются, приобретают все более идеальный характер, однако по-прежнему слава выступает ценностью

⁶⁸ Чёрная Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII веков // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 56.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Стефанович П. С. Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси // Древняя Русь. 204. № 2. С. 68.

более идеального характера, а честь является более «приземлённой» категорией⁷¹.

«О «честь» в (современном) значении «личное достоинство мужчины (преимущественно воина), обусловленное выполнением определённых норм (кодекс чести)», применительно к Древней Руси говорить не приходится» – справедливо утверждает П.С. Стефанович⁷².

Не меньший интерес исследователей вызвала проблема *национальных ценностей* средневекового жителя Руси вообще и воина в частности. Так, А.А. Горский, выделяет четыре уровня мотивации русского воина XI-XV вв.:

1. "Общерусский", отражающий стремление защитить "Русскую землю";
2. "Дружинно-вассальный" - защита князя и княжеской чести;
3. "Региональный" - защита стольного города (символизированного, как правило, в его главном храме;
4. "Религиозный" - защита христиан, христианской веры, или "святых церквей"⁷³.

Развивая эту тему, М.М. Крон отмечал, что, несмотря на отсутствие патриотизма в современном понимании, в Московской Руси сформировалось своеобразное национальное сознание, основанное на сочетании местного этнического чувства и христианского представления о долге князя по защите своих подданных. Причем с ростом русского государства в XV веке формируется представление об «*отечестве*» как *объекте служения* русского воина⁷⁴. И только в XVI веке появляется концепция отечества как России, этнополитическом образовании, возглавляемом царем, отказ от службы которого воспринимается как измена⁷⁵.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 86.

⁷³ См.: Горский А. А. Представления о защите отечества в средневековой Руси (XI-XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.) М., 1994. С. 10.

⁷⁴ Крон М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Там же. С. 21, 22,

⁷⁵ Там же. С. 24-25.

Христианская составляющая русского средневекового патриотизма рассмотрена в диссертации К.Ю. Банковского. По его мнению, православный патриотизм Московского периода русской истории основывался на идее о тождестве родины и веры и сформировался на базе осознания вселенской катастрофы монгольского нашествия, главной причиной которой считались многочисленные грехи русских правителей. Поэтому противостояние захватчикам должно было быть начато с морального очищения и формирования готовности к христианскому самопожертвованию. В дальнейшем этот мотив сменился призывом, обращенным церковью к правителям защитить свою паству от иноплеменников, в Святую Русь – от поругания⁷⁶.

Чрезвычайно интересны попытки проанализировать специфику образованных классов Древней Руси с позиций понятия «интеллигенция», предпринятые А.Е. Кабановым. Отмечая, что лучшие представители духовного сословия (как монахи, так и ересиархи) могут рассматриваться как интеллигенты, он, фактически, отказывает в этом праве князьям. При этом он допускает ряд неточностей, которые и приводят его к противоречивым высказываниям. Так, А.Е. Кабанов, в частности, акцентирует внимание на неграмотности большинства князей⁷⁷, одновременно говоря о том, что образованность была присуща не одному Владимиру Мономаху⁷⁸ и отмечая «высокий уровень княжеских интересов»⁷⁹. При этом он не обращает внимания на то, что примеры княжеской образованности взяты им из домонгольской Руси, а характеристики обратного свойства – из Руси Московской. Кроме того, использованные А.Е. Кабановым источники имеют исключительно церковное происхождение, и на этой базе делать уверенные выводы о том, какие качества были наиболее распространены среди князей, видимо, рано. Вместе с тем показателен сам факт поиска в Древней

⁷⁶ Банковский К.Ю. Развитие концепций царства, святости и войны за веру в трудах московских книжников XV века. Дис... канд. ист. наук. М., 2003. С. 131 и сл.

⁷⁷ См.: Кабанов А.Е. Указ. Соч. С. 60, 63.

⁷⁸ См.: Там же. С. 61.

⁷⁹ Там же. С. 62.

Руси образцов поведения, сходных с нравственными императивами интеллигенции⁸⁰.

Итак, отечественными историками поведен глубокий анализ категорий «чести» и «славы», а так же динамики развития национального сознания общества Древней и Средневековой Руси. Однако за редким исключением исследователи рассматривают общество «в целом», не выделяя особенности системы ценностей различных социально-профессиональных групп. Кроме того, до сих пор не было исследований, показывающих различие между ценностями воинов-дружинников, военачальников с одной стороны – и военных интеллигентов этих периодов – с другой. Все это требует проведения дальнейшего исследования по теме «генезис военной интеллигенции Древней Руси»

* * *

Проблема анализа генезиса духовно-нравственных ценностей древнерусской военной интеллигенции предполагает особое внимание к корпусу *источников*. Основная масса источников по истории Руси исследуемого периода в настоящее время издана, и может считаться изученной, что ставит перед исследователем особенно трудную задачу по разработке новых методов источниковедческого анализа.

При этом необходимо отметить, что тема исследования наложила свои требования на отбор материалов для источниковедческого анализа. Так, содержащие наиболее объективную информацию официально-документальные материалы отступают на второй план перед источниками личного происхождения, летописными произведениями и агиографической литературой. Именно в этих источниках максимально представлена «история субъективности», ярче проявляется иерархия ценностей авторов, мотивация их поступков.

Вместе с тем, в полной мере данная информация отражается в источнике только в том случае, если его *автор принадлежит к исследуемой группе*: пи-

⁸⁰ Данная концепция принадлежит В.С. Меметову (см. выше).

сатель, не являющийся военачальником и обладающий совершенно иным опытом, в своем произведении неизбежно исказит ценностные ориентации военных профессионалов.

В то же время период Древней Руси характеризуется незначительным числом письменных источников. В связи с этим в качестве дополнительных привлекались материалы, созданные представителями духовенства: летописи, послания иерархов церкви, агиографическая литература. Это было возможно в том случае, если среди паствы, к которой обращаются авторы источников этой группы, присутствовали военные профессионалы.

Исходя из этого использованные в исследовании источники представляется возможным сгруппировать следующим образом:

1) Наиболее ценными источниками являются произведения, авторами которых являются книжники-военные. В первую очередь к этой группе относятся *сочинения Владимира Мономаха*: «Поучение детям» и послание Олегу Святославовичу, помещенные в Первоначальной летописи (в частности, Лаврентьевского списка) под 6604 (1096) годом.

Эти сочинения созданы на исходе жизни великим князем, чье имя связано с решающими победами над половцами, и сделавшим последнюю попытку объединить Русь. Его, бесспорно, можно охарактеризовать как самостоятельно мыслящего человека, оказавшегося способным подняться над предрассудками своего окружения. Этими факторами обусловлено особое место «Поучения» Владимира Мономаха как источника по исследуемой теме. Чрезвычайно важным является сочетание в этом источнике информации как идеального, так и конкретно-исторического характера: автор не только декларирует ценности, необходимые князю Древней Руси, но и показывает, как его жизнь отражала эти ценности. Особо интересно, каким образом Владимир Мономах находит способы решения ценностного конфликта между дружинными и христианскими ценностями.

В историографии сложилось неоднозначное отношение к еще одному произведению, автором которого также предположительно был профессио-

нальный военный⁸¹. Это «Слово о полку Игореве». Споры о происхождении этого документа не утихают до сих пор. Спорной является дата появления текста «Слова...». Отсутствие в нем сколько-нибудь точных признаков, говорящих о времени его создания, позволяет исследователям высказывать самые разные точки зрения на этот счет⁸². Большинство ученых считают, что «Слово...» было написано сразу после похода на половцев 1185 г. Встречаются, однако, и иные мнения. В качестве возможных дат написания поэмы называют XIII, XVI и даже XVIII в.⁸³

Неизвестен и автор «Слова...», создавший уникальный памятник древнерусской письменности. Все предпринятые в этом направлении попытки не увенчались успехом. Даже наиболее основательные проработки могут рассматриваться лишь в качестве рабочих гипотез или догадок. Работа со «Словом...» как с историческим источником, с одной стороны, облегчается наличием нескольких параллельных текстов, повествующих о походе Новгород-Северского князя. С другой – оригинальная информация «Слова...» не может быть подвергнута независимой проверке (тем более что ранний список утрачен, а надежные сведения о его происхождении отсутствуют). Поэтому степень ее достоверности приходится оценивать лишь с точки зрения внутренней непротиворечивости. Наличие в тексте «Слова...» «темных», трудных для понимания мест еще больше осложняет эту задачу. Тем не менее, соискатель согласен с исследователями, считающими «Слово...» уникальным по ценности источником,

⁸¹ Большинство исследователей уверенно связывают происхождение этого памятника с боярско-княжеской средой (См.: Греков Б. Д. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // Историк-марксист. 1938. Кн. 4. С. 10; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве и культура его времени. М., 1982; Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 7. и др.)

⁸² Список «Слова» (как полагают) был приобретен в середине 90-х гг. XIX в. известным собирателем раритетов А. И. Мусиным-Пушкиным, по его словам, у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоилы Быковского. Текст был издан в 1800 г. Кроме этого, сохранилась копия, подготовленная А. И. Мусиным-Пушкиным для Екатерины II. В 1812 г. оригинал «Слова» сгорел вместе с частью библиотеки А. И. Мусина-Пушкина во время московского пожара. Это дало основания для сомнений относительно подлинности данного памятника. Однако достаточно веских доказательств поддельности Слова до сих пор не найдено.

⁸³ См.: Гумилев Л. Н. Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве» // Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 400–422; Гринберг Ф. Рюриковичи или столетие «вечных» вопросов. М., 1997. С. 170–205. Однако большинство историков все-таки считают его древнерусским произведением (См.: Гаспаров Б. Указ. соч. С. 462–473).

вышедшим из воинской среды Древней Руси и отражающим сознание военного профессионала без посредника в лице монаха-книжника.

Информация, заключенная в «Слове», чрезвычайно интересна с точки зрения анализа ценностных категорий древнерусского воина. Особую важность эта информация приобретает благодаря тому, что создан памятник как раз накануне монгольского вторжения.

2) Группа источников, вышедших из-под пера представителей древнерусского духовенства. С одной стороны, такие произведения, как летописи, поучения, сочинения публицистического и агиографического жанра, дают ценнейшую информацию о *деятельности древнерусской прединтеллигенции*. Богатейшая источниковедческая традиция анализа такого рода документов позволяет об этом говорить достаточно уверенно⁸⁴.

Вместе с тем эти произведения могут служить источником не только «объективной», но и «субъективной» информации. Публицистические сочинения (например, «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона), жития святых князей и особенно летописи были ориентированы не только на представителей «черного» духовенства, но обращались ко всем людям, «напоенным книжной мудростью»⁸⁵, среди которых выделялись представители знати⁸⁶. В условиях древнерусского государства можно смело утверждать, что к этой

⁸⁴ Анализ древнерусских летописей см.: *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., 1938; *Присёлков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. / Подгот. к печ. В.Г. Воиной. Спб., 1996; *Истрин В.М.* Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода: 11-13 вв. Пг., 1922. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. *Лихачев Д.С.* Текстология; На материале русской литературы X-XУП веков. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1983. *Данилевский И.Н.* Исторические источники XI-XVII вв. // <http://avorhist.narod.ru/publish/istved2-1-1.html>; *Лурье Я.С.* История России в летописании и восприятии Нового Времени <http://www.russiancity.ru/books/b75.htm>

⁸⁵ Торжественное поучение «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона // Древняя русская литература. М., 1980. С. 30; См.: *Меметов В.С.* К дискуссии о времени появления и формирования российской интеллигенции // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 1997. С. 9.

⁸⁶ Этот вывод следует из того, что именно на представителей знати, «нарочитой чади», были ориентированы первые учебные заведения, созданные Владимиром Святославовичем. (Полное собрание русских летописей. М., 1997. (Далее – ПСРЛ) Т. 1. Стб. 118–119).

группе принадлежали прежде всего военные управленцы⁸⁷. Те взгляды, которые отстаивали авторы древнерусских публицистических, агиографических произведений или летописей, разделяли и военные прединтеллигенты. Вместе с тем очевидно, что специфика деятельности не могла не сказаться на особенностях систем ценностей древнерусского военачальника и монаха-книжника. Для того чтобы найти расхождения между ними, потребовалось не только проанализировать внутреннее ценностное ядро таких произведений⁸⁸, но и сравнить письменные тексты, созданные представителями духовенства, как с подобными произведениями, вышедшими из-под пера военного управленца, так и с материалами русских былин⁸⁹.

3) *Былины* как вид источников требуют чрезвычайно осторожного обращения. Прежде всего, древнерусские былины были записаны поздно – не ранее середины XIX в., – и представляют собой сложные произведения, существовавшие иногда в течение сотен лет в устном варианте и в течение этого времени постоянно менявшиеся⁹⁰.

Кроме того, былины, будучи произведениями устного народного творчества, давно «отошли» от создавшей их дружинной среды. И сами сказители, и их аудитория ориентировались на совершенно иные ценности, что не могло не отразиться на содержании былин и их сохранности (не случайно самыми популярными стали былины об Илье Муромце). Тем не менее в исторической науке и литературоведении наработаны методы сравнительного анализа, позволяющие выделять в эпическом источнике ряд «пластов» субъективной информации. Подобные наработки принадлежат, прежде всего, так называемой «неис-

⁸⁷ Сам термин – «нарочитая чадь» – предполагал принадлежность ее представителей к родовой знати и, следовательно, к управленческой группе. Вместе с тем четкое разделение военного и гражданского управления для раннефеодального государства было невозможно. Рецидивы такого единства управленческой сферы сохраняются вплоть до конца XIX в.

⁸⁸ При этом, в частности, обращалось внимание на четкую этническую идентификацию автора текста. Например, тот факт, что автор «Повести временных лет» (Далее – ПВЛ) под 907 г., рассказывая о нашествии Олега на Константинополь, стоит на позициях христианина-византийца, позволяет усомниться, что подобной концепции придерживались и, к примеру, воеводы Ярослава Мудрого, воевавшие с ромейской армией (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76).

⁸⁹ См.: Былины. М., 1986; Былины. Л., 1956; Онежские былины. Архангельск, 1983; Сокровища русского фольклора. Былины. М., 1991.

⁹⁰ Так, для былин характерна смесь бытовых подробностей разных эпох. Например, в одной из древнейших былин – о Волхве Всеславовиче – встречается упоминание об огнестрельном оружии.

торической» школе анализа былин, основателем которой был В. Я. Пропп⁹¹. Использование этих методик дает возможность использовать содержащийся в былинах уникальный материал по формированию военных профессионалов и военной прединтеллигенции в догосударственный и дописьменный период

Система ценностей, отразившаяся в былинах, приобретает особое значение при анализе истоков военной интеллигенции России: за то время, пока эпические сказания существовали в устной форме, в народной памяти сохранилось только наиболее ценное и важное. При этом те произведения, которые не отвечали интересам всего народа, не сохранились: так, в былинах не отразились походы Святослава.

4) Анализ *источников иностранного происхождения* необходимо начать с произведений византийских историков, описывавших среди известных им варварских племен славян и руссов⁹². В этом ряду особого внимания заслуживает Лев Диакон, описавший противостояние византийцев и руссов Святослава⁹³.

Особого внимания заслуживают *сочинения военно-теоретической направленности*, созданные византийскими авторами: «Краткое изложение военного дела», созданное Флавием Вегецием Ренатом (рубеж IV и V вв.) и «Стратегикон», создание которого приписывают императору Маврикию (правил в 582–602 гг.)⁹⁴. По сути, это руководства по подготовке (как образовательной, так и воспитательной) как воина, так и военачальника.

У нас нет доказательств того, что древнерусские военачальники были знакомы с этими произведениями этих авторов. Тем не менее, нельзя не согласиться, что с результатами их применения на практике русы не могли не столкнуться: как в качестве врагов нападая на Византию, так в роли ее союзников.

⁹¹ См.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955.

⁹² См.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 364–366; Маврикий. Стратегикон // Искусство войны: Антология военной мысли: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. Р. Светлова. СПб., 2000. Кн. 1. Древний мир. С. 374.

⁹³ Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко. М., 1988.

⁹⁴ См.: Вегеций Ф.Р. Краткое изложение военного дела // Искусство войны. Кн. 1: Древний мир. С. 201–284. Маврикий. Стратегикон // Там же. С. 285–378.

Анализ системы ценностей норманнских воинов, оказавших значительное влияние на древнерусскую дружину проводился на материале скандинавских и исландских саг.

Глава 1.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

**1. 1. Ценностные основания анализа интеллигенции как элемента
интеллектуального слоя общества**

На основании анализа историографии можно сделать вывод, что исследователям до сих пор не удалось прийти к единому мнению о том, что такое «военная интеллигенция», как происходил процесс ее создания и развития, и кого можно считать военным интеллигентом. Причем ключом к данной проблеме является несогласованность исследователей по вопросам сущности понятия «интеллигенции» в целом.

Одним из наиболее спорных вопросов в современном интеллигентоведении остается противопоставление социально-профессионального и морально-нравственного подхода в определении интеллигенции. С одной стороны, ограничение понятия интеллигенция признаками образованности и креативности, по словам В.С. Меметова, приводит к тому, что «из понятия интеллигенция изымается, выкорчевывается та ее важнейшая нравственная суть, которая на протяжении тысячелетней истории России была для нее характерной, специфической, определяющей»⁹⁵.

С другой стороны, использование этого подхода чрезвычайно сложно при проведении конкретно-исторических исследований. В этом случае чрезвычайно высок риск модернизации истории, когда ученый переносит свою систему ценностей на объект исследования.

⁹⁵ Меметов В. С. О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Иваново, 1998. С. 11.

Интересный вариант решения этой проблемы предложил А.В. Соколов. Объединив оба подхода, он назвал профессиональную группу образованных и креативных работников умственного труда «интеллектуальным слоем», в рамках которого выделил «виртуальные группы» интеллигентов и интеллектуалов. По его классификации дифференцирующим признаком для них выступает субкультурная специфика, и, прежде всего – особенности системы ценностей⁹⁶. Вместе с тем, по моему мнению, схема А.В. Соколова излишне формализована, и не учитывает все разнообразие этических характеристик представителей интеллектуального слоя.

Однако, взяв предложенную А.В. Соколовым принцип за основу классификации, появляется возможность создать более сложную схему сочетания социально-профессионального и морально-нравственного подходов анализа интеллигенции.

Для обозначения группы образованных и креативных работников умственного труда (то есть понятие интеллигенции с точки зрения социально-профессионального подхода) вполне может быть использовано введенное А.В. Соколовым словосочетание «интеллектуальный слой», где «интеллект» рассматривается как *свойство создавать и понимать смыслы*. Под «смыслом» в данном случае подразумеваются знания, умения, эмоциональные переживания, волевые побуждения. А.В. Соколов обращает внимание на то, что «в интеллекте интегрируются не только выводы рационального познания (знания, умения), но и результаты эмоциональной и волевой деятельности. Поэтому интеллект *нельзя отождествлять с разумом* (умом, мышлением) (выделено автором – А.П.), ибо разум (сфера познания) – лишь один из аспектов интеллекта; другие его аспекты связаны с эмоциональной и волевой сферами человеческой психики»⁹⁷.

Словосочетание «интеллектуальный слой» гораздо точнее отражает сущность объекта, чем традиционно использующейся для этой цели термин «специалист», или «специалист умственного труда». Вместе с тем я считаю воз-

⁹⁶ Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб. 2009. С. 19-87.

⁹⁷ Соколов А.В. Указ. Соч. С. 39.

можным сохранить и этот термин для обозначения представителя интеллектуального слоя. Представителей интеллектуального слоя (группу специалистов) характеризуют:

- **образованность**, то есть обладание специальной подготовкой, необходимой для выполнения сложного квалифицированного умственного труда и постоянный процесс *самообразования*, позволяющий специалисту соответствовать требованиям времени, делать выводы из собственных неудач и поражений, а также учиться на ошибках других – то есть быть в курсе событий, относящихся к кругу его профессиональных интересов.

- **креативность** – способность к культивированию и формулированию нового знания. А.В. Соколов, характеризуя эту черту, отмечает, что способностью к творчеству обладают все нормальные люди, но креативность представителей интеллектуального слоя существует не на эмпирическом, а на теоретическом уровне: «они думают не только о том, что есть, но и о том, что должно быть, интересуются далекими от ежедневного бытия вещами»⁹⁸.

- **призвание** – свойство личности, формирующееся на основе интереса к определенной деятельности, стремление выполнять ее и появление способностей к ней. Деятельность в соответствии с призванием дает не только внешний, но и внутренний результат – чувство удовлетворения результатом и самим процессом деятельности⁹⁹. Призвание создает ту *эмоциональную основу*, формирующую мотивационную сферу для образованности и креативности.

Поскольку производство, тиражирование, информации выступает как основная функция интеллектуального слоя, то именно эта группа должна выступать как основной субъект самоорганизации социальных систем, ***служить системообразующим началом общества***¹⁰⁰.

Процесс формирования принципа самоорганизации общественной системы подробно исследован А. Тойнби. По его мнению, процесс развития

⁹⁸ Соколов А.В. Указ. Соч. С. 51.

⁹⁹ Словарь-справочник по педагогике / авт.-сост. В.А. Межериков; Под общ. Ред. П.И. Пидкасистого. – М., 2004. С. 298.

¹⁰⁰ Смирнов Г. С. Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса // Интеллигенция и мир. 2001. № 1 . С. 79.

общества (формулировка «ответов» на «вызовы» истории) происходит благодаря группе, названной им *«творческим меньшинством»*. Его значение в жизни цивилизации огромно: формулируя «ответы» на вызовы истории, она поддерживает гармонию между частями общества и, таким образом, отвечает за сохранение «самодерминации целого»¹⁰¹.

Созданный в ходе творческого акта новый образец поведения распространяется на все общество. Для этого, по мнению А. Тойнби, используются два механизма:

- распространением информации, формирующей образец поведения (мимесис);
- непосредственное управление общественной системой¹⁰².

Таким образом, выделяется **два образа действия специалиста**: посредством *формирования культурных образцов* и *непосредственного управления*.

В связи с этим делением и опираясь на классификацию интеллигенции, созданную Л.К. Ерманом, имеет смысл разделить интеллектуальный слой на две подгруппы:

Специалистов гуманитарной сферы, работающих в области науки, искусства, просвещения, здравоохранения.

Служилых специалистов, работающих в государственном аппарате управления, в аппарате управления промышленностью и помещичьим хозяйством. Значительную часть последней группы составляла военная интеллигенция, то есть «начальствующий состав армии, флота и пограничной стражи»¹⁰³.

Вместе с тем профессиональное деление для характеристики интеллектуального слоя совершенно недостаточно. Интеллект образованного, умственно развитого человека может быть направлен на достижение различных жизненных целей, определяемых *этическим самоопределением*. А.В. Соколов определяет это понятие следующим образом: «этическое самоопределение санкционирует те жизненно важные смыслы и ценности, к достижению которых следует стремиться, те нормы

¹⁰¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002. С. 316.

¹⁰² Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 312-330.

¹⁰³ Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 14.

и эталоны, которыми нужно руководствоваться в практической деятельности, те добродетели, которые желательно культивировать, и те пороки, которых следует избегать»¹⁰⁴. Поэтому именно этическое самоопределение является необходимым элементом формулы интеллигентности.

Этическое самоопределение специалиста может быть реализовано по нескольким параметрам.

I. Решающую роль, по моему мнению, должна играть оценка специалиста по линии *эгоизм-альтруизм*. В отличие от А.В. Соколова я не считаю возможным ограничиться крайними понятиями. Для того, чтобы выделить интеллигента из интеллектного слоя, необходимо не только определить наличие альтруизма или эгоизма, но и проанализировать его социальное самосознание, то есть определить группу, которая является объектом служения специалиста. Рассуждая гипотетически, можно выделить следующие типы этических ориентаций специалиста. (См. Таб. 1)

Таб. 1.

№ п/п	Тип этической ориентации	Объект служения	Тип специалиста
1.	Личный эгоизм	индивидуум	интеллектуал
2.	Семейный эгоизм	Семейная группа	
3.	Групповой эгоизм	Община, профессиональная группа.	?
4.	Корпоративный эгоизм	профессиональная корпорация.	
5.	Национализм	Этническая группа (как правило, нация)	

¹⁰⁴ Соколов А.В. Указ. Соч. С. 52

6.	Патриотизм	Государство как национальное или наднациональное (империя) образование	интеллигент
7.	Экуменизм	«гражданин мира»	

Таким образом, типологизация ценностных ориентаций позволяет не только проанализировать возможные варианты решения проблемы морального выбора специалиста, но и дифференцировать представителей интеллектного слоя в зависимости от их ценностных ориентаций. При этом, как показывает таблица, традиционное деление специалистов на две группы с противоположными ценностными основаниями – интеллигентов и интеллектуалов – совершенно недостаточно. Поэтому я считаю возможным усложнить эту схему.

Предварительный анализ показал, что этическая составляющая элементов этой системы выглядит следующим образом:

1. *Интеллектуал.* Эмос интеллектуала, как показал А.В. Соколов, основан на приоритете личного уровня ценностей (эгоизм), использовании насильственных методов по принципу «цель оправдывает средства», культурной индифферентности, готовности адаптироваться к любой культурной среде, отказ от самоидентификации с определенной национальной культурой¹⁰⁵.

2. *Профессионал.* Данный термин, широко используется западной общественной наукой¹⁰⁶, где он обозначает представителей умственных профессий, для которых характерны сильно развитое ощущение групповой идентичности, а также артикуляция специальных профессиональных интересов и их общественное признание¹⁰⁷. В этом смысле этика профессионала противоположна ориентированному на личные ценности этосу интеллектуала. Вместе с тем профес-

¹⁰⁵ Соколов А.В. Указ. Соч. С. 57.

¹⁰⁶ В данном случае я использую понятие «профессионала» в той форме, в какой оно существует в европейской континентальной социологической литературе и военно-теоретических сочинениях США. (См.: Лукаш О. В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М., 2003. С. 74-75).

¹⁰⁷ Fuller W.C. Civil – Military Conflict in Imperial Russia 1881-1914. Princeton, 1985, P. 5.

сионал, замкнутый в рамках группового сознания, не поднимается до осознания общенациональных интересов.

3. Интеллигент.

Высшие формы этического самоопределения специалиста определяются понятием «интеллигент». Вместе с тем, как показывает анализ монографии А.В. Соколова, интеллигенцию нельзя рассматривать как этически единое целое. В частности, объектом служения интеллигента может быть как народ, нация и государство, так и абстрактное человечество в целом. Для того, чтобы учесть это различие, необходимо обратиться к позиции Л.И. Рейснера, высказанной в рамках дискуссии «Интеллигенция древняя и новая», организованном журналом Народы Азии и Африки.. По мнению Л.И. Рейснера, характерной чертой интеллигента всегда было *внутреннее противоборство между личностной и социальной стороной его сознания*. Таким образом интеллигенция возникает тогда, когда в ее сознании воплощаются *оба эти направления*, и выбор между ними является результатом *осознанного личностного действия*. Только в этом случае мы имеем право говорить о существовании таких качественных характеристик интеллигенции, как свобода личностного выбора, внутренняя мотивация деятельности и т.п.

Вместе с тем, по словам Л.И. Рейснера, в различные периоды истории на первый план выходит та или иная сторона сущности интеллигента, что отражается на всех сторонах сознания и деятельности представителей этой группы»¹⁰⁸. Таким образом, «идеальный интеллигент» и «социальный интеллигент» - не просто этические абстракции, это реальные характеристики различных групп интеллигенции. В связи с этим возникает необходимость дифференциации интеллигенции: на *гуманитарную интеллигенцию*, этос которой ориентирован преимущественно на личное самовыражение и *служилую интеллигенцию* деятельность которой реализуется в большей степени через тип «социального интеллигента». Рассмотрим подробнее позиции, по которым можно сравнить указанные группы.

¹⁰⁸ Интеллигенция древняя и новая. Круглый стол // Народы Азии и Африки. 1990. № 3. С. 84.

1. Различие в специфике деятельности представителей интеллектуального слоя типологически близко к разграничению между различными пра-сословиями в теории Освальда Шпенглера. Согласно его теории, источником развития общества является противопоставление двух пра-сословий: Знати и Духовенства. Объектом деятельности Знати является «факт» как часть реальной истории, а Духовенства – вечная «истина». Эти особенности диктуют и специфические черты духовенства и знати. Знать сочетает владение землей с заботой о тех, кто ее обрабатывает и, таким образом, *служит людям*. – Духовенство, живя в мире абстрактных идей, *служит истине*¹⁰⁹.

Сопоставляя эти группы, немецкий философ рассматривает их как полную противоположность друг другу. Переход из одного сословия в другое возможен, но он сопровождается сменой идентичности: так, воин может стать монахом, а иерарх церкви – политиком¹¹⁰. Вместе с тем более глубокий анализ дает возможность усомниться, так ли однозначно это противоречие? Рассуждая гипотетически, можно предположить, что если Духовенство считать интеллектуалами, а Знать – профессионалами, то место интеллигенции – *на грани между Знатью и Духовенством*.

Возвращаясь к терминологии Л.И. Рейснера, можно отметить, что в данном случае речь идет о противостоянии *культа высокого деяния* – *культу высокого слова*. Подлинная «Знать» - профессионалы - живет в истории, она в полном смысле укоренена, и, являясь «высшим крестьянством», исполняет свои профессиональные обязанности (обязательства). В противовес знати «Духовенство» (интеллектуалы) живет в мире абстрактных идей и вечных истин, праведности и греха, ничего общего не имеющих с реальностью. Однако этическое совершенствование, восхождение к интеллигенции сглаживает эти различия.

Сама концепция «высокого деяния» предполагает, что в этом случае реальность, благодаря действиям служилой интеллигенции, максимально *приближена к идеалу*, будь то военная победа, административная реформа или инженер-

¹⁰⁹ Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М., 2003. Т. 2. С. 346, 358–359, 473.

¹¹⁰ Там же. С. 281.

ное решение. Вместе с тем *культ высокого деяния* характерен и для многих представителей гражданской интеллигенции, живущих в мире идей и теорий. Она ориентирована не только на постижение истины но, в то же время, стремится изменить мир, перестроить его на началах социальной справедливости. Такова русская литература XIX века от Пушкина до Достоевского. Как отмечает Л.А. Игнатенко, подобные тенденции были характерны и для других стран и народов (он приводит пример арабской средневековой интеллигенции)¹¹¹.

С другой стороны, в основе практическая деятельность служилой интеллигенции лежат универалистские ценности гуманизма и патриотизма – коренящиеся в *культе высокого слова*.

2-3. Сочетание идеалов высокого слова и деяния оказалось возможным, благодаря изменению *ценностных ориентаций специалиста*. Как уже указывалось, в основе деятельности *интеллектуала* лежит **ЭГОИЗМ** (персональные ценности). Логическим дополнением эгоизма служит космополитизм – по определению А.В. Соколова, – «готовность адаптироваться к любой культурной среде, отказ от самоидентификации с определенной национальной культурой»¹¹².

Развитие сознания интеллектуала приводит к тому, что на основе эгоистического космополитизма формируется абстрактная любовь к человечеству, то есть универалистские ценности (идеалы)¹¹³. К подобным выводам приходит и О.Шпенглер, считая, что поскольку духовенство (интеллектуалы) живет в мире абстрактных идей и вечных истин, где нет национальных и государственных границ, то оно *космополитично*¹¹⁴, то есть полностью отрицает национальные интересы и культурные особенности.

Универалистские ценности в данном случае – основа для самосознания *гуманитарной интеллигенции*.

С другой стороны, в основе ценностных ориентаций профессионала лежат корпоративные (групповые) интересы. Формирование расширенного самосозна-

¹¹¹ Народы Азии и Африки. 1990. № 2. С. 49, 54.

¹¹² Соколов А.В. Указ. Соч. С. 57.

¹¹³ См.: Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М, 1999. С. 376.

¹¹⁴ См.: Шпенглер О. Указ. соч. С. 189–190.

ния в данном случае приводит к тому, что корпоративные интересы дополняются интересами национальными. По мнению О. Шпенглера, патриотизм (этатизм) выступает как характеристика Знати (профессионалов): он вырастает из «имения», земельной собственности и всех связанных с ней обязательств¹¹⁵. Таким образом формируется самосознание *служилого интеллигента*.

Однако ориентация гуманитарной интеллигенции на универсалистские ценности, а служилой – на государственные интересы не означает замкнутости этих систем.

Гуманитарный интеллигент, не переставая считать себя «гражданином Ойкумены», в процессе своего развития осознает социальную ответственность и выделяет свой народ, воспринимая его не только как аудиторию, но и как объект служения.

Излишняя увлеченность гуманитарной интеллигенции «общечеловеческим», его космополитизм, опора исключительно на *универсалистские ценности (идеалы)*, вне связи с реальным состоянием общества может привести к полному разрыву с национальной культурой, социальному прожектерству, увлечение идеологическими системами, созданными в иных цивилизационных условиях и ориентированных на иную иерархию ценностей. Результатом такого перекоса может быть потеря легитимных оснований национального государства и, как результат – к гибели общества или, по меньшей мере, к глубочайшему кризису социальной системы. К сожалению, наше поколение было свидетелем этих процессов, когда стремление интеллигенции и тяготеющего к ней руководства страны к конвергенции закончилось тем, что СССР как государство перестал существовать.

С другой стороны, служилый интеллигент, который в своей деятельности достиг уровня искусства, уже не может по-прежнему презирать иноплеменников как варваров и/или ненавидеть, считая их дикими зверями, обреченными на уничтожение. Военному интеллигенту для победы требуется *понимание врага*,

¹¹⁵ Там же. С. 360, 367, 387.

интеллигенту-чиновнику – *уважение к иноплеменнику*: купцу и варвару, пришедшему на службу империи.

В противном случае, ориентация служилой интеллигенции исключительно на национальные интересы, вне связи с развитием культуры иных народов, ведет к потере ориентиров развития вплоть до его полной остановки. Наиболее ярким примером такого положения явилась культурная замкнутость России XVII века, выход из которого оказался возможен только в страшно тяжелых для страны петровских преобразованиях.

Таким образом, для *служилого интеллигента* идеальной является ситуация, когда, осознавая реальность партикулярных (групповых, корпоративных) интересов, и продолжая воспринимать их как элемент мотивации своей деятельности, он способен подняться до осознания универсалистских ценностей. Этическое совершенствование *гуманитарной интеллигенции* заключается в осознании ответственности перед своей страной и народом, которое прекрасно отражается в термине «смиренномудрие»¹¹⁶.

Таким образом, в восприятии интеллигенции происходит сближение патриотизма и ойкуменизма

4. На практике деятельность интеллигенции связана с решением таких вопросов, как противостояние *новации и творчества – традиции и канону*.

С одной стороны, традиция является неотъемлемым свойством культуры. По словам К.В. Чистова, понятия “культура” и “традиция” почти синонимичны. Термин “культура” обозначает сам феномен, а “традиция” – механизм его функционирования. Иначе говоря, традиция – это система связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой системы совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся¹¹⁷. Механизм самосохранения, воспроизводства и регенерации этнической культуры как системы, традиции включают в себя процесс и ре-

¹¹⁶ См. Соколов А.В. Указ. Соч. С. 167.

¹¹⁷ См.: Чистов К.В. Традиция, “традиционное общество” и проблема варьирования // Советская этнография, 1981, № 2, С. 106.

зультаты стереотипизации как сгусток социально-исторического опыта людей.¹¹⁸

С другой стороны, как отмечал А. Тойнби, следование традициям в условиях изменяющегося общественного окружения (Вызова) неизбежно приводит цивилизацию к гибели.

Традиция и новация присутствует в деятельности всех групп, относящихся к интеллектуальному слою. Наибольший традиционализм присущ профессионалам, так как принадлежность к государственным структурам требует от своих служителей охранительного поведения.

В наименьшей степени традиции связывают интеллектуалов, чья деятельность ориентирована на жизненный успех, в достижении которого такие ограничители, как сохранение культуры и природы, практически не работают.

При переходе к интеллигенции, на основе сочетания критики с ответственностью происходит осознание того факта, что, с одной стороны, перемены неизбежны, и, вместе с тем, полный разрыв с традицией невозможен, а разрушение общества «до основания» приведет к его гибели. В этих условиях результативная деятельность интеллигенции возможна только тогда, когда *стремление к реформе и традиционализм диалектически сочетаются*. В частности, даже в периоды революционных преобразований отказ от старых традиций и социальных институтов должно сочетаться с сохранением архетипа народа, отраженного в идеалах и ценностях общества. Вне этой основы народ теряет свою целостность и перестает существовать как единое целое.

Но и для различных отрядов интеллигенции профессиональная принадлежность оказывает влияние на соотношение традиционности и новизны: для служилой интеллигенции превалирует первая, для гуманитарной – вторая.

5. Противоречие между новацией и традиции неотъемлемо связаны с характерным для интеллигенции диалектическим единством между *свободой воли и мысли и моральными обязательствами*. На уровне противостояния ценностных

¹¹⁸ См.: Абрамян Э.Г. Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры // Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, С. 93.

ориентаций интеллектуалов и профессионалов это противоречие не решаемо: для первого высшей ценностью является *свобода*, а содержание деятельности второго заключается в подчинении служебной дисциплине. Однако при переходе на новый уровень сознания эти ценности не только не противоречат, но и вполне успешно дополняют друг друга.

Данное противоречие чрезвычайно интересно отражается в творчестве Арнольда Тойнби. Развитие цивилизации, по его мнению, происходит благодаря т.н. «творческому меньшинству». Английский исследователь отмечает, что в ходе развития цивилизации «источником действия никогда не является само общество, однако всегда – некоторая индивидуальная душа. Действие, являющееся *актом творения* (курсив мой – А. П.), всегда совершается душой, обладающей в некотором смысле сверхчеловеческим гением»¹¹⁹. От творца, по мнению А. Тойнби, требуется «собственная внутренняя инициатива», его действия являются «*самоопределенными*»¹²⁰. Таким образом, характеристики этой группы дают возможность идентифицировать ее с интеллигенцией.

Корректность этого сопоставления подтверждается тем фактом, для А.Тойнби среди качественных характеристик творческого меньшинства особую роль играет *нравственный облик*. Историк не раскрывает, что он понимает под объектом творчества, однако это, прежде всего, явление, находящееся вне самого творца¹²¹, для анализа которого требуется выйти за рамки привычного бытия, за границы обыденного восприятия действительности, воспринять концепции, относящиеся к жизни общества в целом. И после того, как рецепт выхода из кризиса будет найден, интеллигенция не имеет права почивать на лаврах. Для А.Тойнби очевидно, что, представители творческого меньшинства «*не могут бросить собратьев своих* (курсив мой – А. П.) и направляют все свои усилия на то, чтобы мобилизовать остальных членов общества на совместное движение»¹²². Таким образом, способность к свободному творчеству должна соче-

¹¹⁹ Тойнби А. Дж. Указ. Соч. С. 463.

¹²⁰ Там же. С. 314.

¹²¹ Там же. С. 313.

¹²² Там же. С. 312.

таться с готовностью к *социальному служению*. Отказ от этого служения, «моральная аберрация»¹²³, выражается в замыкании творческого меньшинства и превращении его в правящую элиту¹²⁴ интеллектуалов. Если в составе интеллектного слоя сохраняются представители только этой группы, ее «пресыщенность и необузданность» неизбежно ведут цивилизацию к краху¹²⁵.

6. Анализ дихотомии личностного и социального начала дает возможность проанализировать еще одно качество, обычно считающееся качественной характеристикой интеллигенции. Согласно традиционной точке зрения, интеллигент должен быть противником любой власти и религии¹²⁶. Однако корректность такого похода вызывает обоснованное сомнение: в этом случае исследователь предопределяет личностный выбор интеллигента: действовать в поддержку или против государства, принимать или отрицать ту или иную идеологию (как светскую, так и религиозную). Поэтому фундаментальная критика – это характерная черта интеллектуала. Для гуманитарной интеллигенции более корректно использование термина «*критичность*», понимаемого как способность его сознания ставить под сомнение любые социальные рецепты, идеи и формулы. Это качество проявляется по отношению не только к традиции (как рассматривает это понятие А.К. Кобзев¹²⁷), но и к власти, господствующей или оппозиционной идеологии, религии. При этом чрезвычайно важно, что целью данной критики должно стать не самоутверждение и безоглядное стремление к разрушению существующего государства, а *ответственность* интеллигента перед обществом, народом и своей совестью. Сочетание критичности и ответственности перед своим народом присуща и служилой интеллигенции, однако в этом случае действует обратный процесс: долг перед народом заставляет представителей этой группы критично относиться к любым негативным явлениям, присущим их обществу и государству. Здесь кроется одно из отличий служило-

¹²³ Там же. С. 342.

¹²⁴ У Тойнби – в «правлящее меньшинство» (Там же. С. 320).

¹²⁵ «... как часто они предпочитали почивать на лаврах, растеряв свои творческие потенции, или впадали в пресыщение и необузданность, которые вели их к гибели?» (Там же).

¹²⁶ См.: Народы Азии и Африки. № 2. С.49, 50.

¹²⁷ Там же. С. 49.

го интеллигента от профессионала, ограниченного интересами своей группы и озабоченными сохранением «чести мундира».

7. Присущие интеллигенции противостояние идеалов *самосовершенствования и самоотречения* имеет смысл проанализировать в русле концепции Абрахама Маслоу (1908–1970). Его концепцию «самоактуализирующейся личности», на мой взгляд, в полной мере можно применить для характеристики интеллигенции. Если это так, то восхождение от интеллектуала к гуманитарному интеллигенту сопровождается формированием такой системы духовно-нравственных ценностей, в которой гармонично сочетается *самодостаточность* (понимаемая как самодетерминация, стремление к преодолению давления среды)¹²⁸ с *метамотивацией*, или стремлением следовать метамотивам, или бытийным (универсалистским) ценностям, таким, как истина, добро, красота, цельность, справедливость и т.д.¹²⁹. Таким образом, самоактуализация человека, по мнению этого исследователя, возможна только тогда, когда его *самосовершенствование* будет поставлено на службу высшим ценностям (метамотивам), и, таким образом, в полном смысле этого слова может рассматриваться как *самоотречение*.

8. Подобные процессы происходят с осознанием *избранности интеллигенции*. Для интеллектуалов и профессионалов это понятие является одним из основополагающих элементов мировоззрения. Различие только в том, что для интеллектуала – эта идея носит личный характер, а у профессионала существует уверенность в особой роли представителей его профессии в обществе¹³⁰.

Гуманитарная интеллигенция, как показала в своем выступлении И.С. Свенцицкая, сохраняет это ощущение избранности, особой ценности духовной деятельности, но сочетает его с представлением о естественном равенстве людей¹³¹. Мировоззрение, основанное на этом сочетании, с одной стороны, формирует мессианские воззрения интеллигенции (избранность), а с другой – по-

¹²⁸ См.: Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы /Пер с англ. М., 1999. С. 133.

¹²⁹ См.: Там же. С. 31, 132–134.

¹³⁰ См.: Лукаш О. В. Указ. Соч. С. 62.

¹³¹ См.: Народы Азии и Африки. № 2. С. 45–47.

зволяет сформироваться интеллигенции как специфической социальной группе, объединяющей ее членов поверх традиционных социальных границ.

Для служилой интеллигенции идея элитарности сочетается с высокой требовательностью к своему поведению, морально-нравственным качествам и профессиональной деятельности по принципу «положение обязывает».

9. Этическое самоопределение специалиста не может быть ограничено анализом *целей* его деятельности Совершенно справедливо А.В. Соколов в качестве одной из основных направляющих морального выбора рассматривает проблему *средств достижения* избранных целей. В частности, наибольшее значение имеет *проблема толерантности специалиста*. При этом под толерантностью понимается «способность индивида без возражений и противодействия воспринимать отличающиеся от его собственных мнения,.. и какие-либо иные особенности других индивидов»¹³².

Вместе с тем я считаю неправильным ограничивать понятие толерантность, рассматривая его только как отказ от насилия, то есть «отрицание принуждения как способа взаимодействия человека с миром, природой, другими людьми»¹³³, как видит это понятие А.В. Соколов. Скорее, отношение к насилию должно выступать как самостоятельная этическая проблема, отношение к которой, как правильно отмечает А.В. Соколов, определяется культурно-историческими реалиями¹³⁴. Прежде всего, решение проблемы насилия применительно к интеллектуальному слою в целом зависит от уровня общности, на котором применяются это понятие. Этика служилой интеллигенции, которая должна урегулировать отношения между различными группами общества и отстаивать интересы своей страны, в том числе и против агрессора, не может отказаться от насилия. Вместе с тем развитая нравственность представителей этой группы не может смириться с его необходимостью и стремится по возможности его минимализировать. Таким образом возникает концепция «идеальной войны», когда цели государства достигаются без сра-

¹³² Бондырева С. К., Колесов Д. В. Толерантность (введение в проблему). М.; Воронеж, 2003. С. 5. Цит. по Соколов А.В. Указ. Соч. С. 54.

¹³³ Макарова Н. И., Наливайко Н. В. Насилие – ненасилие в современном образовании. Новосибирск, 2004. С. 151. Цит. по Соколов А.В. Указ. Соч. С. 54.

¹³⁴ Соколов А.В. Указ. Соч. С. 59.

жений. Примером такого отношения к войне является деятельность Ивана III, а в Новой истории России – М.И. Кутузова.

Насилие для *профессионалов* выступает как обыденность, и жертвы как свои, так и противника воспринимаются как нормальное явление по принципу «цель оправдывает средство». Аналогичное поведение демонстрируют и *интеллектуалы*.

Таким образом, таблица ценностных ориентаций интеллектуального слоя будет выглядеть следующим образом (см. Таб. 3.):

Таб. 3. Этическая дифференциации интеллектуального слоя

	Интеллектуалы	Гуманитарная интеллигенция	Служилая интеллигенция	профессионалы
1.	Культ высокого слова	Культ высокого слова как дела	Культ высокого деяния	Исполнение профессиональных обязанностей
2.	Персональные ценности	Универсалистские ценности (идеалы)	Национальные ценности (интересы)	Корпоративные ценности (интересы)
3.	Космополитизм	Ойкуменическое гражданство	Патриотизм	Межнациональное корпоративное единство
4.	Новация и творчество	Новация и творчество / Традиция и канон	Традиция и канон / Новация и творчество	Традиция и канон
5.	Свобода как высшая ценность	Свобода воли и мысли	Моральные обязательства	Служебные обязательства

6.	Фундаментальная критика	Критичность	Социальная ответственность	Профессиональная ответственность
7.	Самореализация	самосовершенствование	самоотречение и самопожертвование	карьер
8.	Избранничество (элитаризм)	Избранничество / эгалитаризм	«Положение обязывает»	Профессиональная избранность
9.	Цель оправдывает средства	Ненасилие	Отношение к насилию как к «меньшему злу»	Цель оправдывает средства

Итак, наиболее объективным подходом к проблеме интеллигенции является функциональный подход. Согласно этому подходу интеллигенция является частью группы образованных и творческих людей – «интеллектуального слоя» – исполняющего функцию самоорганизации общественной системы. Специалистов отличает интеллектуальность, креативность и отношение к своей профессии как к призванию.

Структура этого слоя представляется следующим образом:

- *по форме участия в сложных специфических формах коммуникации* он делится на гуманитарных и служилых специалистов.

- *по господствующим ценностям* специалисты делятся на интеллектуалов, профессионалов, гуманитарную интеллигенцию и служилых интеллигентов.

В этом контексте сущностными характеристиками *интеллектуалов* является ориентация на личностные ценности, космополитизм, стремление к самореализации и свободе как высшей ценности вместе с ориентацией на фундаментальную критику, ощущение личной избранности и принцип «Цель оправдывает средства».

Профессионалы – это группа, деятельность которой ориентирована на корпоративные ценности, среди которых: исполнение профессиональных служебных обязанностей, личная карьера, поддержание целостности культурной и государственной традиции. Системообразующими принципами идеологии этой группы являются принципы профессиональной ответственности и избранности, межнационального корпоративного единства и безразличия в средствах ради достижения этих целей.

Качественными характеристиками *интеллигенции в целом* является свободный выбор между социальными и личностными ценностями, среди которых: стремление к универсалистским идеалам и национальным интересам, сочетание новации и творчества с традициями и канонами, свободы воли и мысли с моральными обязательствами, критичности с социальной ответственностью, самосовершенствования с самоотречением и самопожертвованием. Основой деятельности являются принципы гуманизма и толерантности.

Специфическими особенностями *гуманитарной интеллигенции* является сравнительно большая ориентация на личностные ценности, сочетание идеи избранности с эгалитаристским представлением о равенстве всех людей, реализация в деятельности принципа ненасилия.

Отличительные черты *служилой интеллигенции* связаны с приоритетом социальных ценностей, идея избранности компенсируется принципом «положение обязывает», их деятельность основана на отношении к ненасилию как к меньшему злу.

1.2. Специфика военного отряда интеллигенции

Как показал обзор исторической литературы, посвященной теме сущности военной интеллигенции, эта проблема до сих пор не получила единого и однозначно выраженного решения.

Никто уже не сомневается, что с точки зрения социально-профессионального подхода военная интеллигенция существует: наличие у подавляющего большинства представителей командного состава армии и флота таких качеств интеллигенции, как образованность и умственный характер труда не подвергаются сомнению.

Вместе с тем такой подход, как показал анализ историографии, уже не удовлетворяет исследователей. Если исходить из нравственно-этического подхода, то военная интеллигенция должна сочетать в себе расширенную самоидентификацию, предполагающую наличие гуманизма, высокого уровня социальной ответственности и самоотречения в служении общественным интересам с личностной самоактуализацией, предполагающей самодерминацию поступков (совестливость) и способность к креативности.

Однако далеко не все исследователи согласны с тем, что военная интеллигенция, рассматриваемая в данном значении, имеет право на существование. Их рассуждения сводятся к тому, что специфика военной профессии *сводит на нет понятие интеллигентности*. Аргументация этих исследователей опирается на следующие положения:

1. Военная профессия по своей сути антигуманна¹³⁵.
2. Обязательное подчинение воинской дисциплине приводит к механизации деятельности военных, теряется способность к творчеству.

Таким образом, на первый взгляд «интеллигенция» и «военные» - не сочетаемые понятия. Однако, если эти рассуждения справедливы, то не совсем понятно, как такая важнейшая сфера жизни общества, как обеспечение его безопасности, может обойтись без творческой, преданной обществу военной интеллигенции? А.В. Соколов, отстаивая возможность участия интеллигенции во власти, замечает, что в противном случае «получается нелепость: об-

¹³⁵ Как вариант – интолерантна (А.В. Соколов. Указ. Соч. С. 294).

ществом в целом, включая нищую культурную элиту, должны руководить неинтеллигентные люди – деспоты, мерзавцы, циники с сомнительным уровнем интеллекта. Не верится в такую «специфику» русской интеллигенции и русского образа жизни»¹³⁶. Так неужели эти негативные характеристики относятся к тем, кто профессионально отвечает за безопасность Отечества?

Так ли фатальны отмеченные противоречия?

Рассмотрим эти положения подробнее. Как уже указывалось главные возражения против сочетания в одной фразе терминов «военный» и «интеллигент» вызывает *антигуманная сущность войны*. Традиционно считается, что именно в убийстве противника – смысл существования военного человека.

Аргументируя эту позицию, А.В. Соколов отмечает, что военных нельзя причислить к интеллигенции, так как «их профессия состоит в том, чтобы наилучшим образом чинить насилие, разрушение и человекоубийство. Профессиональное самоопределение воина предопределяет интолерантность его этического самоопределения. Кроткий солдат, не способный пролить чужую кровь, профессионально непригоден. Значит, «военной интеллигенции» быть не может, могут быть только «военные интеллектуалы»»¹³⁷.

Однако при более внимательном анализе антигуманность воина не кажется столь очевидной.

Первоначально способность воина к убийству уравнивалась с одной стороны, его самопожертвованием, готовностью к смерти, с другой – необходимостью защиты тех, кто в этой защите нуждается. Изначально возникновение профессиональных военных объяснялось необходимостью противопоставить агрессии – агрессию, смерти – смерть. Там, где сформировалось целостное мировоззрение профессиональных воинов (индийских кшатриев, японских самураев, европейских рыцарей, византийских и китайских полководцев¹³⁸, витязей и князей Древней Руси, воевод Московии, офицеров России Нового времени¹³⁹),

¹³⁶ Там же. С. 79.

¹³⁷ Соколов А.В. Указ. Соч. С. 294-295.

¹³⁸ См.: Попов А.В. Берсерки, герои, полководцы... С.42, 62, 117, 120-122, 131-133.

¹³⁹ См.: Его же. Военная интеллигенция России... С. 73, 75-77, 85-86, 148-157, 183-185, 189-202.

оно было основано на необходимости защиты мирного населения от ужасов войны. Один из наиболее ярких примеров такого отношения представлен в древнеиндийском сборнике законов, создание которого приписывается легендарному царю Ману: «Высшая дхарма кшатрия (долг воина – *А.П.*)– охрана подданных»¹⁴⁰.

Ради этой цели воин не только может, но и должен убить того, кто воплощает в себе смерть его близких, страдания и унижения его народа.

Вместе с тем, гуманность для военного интеллигента не является пустым звуком: с древнейших времен одним из условий успешного командования армией в бою была забота о своих воинах. Один из древнейших трактатов по военному искусству, созданный китайским полководцем Сунь-Цзы в V в. до н.э., рекомендовал военачальнику: «...если будешь смотреть на солдат как на любимых сыновей, сможешь идти с ними хоть на смерть»¹⁴¹.

Однако милосердие военного интеллигента распространяется не только на собственных воинов. Великой задачей воина во все века было *стремление сохранить человеческий облик в бесчеловечных условиях войны*. Для этого вместе с формированием специфической военной культуры формируется представление о войне как форме игры, имеющей свои правила и запреты¹⁴². В частности, благодаря моральному прогрессу и развитию военного искусства сформировалось неприятие лишних смертей. Воины пришли к пониманию того, что в ходе войны нет директивной необходимости в убийстве врага: достаточно лишить его возможности сражаться (пленить, заставить отступить, лишить воли к борьбе...). Теоретический анализ войн показывает, что их цель – в лучшем, чем прежде, мире¹⁴³. В то же время ничто так не мешает заключению прочного мира, как неоправданная жестокость, нарушение правил ведения войны, оскорбление противника. Таким образом, развитие профессиональной во-

¹⁴⁰ Законы Ману. VII. 144.

¹⁴¹ *Сунь-цзы // Искусство войны: Антология военной мысли: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. Р. Светлова. СПб., 2000. Кн. 1. Древний мир. С. С. 25-26). Подробнее см.: Попов А.В. Берсерки... Герои... Полководцы... С. 129-147.*

¹⁴² Подробнее см. *Хейзинга Й. Homo ludens. В Тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 105-123.*

¹⁴³ Конечно же, у каждой страны, ведущей войну, свое представление о том, *каким* будет наступивший мир

енной культуры сопровождает развитие гуманизма. В России наиболее четко этот принцип проявляется в XVI в., XVIII-XIX вв., когда сформировались четкие правила ведения войны, отход от которых чрезвычайно болезненно воспринимался всеми участниками военных действий.

Однако это не единственное замечание, мешающее признанию существования военной интеллигенции. Такие качества интеллигента, как инициативность, стремление к творчеству и свободе как к высшим ценностям на первый взгляд не получают подкрепления в условиях военной службы.

На первый взгляд, это суждение не лишено основания. Профессиональная деятельность военного существенно отличается от труда представителя гражданской интеллигенции (художника, писателя, философа, преподавателя). Военачальник не сможет профессионально состояться вне формального социального статуса: самый талантливый полководец – ничто без подчиненной ему армии, вооруженной и подготовленной для самостоятельных боевых действий. Поэтому деятельность военного (особенно в условиях регулярной армии) протекает в рамках жесткой иерархизированной структуры, подразумевающую жесткую регламентацию отношений между командиром и подчиненными. Подчинение приказу требует от последнего не только самодисциплины и самоограничения. Часто военный вынужден выполнять приказ, который с его точки зрения необъясним. Примером такого приказа может служить требование отступить в ситуации, когда подразделение успешно обороняется. Однако если оперативная обстановка усложнилась настолько, что угрожает окружением, выполнение этого приказа – единственное средство предотвратить полное поражение¹⁴⁴.

Вместе с тем военная деятельность, как ни одна другая, не требует творческого, неформального, свободного от шаблонов сознания: любое тривиальное действие в бою будет легко разгадано и обращено против самого исполнителя. Кроме того, ни один бой не идет по заранее составленному плану: самостоя-

¹⁴⁴ Интересны рассуждения на эту тему, принадлежащие штабс-капитану Догановскому (См.: *Догановский* Условия, которым должно удовлетворять военное образование солдата. Методы образования. Постановление о внутренней службе у нас и во Франции // РГВИА Ф. 544. Оп.1. Д. 1689. Л. 9об-10.)

тельные действия противника создают массу случайностей, на которые необходимо не только адекватно, но и быстро ответить.

Блестящим примером творчества в военном деле был А.В. Суворов. Столкнувшись в ходе Итальянского похода с новой тактикой французской армии, он встал перед неразрешимой, казалось бы, дилеммой. После 3-х дневного сражения при Требии он сделал вывод, что против в войне против французской армии необходимо сменить линейную тактику на построение колоннами. Однако уставы поменять не мог и переучивать войска не имел времени. В этих условиях А.В. Суворов, впервые используя эшелонирование линейного строя и сильный резерв, компенсировал преимущества французской армии, что привело к победоносному завершению кампании¹⁴⁵.

Необходимость сочетания свободы творчества на котором основано военное искусство, и дисциплинированности, необходимой для военной организации, – чрезвычайно серьезная проблема. Для ее решения в рамках военной организации был *создан ряд институциональных противовесов*, смягчающих жесткость военной иерархии.

В первую очередь, таким противовесом является *добровольность профессиональной военной службы*, ее *нравственная*, а не сословно-правовая мотивация. Действительно, история нашей страны показывает, что свобода выбора военной профессии является одним из условий формирования не просто грамотных профессионалов, но военных интеллигентов. Связь между этими явлениями объясняется тем фактом, что для военного интеллигента служба – это не повинность, а *призвание*, результат свободного сознательного личностного выбора. Человек, выбирающий военную профессию, *добровольно* обрекает себя на ограничение личной свободы, подчинение дисциплине, и, возможно, – на самопожертвование ради безопасности своей страны. Осознавая свою личную ответственность за судьбу страны, он трансформирует нравственные требования в личную задачу.

¹⁴⁵ Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. Сп., 1898. С. 112-113.

Ярчайший пример увлечения военным делом представлял А.В. Суворов. Обладая чрезвычайно разносторонними способностями, он с детских лет и до самой смерти проявлял необычайный интерес к полководческой деятельности. Еще в детстве его увлеченность и начитанность поразили близкого друга его отца – генерала Ганнибала, и тот посоветовал В. И. Суворову не мешать стремлениям сына. Впоследствии Суворов всегда стремился оказаться на поле боя. Находясь в Польше, он рвался на Балканы, где начиналась война с Турцией, в 1787 г. из Москвы просил Потемкина дать ему возможность командовать дивизией или корпусом «хоть на Камчатке»; летом 1792 г. рвался из Петербурга и просил направить его в Польшу с любым количеством войск; он стремится вырваться из Екатеринославской губернии, куда назначен командующим войсками, так как не чувствует в себе призвания «инженерными миллионами править», и, конечно, мечтает о продолжении службы во время ссылки¹⁴⁶.

Во-вторых, было бы неверно утверждать, что в самой военной службе нет места для **выражения и отстаивания собственного мнения**. В военных структурах на тех уровнях, где от военачальника требовалось самостоятельное мышление, действуют *военные советы*. Эта тенденция была заложена уже в Древней Руси, когда ни одно по настоящему серьезное решение князь не принимал, не выслушав предварительно доводы своих помощников (сначала – старших дружинников, а затем бояр). Таким образом, военные интеллигенты не только присутствовали при процессе принятия решения, но и участвовали в обсуждении проблемы, имели право высказаться, отстоять свою точку зрения. После этого любое принятое полководцем решение было психологически гораздо более приемлемо.

¹⁴⁶ См.: А. В. Суворов: Документы. Т. 1. С. 293; Т. 2. С. 303; Т. 3. С. 94, 178; В письмах – 44 упоминания.

При этом отсутствие самостоятельности подчиненного, неспособность нарушить прямой приказ привели к фатальному поражению даже такого полководца, как Наполеон¹⁴⁷.

Вместе с тем, самостоятельность мышления в условиях жесткой иерархизированной военной структуры требует от военного интеллигента гораздо больше мужества и более глубокого осознания собственной ответственности, чем от любого гражданского интеллигента, хотя именно свободомыслие считается главной отличительной характеристикой ее представителей.

В пользу существования военной интеллигенции как специфической группы говорит и многочисленные примеры *многогранности таланта* многих военных интеллигентов. Прежде всего, он проявляется в созидательной государственной деятельности. Действительно, до Петровских преобразований военная и государственная деятельность были слабо дифференцированы. Многие выдающиеся русские правители были *прежде всего военными*. Так, в постоянных войнах провел свою жизнь Владимир I Святославович. Его сын Ярослав Мудрый известен не только созданием системы государственного права и церковным строительством, но и разгромом печенегов. Одним из лучших военачальников своего времени был Владимир Мономах, прекративший «лествичные» ссоры между князьями и на короткое время объединивших страну перед лицом половецкого нашествия. Блестящим дипломатом был Александр Невский, чья мирная деятельность спасла Русь от монгольских набегов не в меньшей степени, чем военная – защитила от нашествия с Запада. То же самое можно сказать о Дмитрии Донском, не только разбившем Мамаю, но и создавшем новый «формат» отношений с Ордой. И, конечно же, освободивший Русь от остатков иго и, вместе с тем, создавший ее как самостоятельное государство Иван III.

¹⁴⁷ В сражении при Ватерлоо корпус Нея, вместо того, чтобы противодействовать объединению английских и прусских войск, преследовал последних. Как оказалось впоследствии, приказ был искажен в процессе передачи, однако Наполеону, на которого обрушилось две армии вместо одной, это уже не помогло.

Итак, все вышеперечисленное дает возможность утверждать, что среди военных выделяется группа военачальников, которой присущи основные сущностные черты интеллигенции. Таким образом, можно считать доказанным, что **военная интеллигенция существует**. Вместе с тем, это не означает тождественности военного и гражданского отрядов интеллигенции. А.В. Соколов справедливо указывает, что суть профессионального самоопределения – «не только в овладении знаниями и умениями, но и в освоении мировоззрения, языка и стиля мышления, *ценностных ориентации, нравственно-этических норм*, (выделено мной – А.П.) свойственных данному профессиональному сообществу и образующих его культурное наследие»¹⁴⁸.

Черты военной интеллигенции вытекают из характера стоящих перед ней задач. От этого отряда интеллигенции, его подготовленности к защите Отечества зачастую зависит неприкосновенность границ страны, предупреждение попыток военных провокаций и т. д. **Военное дело обладает своими особенностями**, которые не могли не отразиться на специфике военной интеллигенции.

Прежде всего, военное дело предполагает *готовность любого воина к самопожертвованию*. Наиболее четко этот принцип формулирует Ямамото Цунэ-томо: «Путь самурая – это смерть»¹⁴⁹. Стремление сохранить свою жизнь, совершенно естественное в любой другой сфере, здесь воспринимается как трусость. Любой военный, который дал повод заподозрить себя в трусости, рискует полной потерей авторитета.

Эта особенность сознания военного человека не могла не отразиться на *специфике военного управления*. Авторитет лидера любой организации формируется на основе соответствия действий субъекта управления идеальным образцам поведения, распространенным в данном сообществе; очевидно, что для его сохранения необходимо *ценностное единство* между объектом и субъектом влияния¹⁵⁰. В реальности авторитет лидера организации всегда подкрепляется властью, т.е. угрозой насилия. Однако если речь идет о воинском сообществе,

¹⁴⁸ Соколов А.В. Указ. Соч. С. 47.

¹⁴⁹ Цунэ-томо Я. Харакурэ // Сато Х. Самурай: История и легенды. СПб., 2004. С. 256.

¹⁵⁰ См.: Квакин А.В. Указ. соч. С. 67.

роль насильственной власти существенно снижается: сложно чем-то испугать человека, готового идти на смерть. Таким образом, особую роль играет ценностное единство военачальника и его подчиненных.

Следовательно, для военной интеллигенции будет характерно *более сильное ощущение групповой идентичности*, в том числе и относительно большее значение групповых ценностей. Спецификой формирования системы ценностей военного интеллигента является отказ от ограниченности групповых интересов при том, что в полной мере он не может от них отказаться, чтобы не потерять свой авторитет. Это противоречие, являясь частным случаем уже упомянутой дихотомии социального и идеального в сознании интеллигента, не имеет однозначного решения и в каждом конкретном случае является предметом индивидуального свободного выбора интеллигента. Предваряя дальнейшее исследование, необходимо отметить, что главными ценностями, характерными для военных профессионалов, которые должны были или принять, или отринуть военные интеллигенты, являлись:

а) «*Войсковое товарищество*», отражающее патриархальный характер межличностных отношений в военной среде. В любой военной организации – от раннегосударственных дружин до современных армий отношения между начальником и подчиненным строятся по принципу сочетание заботы (сверху) и уважения (снизу), которое наиболее характерно для семейных отношений¹⁵¹. Не случайно так похожи высказывания Сунь-цзы (Китай, VI в. до н.э.) и М.Ю. Лермонтова (Россия, XIX в.):

- «Если будешь смотреть на солдат как на своих детей, сможешь отправиться с ними хоть на самое глубокое ущелье»¹⁵²;

- «Полковник наш рожден был хватом:

Слуга царю – отец солдатам...»¹⁵³.

¹⁵¹ Подробнее см.: Попов А.В. Берсерки... Герои... Полководцы.... С. 129-147.

¹⁵² Сунь-цзы // Искусство войны: Антология военной мысли: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. Р. Светлова. СПб., 2000. Кн. 1. Древний мир. С. С. 25-26).

¹⁵³ Лермонтов М.Ю. Собр. Соч. : в 4-х т. Т. 1. С. 410.

Эта выдержка из стихотворения М.Ю. Лермонтова показывает и еще одно характерное качество русского военного профессионала.

б) *Личная преданность монарху* как высшего воплощения патриархальных отношений, на которых строится военная организация. Эта *патриархальность сознания* была характерной чертой военной интеллигенции, сохранившись даже тогда, когда остальная интеллигенция давно отошла от такого типа отношений.

в) Наиболее полно совокупность моральных принципов, основанных не на универсалистских ценностях, а на групповых интересах отражалась в категории «честь». Суть этой категории чести в данном значении отражает рейтинг воина в своей группе и группы воинов в воинском сообществе и в обществе в целом. Отношения чести связаны с двумя процессами: ее сохранение и приумножение, поиск.

Сохранение воинской чести предполагает прежде всего соблюдение правил, принятых в воинском коллективе.

В частности, одним из наиболее существенных правил воинской чести является необходимость личного примера, непосредственного участия военачальника в сражении. Не смотря на катастрофические последствия гибели полководца, вплоть до XIX века командующие армиями часто шли с бой рядом со своими солдатами. Так А.В.Суворов, например, не одну компанию не закончил, не будучи ранен.

Вместе с тем возможно и расширенное понимание сохранения чести военным интеллигентом: будучи частью системы корпоративной самоидентификации, честь может восприниматься как отражение осознания собственного достоинства¹⁵⁴.

г) Анализ чести как рейтинговой категории предполагает, что помимо ее сохранения, целью воина является приумножение, поиск чести. Именно поиск

¹⁵⁴ Исследования показывают, что этот сдвиг начал происходить еще в московский период русской истории (См.: Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001. С. 70.)

чести – главная цель воинов по мнению автора «Слова о полку Игореве»¹⁵⁵ В этом случае мерилom успешности воинского сообщества и результативности деятельности полководца является «слава».

Как правило, слава рассматривалась как индивидуальная категория. Однако еще в Средние века утвердилось представление о том, что своими подвигами военачальник прославлял Бога¹⁵⁶, а в Новое время слава полководца воспринималась как неотъемлемая часть национального престижа страны¹⁵⁷.

При этом авторитет полководца в военной среде, его слава, зависели не только от самого факта победы, но и от того, насколько серьезен был противник, то есть – насколько тяжелой и кровопролитной была война, этой победой увенчанная. И здесь коренится одно из основных противоречий полководческой деятельности: чем меньше потерь, тем лучше военачальник исполнил свой долг перед обществом, однако использование различных уловок дипломатического, стратегического или тактического характера ослабляет врага, и, тем самым, *снижает цену победы и славу полководца как военного профессионала*. И требуется огромное личное мужество для того, чтобы отказаться от личной славы, роста авторитета среди подчиненных, если есть возможность, например, заставить противника отказаться от своих планов и, таким образом, победить без кровопролитного сражения, а, следовательно, и без славы. Поэтому, перефразируя Сунь-цзы, военный интеллигент «выступая, не ищет славы, а, отступая, не думает о наказании... думает только о благе народа»¹⁵⁸.

Во-вторых, говоря о военной деятельности, необходимо отметить ее конкретность, непосредственную связь всех сторон деятельности военной интеллигенции (военной науки, управления, коммуникации, воспитания...) с практи-

¹⁵⁵ Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, *ищучи себѣ чти...*» (Слово о полку Игореве// Памятники литературы Древней Руси, XI – начало XII в. М., 1978. С. 98).

¹⁵⁶ «Да не зазрите ми, дети мои, ни инъ кто, прочеть, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грешнаго и худаго селико лет сблюд от техъ чась смертныхъ, и не ленива мя быль створиль, худаго, на вся дела человекская потребна» (Поучение Владимира Мономаха. // ПЛДР. Вып 1. С. 55.)

¹⁵⁷ А.В. Суворов в момент высшего торжества сказал: «Мой герой Цезарь. Альпы за нами, и Бог перед нами! Орлы Русские облетели орлов Римских» (История Князя Итальяского, Графа Суворова-Рымникского, Генералиссимуса Российских войск. Сочинение Н.А. Полевого. Издание третье. - М., 1890. - С. 281).

¹⁵⁸ Сунь-цзы. С. 25.

кой. Как следствие – в отличие гражданской интеллигенции, деятельность которой носит абстрактно-теоретический характер, *творчество военной интеллигенции всегда конкретно* и ориентировано на практику военных действий. Особенно важно это требование в реальном бою, где противник может воспользоваться не только любым непродуманным и поспешным шагом военачальника, но и наказать его за увлечение шаблонами, излишнее сложными перестроениями и т.д. Цена такой ошибки – жизни тех, за кого несет ответственность военный интеллигент.

Эти особенности военной деятельности определяют специфику военной интеллигенции по сравнению с интеллигенцией гражданской:

1) Еще И. А. Ильин отмечал, что каждый воин, независимо от своего низшего или высшего ранга, должен носить в душе сознание государственной цели и ее волевое и эмоциональное «приятие», поэтому служение в армии должно быть проникнуто «живым вдохновением государственности»¹⁵⁹. Если представитель гражданской интеллигенции в своей повседневной деятельности может часто игнорировать потребности Отечества, считая себя «гражданином мира» и высокомерно критикуя требования «соцзаказа»¹⁶⁰, то для военного интеллигента такая позиция невозможна: по роду своей деятельности основой его системы ценностей является **патриотизм**.

2) Деятельность военной интеллигенции определяется «написанными кровью» уставами и нормативными положениями. Нарушение порядка действий, предписываемых уставом, может повлечь за собой непредсказуемые последствия. Кроме того, устав формирует ту систему знаков, тот язык, который объединяет военных интеллигентов, находящихся на различных уровнях служебной иерархии. Подчинение уставу делает действия подчиненного предсказуемыми, позволяет при формулировке боевой задачи ограничиться определением цели, оставив ему самому решить, какими средствами этой цели дости-

¹⁵⁹ Ильин И.А. Путь духовного обновления: собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. книга, 1993. Т. 1. С. 169—207.

¹⁶⁰ Некоторые представители гражданской оппозиционной интеллигенции доходят до прямого национального предательства, выступая за «поражение собственного правительства».

гать. С другой стороны, военное дело не приемлет шаблонности по отношению к противнику. По словам Сунь-цзы, война – путь обмана¹⁶¹, и тот военачальник, чьи действия будут предсказуемы для противника, неминуемо проиграет.

Аналогичная ситуация складывается и тогда, когда военный интеллигент получает приказ. При этом, как уже указывалось, он имеет право отстаивать свое мнение лишь до тех пор пока не получен конкретный приказ. Конечно, все есть исключения: любой военный обязан не исполнять преступный приказ, возможна ситуация, когда необходимо нарушить букву приказа, чтобы сохранить его дух. В этом случае военный интеллигент должен обладать мужеством, чтобы нарушить приказ, приняв на себя всю ответственность за это деяние.

Таким образом, речь не идет о традиционном поведении, основанном на формальном исполнении уставов и приказов, предполагающем готовое решение в любой ситуации. Военный интеллигент будет успешен, только если он относится к военному делу как своему призванию, как к искусству, требующему творческого подхода. От него требуется личностное самосознание, и мужество, необходимое, чтобы принять на себя ответственность за принятое решение.

Вместе с тем **специфика самосознания** военного интеллигента предполагает его готовность отказа от собственного мнения ради сохранения единства управления военной организации.

3) Та роль, которую в сознании военной интеллигенции играет патриотизм и чувство иерархии, предполагает необходимость «снижения» **критичности** военной интеллигенции по отношению к официальной идеологии и ее «повышение» по отношению к «модным» в интеллигентской среде оппозиционным настроениям.

4) **Гуманность** военного интеллигента должна носить не абстрактный, а конкретный характер: искусство военного интеллигента заключается в максимальном сохранении жизни подчиненных и, вместе с тем – в выполнении боевой задачи – то есть защите тех людей, которые остались в тылу армии. При

¹⁶¹ Сунь-цзы. С. 11.

этом если другого выхода не будет, он должен быть готов вести своих солдат на смерть. Лучше всего эту позицию военной интеллигенции изложил китайский военный теоретик У-цзы. Он не считал гуманным правителя, который, видя трупы павших на поле битвы, предаётся скорби и слезам: «Не выступать против неприятеля – это значит не выполнять свой долг. Скорбеть о павших – это значит не иметь в себе гуманности»¹⁶². Если это и гуманность, то запоздалая и бесцельная. Истинная человечность проявляется *в усилиях правителя не допускать разорения своей страны, своего народа*. Такая точка зрения очень характерна для военной философии. Военачальники, как правило, очень далеки от чувствительного мягкосердечия, заставляющего предаваться скорби при каждой жертве войны и поэтому отторгать войну; такая гуманность может лишь отдать народ, страну захватчику. В данном случае размеры бедствий и страданий будут куда больше, чем при обороне страны с оружием в руках.

Вместе тем, как уже отмечалось, военная профессия не отменяет необходимости гуманизма как основы нравственности, но его проявлением является *конкретная* защита соотечественников, забота о своих подчиненных и уважение врагов. Последнее особенно важно для полководца, так в противном случае он окажется эмоционально не свободен и не сможет адекватно действовать как на поле боя, так и после окончания войны.

Таким образом, для военной интеллигенции характерны такие сущностные черты интеллигенции, как патриотизм, гуманность и личностное самосознание. Помимо того, военная интеллигенция отличается и **собственными сущностными чертами**. Среди них:

- **Готовность к самопожертвованию.** Для военного интеллигента собственное здоровье и жизнь – не более чем один из ресурсов, благодаря которому он получает возможность выполнить боевую задачу.
- **Самодисциплина как основа субординации и дисциплинированности.** Военный интеллигент, вне зависимости от степени его самостоятельности, управляет лишь *одним из подразделений* вооруженных сил своей страны.

¹⁶² У-цзы. Трактат о военном искусстве // Конрад Н.И. У-цзы: Пер. и коммент. М., 1958. С. 24.

Как следствие – ему необходимо учитывать проблемы более крупного масштаба, чем те, которые решает он сам, а значит – подчиняться приказам вышестоящего командования. Возможна ситуация, в которой военный интеллигент, будучи монархом, находится на вершине командной цепочки. Но и в этом случае он должен учитывать интересы своей страны, ее народа и вместе с тем не может не реагировать на требования своих воинов. В этом случае ему требуется большая самодисциплина, «самоуштрковка»¹⁶³, чем простому военачальнику. В сознании военного интеллигента это требование, как правило, воспринимается как проявление категории «долг».

– **Храбрость, самоконтроль, забота о своем авторитете.** Военный интеллигент – это прежде всего командир, который должен быть способен управлять подчиненными ему людьми и воспитывать их. Эти задачи невозможно реализовать без опоры на собственный пример. На практике это качество военного интеллигента реализуется через категорию «честь».

Таким образом, теоретический анализ проблемы сущности военной интеллигенции показывает, что это понятие имеет право на существование. Предваряя дальнейшее конкретно-историческое исследование можно гипотетически предположить, то для представителей военной интеллигенции характерны как родовые черты интеллигенции (интеллектуальность, критичность, образованность, развитое самосознание, гуманность и патриотизм) так и специфические характеристики (героизм и отвага, готовность к самопожертвованию, самодисциплина и самоконтроль) отражающие восприятие воинского долга и чести как категорических императивов.

Однако эта констатация не отменяет необходимости ответа на вопрос: когда возникает военная интеллигенция? Какие этапы она проходит в своем развитии? Ответ на эти вопросы необходимо начать с анализа проблемы генезиса интеллигенции в целом: когда мы можем с полным правом говорить о существовании первых интеллигентов? Какие условия необходимы и в чем особенности процесса генезиса интеллигенции?

¹⁶³ См.: Шпенглер О. Указ. соч. С. 350.

1.3. Теоретические основания анализа генезиса духовно-нравственных ценностей военной интеллигенции

До настоящего времени среди отечественных историков пользуется популярностью мнение, согласно которому интеллигенция считается исключительно русским явлением, существовавшим в конце XIX – начале XX вв. Эта точка зрения восходит к первым исследователям интеллигенции – Р.В. Иванову-Разумнику, Д.Н. Овсяннику-Куликовскому, А.С. Лаппо-Данилевскому, Н.А. Рожкову, Н.А. Бердяеву, которые считали очевидным, что она возникает не раньше середины XIX в.¹⁶⁴ Той же точки зрения придерживались и представители марксизма: Н.К. Михайловский, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин¹⁶⁵.

Тем не менее, уже в 20-х гг. прошлого века термин «интеллигенция» *начинает употребляться при исследовании истории Древней Руси*. Впервые о древнерусских монахах-книжниках как об интеллигентах заговорили Г.П. Федоров и П.Н. Милюков (1925-1926 гг.)¹⁶⁶. Неоднократно подобные термины использовались и советскими исследователями¹⁶⁷. В основе их подходов было отождествление интеллигенции с главным агентом духовного производ-

¹⁶⁴ См.: *Иванов-Разумник Р.В.* История русской общественной мысли: в 2 т. СПб. Т. 1. 1911; *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Собр. Соч.: в 10 т. СПб. Т. 7. 1910; *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII-XVIII вв. М., 1990; *Рожков Н.А.* Происхождение самодержавия в России. М., 1906; *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX-начала XX века. М., 1994.

¹⁶⁵ См.: *Кондаков И.В.* К феноменологии русской интеллигенции // *Русская интеллигенция: История и судьба*. М., 2001. С. 81.

¹⁶⁶ См.: *Кабанов А.Е.* Интеллигенция Древней Руси и проблема государственной власти // *Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции...* Иваново. 2008. С. 49.

¹⁶⁷ См.: *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X-XVII вв.: Эпохи и стили // *Лихачев Д.С.* Избр. Работы: В 3х т. Л. 1987. Т. 1. С. 81; *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. М., 1978. С. 56; *Казакова Н.А., Лурии Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 69; *Плугин В.А.* Сергей Радонежский – Дмитрий Донской – Андрей Рублев // *История СССР*. 1989. № 4. С. 72.

ства, каковое, по словам автора «Немецкой идеологии», берет начало еще в первобытном строе: «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда... с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию „чистой“ теории, теологии, философии, морали и т. д.»¹⁶⁸.

Честь развития этой идеи принадлежит Л. Я. Смолякову, который утверждал, что интеллигенция возникает вместе с выделением умственного труда, и первых интеллигентов следует искать еще в первобытном обществе¹⁶⁹. Эта концепция отразилась и в учебнике по истории первобытного общества академика В.П. Алексеева и А.И. Першица, которые прямо говорят о профессиональных интеллигентах эпохи разложения первобытности¹⁷⁰. Согласно их концепции, в процессе усложнения хозяйственной и общественной жизни и развития духовной культуры, людей, занимавшихся организаторско-управленческой, жреческой и полководческой деятельностью стали сначала частично, а затем полностью освобождать от непосредственного участия в производстве. В дальнейшем список интеллигентских профессий расширился, включая в себя певцов, сказителей, танцоров, постановщиков театрализованных мифологических представлений, мастеров прикладного искусства, знатоков обычаев и родословий, знахарей¹⁷¹. Таким образом, с процессом разделения труда был связан и генезис интеллигенции.

В работах Т. В. Блаватской и М. Т. Петрова, созданных в начале 80-х гг., интеллигенция рассматривается как явление, уходящее своими корнями в античную эпоху¹⁷². В частности, анализу развития интеллигенции как социально-профессиональной группы в эпоху эллинизма посвящена работа

¹⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. с. 30.

¹⁶⁹ Смоляков Л. Я. Советская интеллигенция. Киев, 1986.

¹⁷⁰ Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества: учебник для студентов по спец. «История» - 6-е изд. М., 2007. , С. 306.

¹⁷¹ Там же. С. 305-306.

¹⁷² Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983; Петров М. Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л., 1982.

Т. В. Блаватской¹⁷³. При этом, она помимо медиков, юристов, архитекторов называет в числе интеллигентов и военных¹⁷⁴. К сожалению, исследователь использует термины «интеллигент» и «специалист» как синонимы¹⁷⁵, не рассматривая духовно-нравственные характеристики этой группы.

Между тем специальные исследования в области интеллигентоведения показали, что ограничение определения интеллигенции исключительно социально-классовыми критериями существенно обедняет это понятие. По словам В.С. Меметова, при этом «из понятия интеллигенция изымается, выкорчевывается та ее важнейшая нравственная суть, которая на протяжении тысячелетней истории России была для нее характерной, специфической, определяющей»¹⁷⁶.

По моему глубокому убеждению, понятие интеллигенции нельзя ограничивать социально-профессиональными критериями. Это было бы возможно, если рассматривать ее только как образованный класс, выполняющий в общественном разделении труда функцию создания и сохранения информации. Между тем, как было показано выше, социальные задачи интеллигенции гораздо шире. Очевидно, что такое понимание интеллигенции не дает возможности ограничиться констатацией связи ее генезиса с началом выделения умственного труда. Так какой же период можно считать временем возникновения интеллигенции?

К настоящему времени наиболее серьезные заделы в исследовании проблемы генезиса, формирования и становления интеллигенции в различные эпохи принадлежат исследователям, объединенным в межвузовском центре «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» (ныне – НИИ Интеллигентоведения при Ивановском государственном университете). Рассматривая проблему генезиса интеллигенции, руководитель этого центра, В.С. Меметов, отмечает, что временем появления интеллигенции следует считать Осевое время. Именно в это время, вместе с угасанием мифологической

¹⁷³ Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.

¹⁷⁴ Там же. С. 42-44.

¹⁷⁵ Там же. С. 43.

¹⁷⁶ Меметов В. С. О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Иваново, 1998. С. 11.

эпохи, появился «Человек нового типа, который сохраняется по сегодняшний день»¹⁷⁷.

Вместе с тем поиск интеллигенции в Древнем мире и Средних веках не означает модернизации истории: исследователь отмечает, что «каждой эпохе... соответствовал определенный тип интеллигенции»¹⁷⁸, что ни в коем случае не отменяет наличия «национально-традиционных сущностных черт» в интеллигенции различных периодов: на этапах ее генезиса, формирования, становления и начала самостоятельной деятельности¹⁷⁹.

Деятельность Центра заставило многих исследователей Отечественной истории пересмотреть свое видение данной проблематики. Анализ развития средневековой интеллигенции посвящены исследования А.И. Кабанова и Д.А. Столярова. О существовании интеллигенции в Древней Руси говорит А.В. Квакин. Отказ видеть интеллигенцию в доиндустриальных обществах означает, по мнению исследователя, приверженность упрощенным социально-классовым подходам¹⁸⁰. Он отмечает, в частности, что если «за основу определения интеллигенции взять морально-этический подход, то, наверное, первыми их представителями следует признать первых святых как носителей высокой морали и нравственности»¹⁸¹. «Высокий уровень материальной и духовной культуры допетровской России уже давно не ставится под сомнение... – рассуждает он. – Как была интеллигенция в древних обществах Египта и Китая, античных Греции и Рима, в средневековой Европе, так была она и на Руси». К интеллигенции он причисляет многочисленных древнерусских «ученых монахов, сочинителей и переписчиков литературы, архитекторов, художников, ювелиров, инженеров, медиков»¹⁸².

¹⁷⁷ Меметов В.С. Генезис, формирование и деятельность интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции... Иваново. 2008. С. 21.

¹⁷⁸ Там же. С. 32.

¹⁷⁹ См.: там же.

¹⁸⁰ Квакин А.В. Указ. соч. С. 91.

¹⁸¹ Там же. С. 90.

¹⁸² Там же. С. 92

Ученые, объединенные Ивановским центром интеллигентоведения, накопили чрезвычайно интересный материал по проблеме генезиса и формирования интеллигенции. Вместе с тем до настоящего времени осталась открытой проблема начала истории интеллигенции применительно к Отечественной истории: исследователи или расплывчато говорят о ее существовании в допетровской Руси (А.В. Квакин), или отмечают ее существование в обществе Московской Руси XVI-XVII вв., оставляя открытым вопрос о более раннем существовании этой группы.

Для того чтобы решить данную проблему, необходимо ответить на вопрос: *какие факторы влияют на возникновение интеллигенции?* Ответ на него не может быть сформулирован, если опираться исключительно на отечественную историю: необходимо проследить историю возникновения интеллигенции в разных странах, и на этой основе выделить те факторы, которые бы определяли генезис этой специфической социальной группы.

Такую возможность нам предоставила редакция журнала «Народы Азии и Африки», организовав еще в мае 1989 года встречу ведущих отечественных востоковедов и специалистов по истории античности. Дискуссия, вышедшая на страницы журнала в начале 1990 г., получила название «Интеллигенция древняя и новая»¹⁸³. Уникальность этих материалов – в сочетании высокого уровня теоретического анализа проблемы сущности и генезиса интеллигенции с глубочайшим знанием конкретно исторического материала ведущими отечественными исследователями: Л.А. Игнатенко, А.К. Кобзевым, А.Б. Ковельманом, В.П. Максименко, А.Н. Мещеряковым, Г.С. Померанцем, Е.Б. Рашковским, Л.И. Рейснером, Е.А. Торчиновым, И.С. Свенцицкой, В.В. Сумским. Дискуссия была вызвана назревшей необходимостью переосмысления таких вопросов, как:

- Что такое интеллигенция?
- Принадлежит она только России или является всемирно историческим явлением?
- Когда она возникла и какие факторы оказали влияние на ее генезис?

¹⁸³ Интеллигенция древняя и новая. Круглый стол // Народы Азии и Африки. 1990. № 2-3.

- В чем отличие интеллигенции на различных этапах ее развития?

Участники дискуссии выразили уверенность, что интеллигенцию нельзя рассматривать как исключительно российское явление. В пользу этого утверждения свидетельствует тот факт, что дискуссии о сущности интеллигенции, характере ее отношений к народу и к власти не являются прерогативой одной России. Аналогичные споры исследователи прослеживают в Китае (Е.А. Торчинов), Индонезии (В.В. Сумский) и Индии (Е.Б. Рашковский)¹⁸⁴. Все эти страны оказались в ситуации ускоренной модернизации, культурного влияния Запада и история нашей страны рассматривается в них как бесценный источник исторического опыта.

Таким образом, универсальный характер «вечных» вопросов о сущности интеллигенции потребовал от участников дискуссии переосмыслить это понятие. При том, что во всех выступлениях отразилось убеждение, что базовыми признаками интеллигенции являются уровень образованности, характер умственного труда¹⁸⁵ (А.К. Кобзев) и профессионализм¹⁸⁶ (И.С.Свенцицкая), все участники дискуссии признали, что нельзя ограничивать подход к интеллигенции исключительно социально-профессиональными критериями. В.И. Максименко, частности, писал, что определение интеллигенции как группы людей, «профессионально занятых «умственным» трудом, при том, что «умственность» подтверждается документом, выданным в установленном порядке» вышло из отечественной общественной мысли 30 годов и должно рассматриваться как «номенклатурное»¹⁸⁷. Соглашаясь с ним, А.К. Кобзев отмечал, что «стандартное» определение интеллигенции как «слоя людей, занимающихся умственным трудом» чрезмерно широко, и необходимо его «сузить»¹⁸⁸.

Анализ содержания понятия «интеллигенция» привел исследователей к пониманию того, что изучение такого сложного явления возможно *только в исторической ретроспективе*. Вместе с тем, для более точного определения этого

¹⁸⁴ Там же. №2. С. 49; № 3. С. 78, 79.

¹⁸⁵ Там же. С. 49.

¹⁸⁶ Там же. С.45.

¹⁸⁷ Там же. С.39.

¹⁸⁸ Там же. С.49.

понятия нельзя ограничиваться тем материалом, который дает исследователю Россия пореформенного периода. Как отмечалось во введении редакции журнала, и сама дискуссия была вызвана тем фактом, что «обычно ретроспектива уходит не далее русской интеллигенции «классического периода» [середина XIX–начало XX в.]»¹⁸⁹. Такой подход обычно приводит к чрезмерному вниманию второстепенным чертам интеллигенции.

Вместе с тем, в ходе дискуссии вопрос о том, какие качества интеллигенции являются существенными, а какие – второстепенными, не нашел своего решения. Этот факт предопределил и неоднозначность решения ее участниками проблемы времени возникновения интеллигенции.

Ряд исследователей отметили, что к российской интеллигенции наиболее близки группы интеллектуалов, возникшие в Европе в эпоху Возрождения (Г.С. Померанц) и на Востоке в процессе модернизации¹⁹⁰ (Е.А. Торчинов, А.Н. Мещеряков).

Рассматривая различия между российской интеллигенцией и образованным классом средневекового Дальнего Востока, А.Н. Мещеряков утверждает, что если для первой были характерны социальная открытость, космополитизм, социальный протест и стремление к разрушению традиции, то для второго – социальная закрытость, национализм, конформизм и ориентация на сохранение и развитие традиции¹⁹¹. В этом вопросе А.Н. Мещеряков не одинок. Е.А. Торчинов и А.К. Кобзев при определении интеллигенции считают, что ей присущи такие качества, как:

- сочувствие революционному движению,
- нигилистический пафос¹⁹² (Е.А. Торчинов),
- приверженность передовым идеям,
- оппозиционность к властям¹⁹³ (А.К. Кобзев).

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. С. 49, 53.

¹⁹¹ Там же. С. 53.

¹⁹² Там же. С. 49.

¹⁹³ Там же. С. 50.

Именно рассмотрение этих признаков в качестве существенных, привело историков к выводу, что генезис интеллигенции – следствие развития процессов модернизации¹⁹⁴.

Эти выводы были сделаны 20 лет назад. Развитие интеллигентоведения, деятельность многих ученых – историков, философов, социологов и культурологов – в том числе, объединенных Ивановским межвузовским центром интеллигентоведения показали, что в данном случае имеет место *излишняя увлеченность российским опытом*, которое приводит исследователей к переоценке значения революционного потенциала интеллигенции. Эти характеристики являются частными, исторически приходящими.

Г.С. Померанц так же считает, что генезис интеллигенции непосредственно связан с эпохой модернизации, точнее – европейского Возрождения. Свои выводы он основывает на убеждении, что предпосылкой формирования интеллигенции является появление логики, разработанной как самостоятельная наука: только благодаря ней интеллигент сможет «создать личное мировоззрение и изменить его»¹⁹⁵. Вместе с тем это утверждение вызывает ряд вопросов:

Во-первых, столь высокие запросы к творческим способностям интеллигенции в области мировоззрения сочетается с его уверенностью, что «философия интеллигента может быть поверхностной и вульгарной»¹⁹⁶.

Во-вторых, как известно, рождение Аристотелевой логики связано именно с древностью. Она лежала в основе новых философских течений поздней античности (стоицизм, гностицизм), Византии (Плотин) и западноевропейского средневековья (Фома Аквинский).

И, наконец, неоднократно упомянутый в этой дискуссии Осевой период как раз и сопровождался рождением целого ряда учений, ставших основанием для мировых религий (от буддизма до греческой философии). Вряд ли можно считать, что их авторы не могли «создать личное мировоззрение и изменить

¹⁹⁴ Там же. С. 49, 53.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же.

его»¹⁹⁷. Таким образом, первые интеллигенты возникли все-таки значительно раньше, чем родилась логика, разработанная как самостоятельная наука.

Более широкий характер носит требование от интеллигенции «теоретического и рефлексивного мышления»¹⁹⁸ (А.Б. Ковельман). Если принять за исходную точку формирование этого качества, то генезис интеллигенции связывается с т.н. «Осевой эпохой»¹⁹⁹ (по терминологии К.Ясперса). Этот период (800–200 г. до н.э.) характеризовался беспримерным духовным напряжением, в течение которого «непосредственное отношение к миру сменяется личностной рефлексией; включенность в круг родового, природного бытия сменяется напряженной духовной открытостью, приводящей к великим религиозно-философским системам, гражданскому политическому состоянию, мирозозидающим опытам имперского строительства»²⁰⁰. Эта духовная революция, повторившаяся затем в условиях России XIX века, по мнению В.П. Максименко, была вызвана «противоречием между универсальным историческим движением и локальными социальными интересами, на разломе которых движение только и может материализоваться»²⁰¹. Иначе говоря, ключевым признаком, выделяющим интеллигенцию из массы образованных людей, является *характер ее духовно-нравственных ценностей*: интеллигенция возникает там, где система ценностей группы интеллектуалов строится не на групповом эгоизме социетарных ценностей, а открыта для ценностей универсалистских: для нее характерны «всечеловеческий» характер устремлений и «неприятие роли идеолога узких, частно-групповых интересов»²⁰².

Кроме того, И.С. Свенцицкая и В.П. Максименко отмечает, что с Осевой эпохой связано также объединение «новых людей», происходящих из разных

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же. С. 42.

¹⁹⁹ Там же. С. 40.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же.

сословий, званий и состояний поверх разделяющих их границ, чье сознание было ориентировано на автономию мысли, жизни и деятельности²⁰³.

Следующим качеством, по которому есть возможность отследить период ее возникновения, Е.А. Торчинов, А.Б. Ковельман и А.К. Кобзев считают *мессианство*, понимаемое как уверенность в своей избранности как носителя истины и просвещения во имя блага народа или ассоциируемого с народом государства²⁰⁴ (Е.А. Торчинов). Оно проявляется, в частности, в стремлении представителей этой группы претворить в жизнь свои идеи, будь то проповедь религиозных и/или философских концепций²⁰⁵ (А.Б. Ковельман, И.С. Свенцицкая), создание нравоучительных философских сочинений или критика власть имущих с позиций нравственности²⁰⁶ (Е. А. Торчинов, Л.А. Игнатенко). Если подходить к интеллигенции с этих позиций, то можно говорить о ее генезисе, начиная с эпохи эллинизма (И.С. Свенцицкая), в начале христианской эры (А. Б. Ковельман) или древнем Китае этого же периода²⁰⁷ (А. К. Кобзев).

Проблема генезиса интеллигенции была бы не раскрыта, если бы исследователи не обратили внимание на *условия, необходимые для формирования интеллигенции*.

1. Е. А. Торчинов, отмечает, что появление интеллигенции возможно только в рамках культуры, в которой традиционно существовала ориентация на просвещенность, высокую нравственно значимую словесность как на высшие или высокие ценности. В таких культурах соответственно высок был и престиж носителя этих ценностей – образованного человека²⁰⁸. Исследователи обратили внимание на то, что еще в глубокой древности возникали группы, профессионально занимающиеся высококвалифицированным умственным трудом: еги-

²⁰³ См.: Там же. С. 40, 45-47.

²⁰⁴ Там же. С. 48-49.

²⁰⁵ Там же. С. 42-47.

²⁰⁶ Там же. С. 48-49, 54

²⁰⁷ Там же. С.42, 45

²⁰⁸ Там же. С. 49.

петские жрецы, средневековые арабские чиновники («диванократия»), китайские ученые и чиновники (жу, шеньши. пандиты, улемы)²⁰⁹.

Вместе с тем, книжников древности и средневековья еще нельзя считать интеллигентами. Причины этой оценки в каждом случае различны: жрецы Египта были замкнуты в своей культурной среде (А. Б. Ковельман)²¹⁰, арабские чиновники («диванократия») принимали правила придворной игры за высшую государственную мудрость (Л.А. Игнатенко)²¹¹, для китайских книжников было характерно априорное приятие официально признанных (как светских, так и религиозных) ценностей (Е.А. Торчинов)²¹². Для обозначения этих людей участники дискуссии используют термин «протоинтеллигенция»²¹³. Данный термин бесспорно может иметь право на существование, однако использованная в нем приставка «протос-» обозначает не только «предшествующий период», но и «раннюю стадию». При анализе таких сложных процессов, как генезис интеллигенции, такая расплывчатость потребует дополнительной конкретизации. В связи с этим я считаю более корректным использование термина «прединтеллигенция».

Так или иначе, но (прото-) прединтеллигенция – это только фундамент, на котором собственно интеллигенция может появиться при *соответствующих условиях*. Те, участники дискуссии, которые анализировали эту сторону проблемы генезиса интеллигенции единодушны: таким условием может стать *мощное межкультурное взаимодействие*. Частными случаями такого взаимодействия, породившими интеллигенцию, были: процесс модернизации стран Азии, (Е.А. Торчинов и А.Н. Мещеряков), европейское Возрождение (Г.С. Померанц), период эллинизма (И.С. Свенцицкая) и начало римского владычества на Ближнем Востоке (А. Б. Ковельман)²¹⁴.

²⁰⁹ Там же. №2. С.41, 44, 48-49, 53.

²¹⁰ Там же. С. 44.

²¹¹ Там же. С. 53.

²¹² Там же. С.40.

²¹³ Там же. С.41-42, № 3, С. 81.

²¹⁴ Там же. № 2. С. 49, 53.

Механизм этого процесса рассматривает Г.С. Померанц и И.С. Свенцицкой. Они убеждены, что главным условием генезиса интеллигенция является *выход за границы традиционной культуры*: прединтеллигенты не оторваны ни от религиозной традиции, ни от народного сознания. «Их духовные кризисы разворачивались внутри культуры, не потерявшей своего религиозного измерения <...> Частные знания писца вкомпонованы в традицию, скорее заученную, чем осознанную, и опирающуюся на нерасчлененность обычного со священным и вечным»²¹⁵.

Одно из условий разрыва с традицией – наличие систематического *контакта цивилизаций*. При описании этого явления И.С. Свенцицкая использует термин «*цивилизационный зазор*», то есть период, «когда в связи с массовыми переселениями рушились традиционные связи, когда налаживались тесные контакты между ... цивилизациями»²¹⁶.

Говоря о конкретном периоде генезисе интеллигенции, эти исследователи расходятся во мнении: Г.С. Померанц чрезмерно низко оценивает масштабы межкультурного взаимодействия, развивавшиеся до Нового времени. В это время, по его мнению, культура распространялась в рамках крупного региона вместе с господствующими религиями. Диалог между субэкуменами был спорадичным и не раскалывал замкнутости христианского мира, мира ислама, индуистско-буддийского мира Южной Азии, конфуцианско-буддийского мира Дальнего Востока²¹⁷. Согласно мнению И.С. Свенцицкой, формирование интеллигенции в Европе связано с эпохой эллинизма, когда традиционные связи рушились в процессе контактов античной и ближневосточной цивилизаций²¹⁸.

Именно в ситуации «встречи цивилизаций», по мнению этого историка, оказалось возможным сочетание с одной стороны, осознания интеллигентами

²¹⁵ Там же. С. 41-42.

²¹⁶ Там же. С. 45.

²¹⁷ См.: Там же. С. 41.

²¹⁸ Там же. С. 45.

своей избранности, особой ценности духовной деятельности, с другой – представления о естественном равенстве людей²¹⁹.

Таким образом, условиями генезиса интеллигенции являются:

- высокий уровень развития культуры и существование группы, профессионально занятой ее созданием и хранением (прединтеллигенция);
- процесс междоцивилизационного взаимодействия, разрушающий замкнутость традиционной культуры;
- наличие культурных контактов между различными социальными группами;

Процесс генезиса **военного отряда интеллигенции Древней Руси**, рассмотренный с указанных выше позиций, будет выглядеть следующим образом:

1. *Военная прединтеллигенция* возникает в процессе выделения умственного труда как отдельного вида деятельности. Как уже отмечалось выше, академик В.П. Алексеев и А.И. Першиц в учебнике по истории первобытного общества среди интеллигентских профессий эпохи разложения первобытности упоминают и военачальников²²⁰.

И это не случайно: выживание в военном противостоянии было одной из важнейших проблем, стоявшей перед человеческим сообществом на ранних стадиях его развития. По словам Е. Мамфорда, поскольку от успешной войны зависело само выживание и дальнейшее развитие сообщества то, соответственно, росли и требования к военному лидеру: для него было уже недостаточно мужества и выносливости: он должен был обладать «способностями организовывать и контролировать других, быстро принимать решения, при этом тщательно обдумывая их, действовать решительно, целеустремленно и эффективно»²²¹.

Соответственно на раннем этапе развития общества сформировалась группа воинов, которых можно назвать *военными профессионалами*, ибо их основ-

²¹⁹ См.: Там же. С. 45-47.

²²⁰ Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества: учебник для студентов по спец. «История» - 6-е изд. М., 2007. , С. 306.

²²¹ Mamford E. The Origin of Leadership. Chicago, 1909. P. 28. Цит по: Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 357.

ными занятиями являлись собственно участие в сражениях и подготовка к предстоявшим походам.

Как правило, во главе дружины стоял лидер, в деятельности которого большую роль играла интеллектуальная составляющая (подготовка воинов, снабжение, тактика боя, дипломатия и прочие виды деятельности, относящиеся к сфере военного управления). С образованием первых государств создавалась группа военных управленцев из старших дружинников, реализовывавших как внутреннюю, так и внешнюю политику. Исполнение этих функций было бы невозможным без их участия в развитии военной культуры: от элементов вооружения и искусства тактики до создания групповых норм и образцов поведения, цементирующих военно-управленческое сообщество. В этой группе сформировались собственные представления о чести и долге. *Эту группу военных профессионалов, занятых военно-управленческой деятельностью, предполагающей необходимость создания, развития и распространения военной культуры, можно считать военной прединтеллигенцией древности.*

Появление военной прединтеллигенции проходило в условиях общества поздней первобытности, находящегося вне активных междоцивилизационных контактов. Наиболее распространенным в этих условиях был тип деятельности, которое М. Вебер называл «традиционным». Для этого типа характерно минимальное влияние личностного и рационального начала.

Однако военная группа специфична. В отличие от земледельческой общины, традиционность военного объединения гораздо слабее: жизнь воина напрямую зависит от его способности учиться у своих противников. Тем более это качество заметно в тех случаях, когда воины сражаются в непривычных условиях: например, славяне, специализирующиеся на пешем бою в условиях леса²²², выходят на границу степи сталкиваются с массовыми набегами кочевых племен.

²²² См.: Маврикий. Стратегикон // Искусство войны: Антология военной мысли: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. Р. Светлова. СПб., 2000. Кн. 1. Древний мир. С. 374.

Авторитет военных прединтеллигентов этого периода основывался прежде всего на их индивидуальном воинском искусстве. Собственно, и военная культура в это время по большей мере была представлена индивидуальными воинскими навыками и методикам обучения. Даже вопросы стратегического характера решались не военачальником, а всем народом (или, по меньшей мере, советом старейшин). Не случайно у многих индоевропейских народов иногда не проводилось жесткой границы между военной и жреческой прединтеллигенцией (в индийском эпосе «Махабхарата» считается нормальным, что брахман выступает как военачальник²²³, возможно, что этот феномен наблюдался и у славян²²⁴).

Воинское сообщество этого периода было объединено идеей самопожертвования и верности своему племени. В связи с этим дружину этого типа можно условно назвать **племенной**. Такие дружины были всего лишь инструментом во «внешнеполитической» деятельности народа: для оседлого народа это означало защиту от нашествий, для народа переселяющегося – сражение на острие общенародной битвы.

2. Наступает период, когда ситуация кардинально меняется. В процессе массовых переселений²²⁵ происходят «встречи цивилизаций», создавая условия для *генезиса военной интеллигенции*. Новые условия рождают и новый тип военного объединения: параллельно с «племенными» возникают «**варварские**» дружины, воины которых обычно жили набегами или устраивались на службу к правителям других стран. Одновременно меняется и состав воинских дружин: смешение народов и завоевания приводят к тому, что одной группе бок о бок сражались воины из разных народов. Таким образом, возникают условия для формирования аномии.

²²³ См.: Попов А.В. Берсерки, герои, полководцы... С. 43-50.

²²⁴ См.: Попов А.В. Военная интеллигенция России... С. 71-74.

²²⁵ Наиболее известно Великое переселение народов, в ходе которого возникает средневековая европейская цивилизация. Однако и до нее были подобные процессы: переселение индоевропейцев от Европы до Индии, массовые расселения III тысячелетия до н.э., элементами которых были нашествие дорийцев на Микенскую Грецию и «народов моря» - на Ближний Восток.

С другой стороны, жесткие условия военного противостояния не могут привести к ситуации полной ликвидации социальных норм: при отсутствии внутреннего единства никакая дружина не сможет плодотворно участвовать в бою. Таким образом, формируется новый тип взаимоотношений, основанный не на традиционной верности кровному роду, а на долге перед вождем и искусственно созданном родом²²⁶. Дружинников объединяли личные (преимущественно витальные) и узкогрупповые ценности, определявшие их поведение.

В этих условиях особое значение приобретает разрыв социальной замкнутости: дополнительным условием для генезиса интеллигенции выступает наличие возможности широкого культурного обмена между представителями различных социальных групп: в противном случае формирование расширенного самосознания военной интеллигенции будет невозможно. Действительно, анализ условий воспитания первых интеллигентов показывает, что личностное формирование этих людей шло в условиях разрыва традиции. Для Владимира Святославовича такой разрыв был связан со спорным происхождением (от князя и рабыни); для Александра Невского – крушением общественного устройства под ударом монголо-татар.

3. Активное межкультурное и межгрупповое взаимодействие, вызвавшее возникновение нового, свободного от родового диктата типа военного сообщества, было *необходимо* для разрушения традиционного сознания военной прединтеллигенции. Однако его не было *достаточно* для генезиса *интеллигенции*. Этот процесс мог начаться только тогда, когда уже возникло мировоззрение, построенное на универсалистских ценностях и в котором в той или иной форме существовали концепции личности, индивидуального творчества и социальной ответственности индивидуума. Причем характерно, что представитель военной прединтеллигенции может только *воспринять* подобное мировоззрение, но не способен самостоятельно *разработать* его. Примером может служить индийский княжич Сиддхардха, для которого ценой создания буддиз-

²²⁶ См.: *Тацит Корнелий*. Соч : в 2 т. Т. 1. Л., 1969. С. 360.

ма стала потеря социальной и профессиональной идентичности и переход из военного прединтеллигенции в жреческую интеллигенцию.

Таким образом, следующим условием генезиса военной интеллигенции является возможность воспринять мировоззрение, основанное на универсалистских ценностях (патриотизм, гуманизм, творчество), выходящие за пределы собственно групповых интересов участников дружины и включающую идею творчества и личной ответственности. Мировоззрение такого типа формировались на основе т.н. «осевой культуры» и как правило были связаны с той или иной мировой религией.

Военных управленцев, реализовавших эти ценности, гипотетически можно считать первыми *военными интеллигентами древности и Средневековья*.

В то же время нельзя утверждать, что интеллигенция Нового времени и интеллигенты Древней Руси в полной мере идентичное явление. Конечно же, *интеллигенция традиционного общества* обладает существенными особенностями. Прежде всего – это **сословный характер сознания**. Как будет показано ниже, новые черты, в дальнейшем составившие суть военной интеллигенции России (творчество, гуманность, патриотизм) отчетливо заметны в системе ценностей некоторых представителей древнерусского военного сословия, но это скорее, исключение, чем правило. И даже для таких выдающихся князей, как Владимир Мономах, четко прослеживается ориентация его поведения не на все население, а преимущественно на военную и религиозную элиту.

ГЛАВА 2. ВОИНСКИЕ ЦЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

2.1. Система ценностей воинов-викингов

Общеизвестно, что в формировании древнерусской военной организации огромную роль сыграли норманны-викинги²²⁷. Даже если не рассматривать аргументы сторонников норманнской теории, участие воинов Одина в войнах на земле Киевской Руси наблюдается постоянно от Олега до Владимира и фрагментарно – от Ярослава Мудрого до конца Киевского периода древнерусской истории. Об этом говорят и летописи (считающие варягом Рюрика, Олега и Игоря, варягов видят в составе дружин Святослава, варяги помогают Владимиру Святославичу прийти к власти²²⁸). Особенно привлекает внимание текст русско-византийского договора, где под общим обозначением русских воинов («... мы от рода русского») причисляются имена явно германского происхождения («... Карлы, Ингелд, Фарло...»)²²⁹.

Присутствие норманнов на русских землях показывают и археологические памятники: в дружинных захоронениях, принадлежащих к ранней истории Киевской Руси встречаются многочисленные железные гривны с подвесками в виде «молоточка Тора». Подобные гривны известны из раскопок Сарского городища, из ярославских, гнездовских и приладожских курганов. Найдены они в бассейнах Мологи и Коли. Большой комплекс скандинавских украшений из серебра (фибулы, шейная гривна, подвески, бусы) дал Гнездовский клад, найденный в 1838 г.²³⁰

В то же время постепенно число норманнов при дворе киевских князей заметно снижается. И если в ранних свидетельствах варяги выступают как большая часть дружины²³¹, то после смерти Святослава в дружине его сына Ярополка служит

²²⁷ О варяжской природе древнерусской дружины см: *Скрынников Р. Г.* Воины Древней Руси. Вопр. истории. 1995. № 11/12. С. 24–38.

²²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926–1928, С. 14, 16, 17,

²²⁹ Там же. С. 24.

²³⁰ Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 392.

²³¹ Под 6390 (882) годом о походе Олега читаем: «Поиде Олегъ поимъ воя многи варяги, чудь, словене, мерю и все кривичи...». То есть среди ополчения (воев) упоминаются как славянские (словене, кривичи), так и финские (чудь, меря) племена, но нет полян. В это время, видимо, они если и начинают входить в дружину, то только под управлением и культурным влиянием норманнов. (Там же. С. 16)

единственный варяг – Варяжко²³². Отношение к варягам со стороны Владимира чрезвычайно осторожно: взяв с их помощью Киев, князь отправляет норманнов в Византию, предупредив императора о грядущей угрозе²³³.

Тем не менее, игнорировать влияние норманнов на развитие дружины Древней Руси невозможно. Поэтому, прежде чем анализировать систему ценностей древнерусского воина, рассмотрим, что собой представляла воинская этика у викингов.

* * *

Традиционной системой организации общества древних германцев являлась община (марка), в которой выделялась родовая знать. Из «Записок» Цезаря известно, что в племенах это были князья, которые периодически становились и военными вождями в совершаемых ими походах.

«Разбой вне пределов собственной страны у них не считается позорными, и они даже хвалят их как лучшее средство для упражнения молодежи и для устранения праздности. И когда какой-нибудь князь предлагает себя в народном собрании в вожди (подобного набега) и вызывает желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствует предприятию и личности вождя, и при одобрении народной массы обещают свою помощь», – писал Юлий Цезарь²³⁴.

Кроме походов важной задачей воинов любого племени была защита от нападения или мести за погибших²³⁵. Таким образом, еще до возникновения дружины формировалось представление о *долге* воина перед своим племенем.

Через полтора века после Цезаря германское общество описал Тацит, утверждавший, что вокруг родовой знати появились воины, составлявшие уже посто-

²³² Там же. С. 56.

²³³ Там же.

²³⁴ Записки Юлия Цезаря ... С. 96.

²³⁵ Как показывает анализ скандинавских саг, в которых отразились реалии раннесредневекового германского общества, одной из главных задач скандинава была кровная месть за убийство родственника (Подробнее см.: Попов А.В. Берсерки... Герои... Полководцы... С. 21-22).

янные дружины-свиты²³⁶. Система воинских ценностей определялась тем фактом, что дружинники добровольно выбирали, какому вождю они будут служить²³⁷. Такая ситуация требовала от военачальника не просто удачных набегов, позволявших ему кормить свою дружину, но и *славы*, благодаря которой он мог рассчитывать на приток свободных воинов, желавших сражаться в рядах самого известного полководца. Вождь совершал походы ради славы, которую ему добывали дружинники. «Защищать его [вождя], оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, – первейшая их [дружины] обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя»²³⁸, – писал Тацит. Честь вождя в том, чтобы его «дружина была наиболее многочисленной и самую отважную». Для этого недостаточно просто иметь знатных предков: главное требование к вождю – его доблесть²³⁹. Вместе с тем и бесчестье было равно неприемлемо как для вождя (воины не захотят ему служить), так и для воина (никто не захочет взять его на службу). Не случайно ценностные ориентации воинов в дружинах такого типа строились на понятиях **честь** и **славы**.

Сообщая о различных военных сообществах германцев, Тацит повествует о хаттских воинах, чье гнездо было в верхнем течении Везера, замечает, что они склонны «считать счастье, в числе сомнительных, храбрость в числе верных благ». Он выделил среди воинственных хаттов (где юноша считался воином, то есть приобретал полноту гражданских прав, только после убийства противника) отдельную группу, члены которой демонстративно несли бремя добровольного бесчестья: «Храбрейшие... носят железное кольцо (знак бесчестья у этого народа), как бы оковы, пока не освободят себя от него убиением врага. Очень многие из хаттов любят это украшение, а некоторые даже доживают до седин с этим отличием, обращая на себя внимание как врагов, так и своих соплеменников. Эти люди начинают все битвы, они всегда составляют передовой

²³⁶ «Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя, все прочие собираются возле отличающихся телесной силой и уже проявивших себя на деле, и никому не зазорно стоять в чьей-нибудь дружине» (*Тацит Корнелий*. Сочинения: В 2 т. Л., 1969. Т. 1. С. 359).

²³⁷ *Tacitus. Germania*, cap. XIII. Пер. по изд.: *Тацит Корнелий*. Соч В 2-х т. Т. 1. Л., 1969. С. 359.

²³⁸ *Там же*. С. 360.

²³⁹ «Если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести» (*Там же*. С. 359).

строй, вид которого поразителен». Ф. Кардини, сопоставив это сообщение Тацита с этнографическим материалом²⁴⁰, отмечает, что в данном случае речь идет о вере в оборотничество: храбрейшие из хаттов не просто воины, но воины-звери, и в мирное время ведущие себя так, как на поле боя. Этим объясняется и тот факт, что «и в мирное время их лицо не приобретает более мягкого вида. Ни у кого из них нет ни дома, ни поля, ни другого какого-либо занятия; куда они пришли, там и кормятся, расточители чужого, равнодушные к своему достоянию, пока малокровная старость не сделает их слабыми для столь суровой добродетели». Воины-звери не способны к мирной жизни, поэтому община отвергает их, заставляя жить отдельной группой. Так появляются первые воины-профессионалы, живущие исключительно войной.

По замечанию Г.К. Панченко, звероподобные «превращения», являющиеся высшей формой развития боевой ярости, известны у всех германцев. Поздние античные историки сообщают о «франкском неистовстве», о «воинах-волках» народа лангобардов... При этом выпускались наружу столь неуправляемые силы, что им не всегда мог противостоять даже сомкнутый дисциплинированный строй и искусство «правильного боя»²⁴¹.

Судить о том, что представлял из себя образ воина-зверя, мы можем в первую очередь по скандинавским источникам, ибо в Скандинавии такие воины существовали до XII—XIII вв., правда, последние 200 лет своего бытия были уже пугающим анахронизмом.

На основании исследований Ф. Кардини, Г.К. Панченко и В.Я. Проппа можно выделить несколько этапов развития воина-«берсерка» (берсеркера).

Так, Ф. Кардини отмечал, что сочетание человек-зверь является характерным для определенного этапа формирования человеческого общества: точнее, образования мужских союзов и создания специфических воинских инициаций. Не случайно практически у всех народов, стоящих на догосударственном

²⁴⁰ По его словам, «уверенность... что всякий, кто наденет железный ошейник, может превратиться в медведя, до сих пор еще бытует в датском фольклоре» (Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 116).

²⁴¹ История боевых искусств. Колыбель цивилизации / под ред. Г.К. Панченко. М., 1996. С. 151.

уровне развития есть образ доброго оборотня – прародителя того или иного рода. В этом, собственно, и заключается сущность тотемизма как одной из форм первобытной религии.

Берсеркер всерьез был убежден, что одержим «звериным духом». Такая «одержимость зверем» проявлялась, помимо прочего, в том, что он умышленно подражал движениям медведя, причем не только в бою, но и во время частных ритуально-магических церемоний, плясок и т. д. Во время атаки берсеркер как бы «становился» соответствующим зверем. При этом он отбрасывал оборонительное оружие (или поступал с ним не по предназначению: например, вгрызался в свой щит зубами, повергая противника в шок), а в некоторых случаях – и наступательное; все скандинавские викинги умели сражаться руками, но берсеркеры явно выделялись даже на их уровне.

Оборотничество как военная система оказалась действительно чрезвычайно эффективна. Это делало их адептов феноменальными воинами:

«...Торольв так разъярился, что забросил щит себе за спину и взял копье обеими руками. Он бросился вперед и рубил и колол врагов направо и налево. *(Некоторые типы скандинавских копий позволяли наносить рубящие удары.)* Люди разбегались от него в разные стороны, но многих он успевал убить...»²⁴²).

Саги (которые, как выяснили современные специалисты, передают события с поразительной точностью) пестрят упоминаниями о том, как умелый воин отбивается один против многих, умудряется проложить путь к предводителю вражеского отряда сквозь стену щитов и толпу телохранителей, рассекает противника от плеча к бедру и т.п.

Самым странным было такое полумифическое свойство берсеркера, как его неуязвимость. Самые разные источники в один голос утверждают, что воин-зверь фактически не мог быть сражен в бою. Правда, детали этой неуязвимости описываются по-разному. Берсеркера якобы нельзя было ни убить, ни ра-

²⁴² «Сага об Эгиле» // <http://www.norse.ulver.com/texts/egils.html>

нить боевым оружием (из чего следовало, что против него надо употреблять оружие небоевое: деревянную дубину, молот с каменным навершьем и т.д.); иногда он был неуязвим лишь против метательного оружия (стрелы и дротика); в некоторых случаях уточнялось, что при искусном владении оружием его все-таки можно ранить, и даже смертельно, но умрет он только после боя, а до того словно не заметит раны²⁴³.

Однако являясь спасением во время войны, в мирное время воины-звери сами становились угрозой для общества. Многие саги показывают воина-зверя как трагическую фигуру, больного и несчастного, над которым тяготел рок. В древнеисландских сагах встречаются, например, жалующиеся на то, что стали жертвой приступов бешенства (*berserk-rsgang*). Они страдают от того, что не в силах более переносить эту болезнь.

В саге о Сигмунде и Синфьотли²⁴⁴ можно угадать своего рода внутренние пружины, управляющие «тайным обществом» берсеркеров. В воинском сообществе роли четко распределены: престарелый инициатор-наставник и юный иницируемый, странствие и преступление, а также волшебная шкура, которая, если надеть ее на себя, «прикрепляет» к звериному состоянию – из него уже нельзя выйти, оно толкает на дальнейшие преступления, вызывающие отвращение у самого несчастного, вынужденного их совершать.

Так, Г.К. Панченко, анализируя механизм «военного оборотничества», отмечает, что, являясь результатом магических инициаций, оно приводит к разбалансировке адреналинового баланса организма, превращаясь в «адреналиновых наркоманов», «профессиональные» берсеркеры становились как бы заложниками собственной ярости. Они были вынуждены искать опасные ситуации, позволяющие вступить в схватку, а то и провоцировать их. Отсюда – берсеркерская асоциальность, вызывающая настороженность даже у тех, кто восхищался их мужеством и боеспособностью. И отсюда же – эта самая боеспособность, проявляющаяся в условии «открытия шлюзов»²⁴⁵.

²⁴³ См.: История боевых искусств. Колыбель цивилизаций. С. 155–156.

²⁴⁴ Герои «Саги о Вёльсунгах», входящей в цикл «Нибелунги».

²⁴⁵ История боевых искусств. Колыбель цивилизации. С. 154–155.

Отрицая бешенство оборотней, «цивилизованные дружинники» начали использовать элементы берсеркерских тренировок владения оружием, а главное – специфической психотехники, которые проникли в быт многих воинов Швеции, Норвегии, Дании и особенно Исландии. Берсеркерство они держали под контролем, «включая» его только во время сражений. Формируется новый тип воина «бьодваскэ», представители которого были уже способны сдерживать «зверя» в себе, пользуясь в то же время его умениями, многие из которых сегодня кажутся сказочными²⁴⁶.

У конунга Харальда, впервые объединившего Норвегию, имелся «спецназ», сформированный из влившихся в воинскую элиту берсеркеров. «Диких» воинов-зверей, не входивших в дружины и подобные им формирования, к тому времени уже в Норвегии не осталось. Одна из битв с их участием выглядела следующим образом:

«Двенадцать берсеркеров конунга находились на носу корабля. Корабль конунга шел вперед, и там была жесточайшая схватка. Когда же проверили войско, много оказалось убитых и у многих были опасные раны... На корабле конунга не было никого, кто бы стоял перед передней мачтой и не был ранен, кроме тех, кого железо не брало, а это были берсеркеры».

По мнению Г.К. Панченко и А. Белова элита берсеркеров (как скандинавского, так и западнославянского происхождения), была собрана в своеобразные «языческие монастыри», терроризировавшие Восточную Прибалтику²⁴⁷. Таким образом, вершиной профессионального мастерства скандинавских воинов были цивилизованные берсеркеры – «бьодваскэ».

²⁴⁶ А. Белов, пытающийся реконструировать подготовку воина–берсеркера, утверждает, что в этом состоянии пробуждаются скрытые силы организма, и человек становится гораздо сильнее, он способен двигаться в несколько раз быстрее, чувствовать развитие рисунка боя (иногда даже с закрытыми глазами). Значительно повышается болевой порог, и воин может сражаться даже будучи смертельно раненным. (См.: *Белов А. Славяно–горицкая борьба. Изначалие. М., 1992 С. 21–23*) Возможно, что адептам этого искусства были знакомы и психотехники, делающие человека фактически неуязвимым (подобный результат известен в йоге и китайских боевых искусствах («алмазная рубашка»)).

²⁴⁷ См.: *История боевых искусств. Колыбель цивилизации. С. 185. Белов А. Указ. соч.*

Система ценностей древнегерманского воина, как показывает анализ саг, строится на трех основаниях.

Наследием первобытного общества стало чрезвычайно сильное *влияние родового начала*. А.Я. Гуревич, рассуждая об этом, указывает, что человек эпохи «варварских королевств» слабо осознавал свою индивидуальность, «он еще не выделился из органической наследственной группы – круга родства, большой семьи, патронимии, – постольку происхождение детерминировало весь его образ жизни»²⁴⁸.

Наиболее ярко эта включенность в жизнь группы отразилось в обычае кровной мести. По мнению Г.К. Панченко, для викинга напасть на спящего ночью – позор. Даже если ссора произошла вечером, ее стараются перенести на утро, да и убийство беззащитного не принесет славы²⁴⁹. Тем не менее тогда, когда единственным способом отомстить является тайное убийство, на него спокойно идут, и автор саги не испытывает никаких сомнений по поводу допустимости таких действий²⁵⁰.

Постепенно на фоне родовых отношений выступают личные интересы индивида. Они проявляются прежде всего в имущественных интересах викингов: неоднократно отмечалось, что их походы носили прежде всего грабительский характер²⁵¹.

Это качество скандинавов эпохи раннего средневековья отражается и в сагах: например, в уже упомянутой саге о Гисли характерен отказ главного героя вернуть хозяину т.н. «Серый Клинок», дающий победу всякому, кто берет его в битву²⁵². Эта ситуация заканчивается смертью обоих: и Гисли, и раба – хозяина меча.

²⁴⁸ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. М., 1990. С. 31, 91.

²⁴⁹ См.: История боевых искусств. Колыбель цивилизации. С. 177.

²⁵⁰ См.: Сага о Гисли / Пер. О.А. Смирницкой // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 144–145.

²⁵¹ Л. Мюссе, например показывает, что операции викингов развивались «с примечательной методичностью, в основе которой лежали соображения рентабельности» (См: Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. СПб. 2001. С. 207).

²⁵² См.: Сага о Гисли. С.24.

В Скандинавии не сформировалось единого профессионального военного кодекса чести. Причины этого достаточно разнообразны. Сыграли свою роль мощное влияние родовых пережитков и личные интересы викингов. Огромное значение имели сами походы норманнов: выводя наиболее пассионарную часть воинов за рубежи Скандинавии, они препятствовали созданию особого военного сословия, аналогичного рыцарству. В то же время наиболее активные войны викинги вели в Европе, и они носили характер набегов. Часть из них (главным образом шведы) устремлялись за рубеж в поисках «контракта» с сильным и богатым властителем (Византия, Русь). Скандинавам практически не нужно было вести серьезных оборонительных войн, в ходе которых и могло сформироваться общее для них корпоративное сознание.

Тем не менее элементы такого сознания появляются. Прежде всего они выражаются в представлениях о «славе» и «позоре», пусть эти представления и носят преимущественно не личный, а родовой характер, а также в жестких правилах проведения поединка – «хольмганга».

2.2. Система ценностей древнерусского воина

Влияние викингов привело к тому, что, по летописным свидетельствам, *цели воинов первых русских князей носили исключительно индивидуальный характер и были ориентированы на получение материальных ценностей*²⁵³. О том, что главной целью дружинников Игоря была добыча, говорит их ответ на предложение византийцев откупиться: «... да аще сице глаголетъ царь, то что хочемъ более того: не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? егда кто вестъ, кто одолеетъ, мы ли, оне ли? ли с морем кто светень? се бо непо земли ходимъ, но по глубине морьстей: обьча смерть всемъ»²⁵⁴. Характерно, что отсутствовало какое бы то ни было упоминание о цели похода, выходящей за пределы простого обогаще-

²⁵³ В этом смысле дружины русов действовали вполне в духе викингов: по мнению Л. Мюссе, их операции развивались «с примечательной методичностью, в основе которой лежали соображения рентабельности» (Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу. Вторая волна (VIII-X вв.) СПб., 2001. С. 207)

²⁵⁴ ПВЛ. 944 г. // ПСРЛ. Т. 1. С 33.

ния. Требование дружины этого князя, приведшее к его гибели, также отражает лично-корыстные интересы дружины²⁵⁵, живущей в чуждой им стране и не заботящейся не только о ее сохранении и развитии, но и о своем добром имени.

Следствием «ославянивания» профессиональных воинов было возвращение на более высоком уровне «расширенного самосознания» племенной дружины, где на место родового единства встало представление обо всей русской земле как об объекте служения. На основании анализа дошедших до нас письменных источников и былин²⁵⁶ *основные ценности древнерусского военного профессионала* можно представить следующим образом.

Наследием «племенного периода» истории дружины была, прежде всего, ее «квазиродовая» структура. Созданная по образу и подобию родственного союза, еще в X в. древнерусская дружина была своеобразной *военной общиной*, братством, которым руководил князь – первый среди равных.

В. С. Липец отмечает, что термины «войско» и «ватага» (последний термин почти равнозначен дружине) имеют и архаическое значение семьи в славянских языках. В последнем значении слово «ватага» употреблялось наравне с «чадью», «челядью» в XIX в. в Яренском уезде Вологодской губернии²⁵⁷.

Последовательно развивает мысль о родовых истоках организации дружин и шире – вообще воинских объединений у славян Л. Нидерле:

«Организация набора войска вначале просто основывалась на родовых порядках. Каждый род, каждое племя или жупа обязывали в нужное время всех годных мужчин вооружаться и воевать. Группа воинов определенного рода составляла тем самым естественную и первичную наименьшую войсковую единицу, а глава рода был военным вождем этой группы...

²⁵⁵ «...Рекоша дружина Игореву: «Отроки Свеньльжи изоделися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, и да ты добудешь, и мы»». ПВЛ. 945 г. // Там же. С. 39.

²⁵⁶ Проанализированы былины как киевского цикла, так и более раннего периода.

²⁵⁷ Липец В. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969 С. 82.

Постоянным подразделением княжеского войска была прежде всего так называемая княжеская дружина... Несомненно, что зачатки такой дружины развились во владениях славянских князей издавна и самостоятельно. Было естественно, что вождь рода, а потом и целого племени окружал себя группой избранных мужчин, которые составляли его свиту во время публичного выступления на сходке (вече), при отправлении языческих обрядов, при выступлении на войну»²⁵⁸ – писал он.

Пережитком организации войска по признаку общей родовой принадлежности в былинах является **побратимство**. Обычай побратимства, входящий в сюжеты многих былин, а также упоминания в эпосе о богатырях-побратимах чрезвычайно интересны в историческом отношении. Замена родовых отношений, скрепляющих в доклассовом обществе воинские отряды, отношениями случайно объединившихся в них людей характерна для эпохи возникновения военной демократии, ставшей отрицанием основ родового строя. Узы, соединявшие военное или иное сообщество этих людей, стали сильнее, чем узы родства, но по традиции принимали еще форму последних. Мысль о превосходстве этих новых форм связи лаконично выражена в русском эпосе: «Крестовый брат лучше родного»²⁵⁹.

Пары богатырей-побратимов в былинах устойчивы:

Илья Муромец и Добрыня, Добрыня и Алеша Попович и т. д. Каждый из них носит название «брат названный» или чаще «крестовый», «подкрестовый». Вместе с тем из двух побратимов один занимает по отношению к другому несколько подчиненное положение, как бы младшего брата (особенно в случаях, где «крестовый брат» выполняет обязанности оруженосца)²⁶⁰.

Во время военных действий такие побратимы составляют неразлучную пару и должны выручать друг друга при опасности; об Алеше Поповиче и Еки-

²⁵⁸ Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000, С. 366–367.

²⁵⁹ Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941. С. 434

²⁶⁰ См. Липец В. С.. Указ. Соч. С. 84 и след.

ме Ивановиче поется:

Оне ездят, богатыри, плеча о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское²⁶¹.

Напомним, что речение «ездить у стремени» в древнерусских письменных памятниках означает и союз, и какие-то отношения подчиненности.

Так как побратимы становятся «братьями», побратимство в былинах исключает возможность брака с вдовой побратима; поэтому, видимо, в половине вариантов былины о неудачной женитьбе Алеши Поповича Добрыня предупреждает жену, если он погибнет;

А не ходи за Олешу Поповица,—
Олеша Поповиц мне крестовый брат²⁶².

Наследием родовых отношений стала стратификация дружины по родовому принципу. Ведь в Киевской Руси название «старейшей» носит «наиболее заслуженная... часть княжеской дружины»²⁶³. Как отмечает В. С. Липец, самый эпитет Ильи Муромца «старый», «стар» мог иметь смысл не только возрастной, но означать и его положение в дружине.. Илья Муромец действительно стар — «голова бела да борода седа», он «старый, седатый», т. е. с проседью, он «старая старыньшина»²⁶⁴.

Объединяет оба значения эпитета то, что при родовом строе именно из среды старшего поколения выделялись люди, руководившие жизнью общины, в чьих руках сосредоточивались административные и судебные функции; молодые же несли непосредственно воинские обязанности.

Еще более важны прослеживаемые в былинах отношения воина и военачальника-князя. С одной стороны, они возлагали на князя, взявшего на себя роль главы воинской общины, обязанность заботиться о своей дружине:

Дружина спит, так Вольх не спит:

²⁶¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньев-ва и Б. Н. Путилов. М.— Л., 1958 С. 125

²⁶² Былины Пудожского края, С. 434.

²⁶³ История культуры Древней Руси. В 2-х т. Т. 2. Общественный строй и духовная культура. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 16.

²⁶⁴ Липец В. С., Указ соч. С. 93.

Он обвернетца серым волком
Бегал-скакал по темным по лесам и по раменью...
Волх поил-кормил дружину хоробраю,
Абувал-адевал добрых молодцов...²⁶⁵

Л. Н. Майков писал о былинном князе Владимире:

«Князь дорожит своей дружиной, и, конечно, она дала ему прозвище ласкового»²⁶⁶. Чтобы упрочить свое положение на престоле, князь старался обычно привязать к себе дружину щедростью (если даже и ущемлял ее права). В этой щедрости особенно нуждалась именно младшая дружина. В летописях, начиная с повествования о Владимире Святославиче, который «любил дружину», «люди своя», проходит этот лейтмотив.

Эпический Владимир ищет богатырей к себе на службу и с почетом велит проводить к столам на пир Добрыню, когда тот приезжает к нему впервые в Киев, чтобы поступить в его дружину; Добрыня же сообщает ему при первом свидании:

«Я приехал ко городу ко Киеву,
Ко славному князю ко Владимиру
Послужить ему да верой-правдою,
Показать свою удаль молодецкую».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Таки молодцы да нам надобны».

В свою очередь воин отвечал князю личной преданностью. Этот принцип нашел отражение в былинах, где дружина верой и правдой служила князю, выполняя все его приказания. В былинне «Погребение Святогора» подчеркивается личный характер службы князю. Богатыри говорят:

Уш ты ой еси, великий князь чернигофский!
Мы постараемсе тибѣ служить правдой-верою,
Правдой-верою служить да неизменною...²⁶⁷

²⁶⁵ Былины. С. 58.

²⁶⁶ Майков Л. Указ. соч. С. 63.

²⁶⁷ Былины. С. 51.

Чрезвычайно ярко этот принцип отразился в ходе войн Святослава, когда перед лицом смертельной опасности воины клянутся умереть там, где падет их князь: «...идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ»²⁶⁸.

Отношения воинов к князю описывались термином «долг». Первоначально под ним понимались вполне материальные отношения: компенсацией за дары князя была верная служба воина. Еще в XVI в. сохранялось восприятие долга как обязательства воина при необходимости пожертвовать жизнью в обмен на содержание, получаемое в мирное время. Так, в «Сказании о Магмете-Салтане» Ивана Пересветова воины обязаны «умрети на игре смертной честно с недругом за... великое жалование царево»²⁶⁹.

При этом сохранялось и «родовое» понимание долга как ответственности за жизнь родственников, людей одной крови²⁷⁰. Однако если в варяжский период этот принцип распространялся только на узкий круг дружинников – названных братьев, то с «ославяниванием» войска все большую роль начинали играть родственные связи вне дружины. Это отношение сохранилось и в былинах. Вот что говорит Добрыня Никитич своей матушке:

Как же мне не заступиться *за родных своих*,
За *родных собратиев* – сердцу близких?..
Как наехали поганы люди, супостатные,
Они режут, бьют *моих собратиев...*²⁷¹

Вскоре слияние «родственного» долга перед племенем и «вассального» долга перед князем, воплощавшим в себе всю русскую землю, привело к расширению содержания этого понятия за пределы родного племени и круга родственников. В той же былине Добрыня, говоря о необходимости защищать своих родных, понимал это обязательство чрезвычайно широко:

²⁶⁸ ПВЛ по Ипатьевскому списку. 971 г. // ПСРЛ. Т. 2. СПб. 1908. С. 42.

²⁶⁹ Пересветов И. Сказание о Магмете-Салтане // Древняя русская литература: Хрестоматия. М., 1988. С. 254.

²⁷⁰ Она выражалась, в частности, в кровной мести: этот обычай сохранился в самой ранней редакции Русской правды, месть Ольги древлянам подробно описана в «Повести временных лет».

²⁷¹ Былины. С. 253.

Как же мне не заступиться за родных своих,
За родных собратиев – сердцу близких?..
За своих братьев, за весь белый свет?..²⁷²

Таким образом, долг воина-профессионала заключался в защите не только своего племени, но и всего «белого света». Судя по контексту, в данном случае имелась в виду *русская земля*. Особенно ярко эта идея отразилась в «Слове о полку Игореве». Автор «Слова» с негодованием пишет: «Усобица княземъ на поганя погыбе, рекоста бо брать брату: “Се мое, а то мое же”. И начяша князи про малое “се великое” мльвити, а сами на себе крамолу ковати. А погании съ всьхъ странъ приходяху съ побьдами на землю Русскую»²⁷³. На этом фоне даже незначительный и, главное, неудачный поход Игоря кажется великим деянием в защиту Руси.

Идея защиты Русской земли была теснейшим образом связана с *христианскими представлениями о долге*. О понимании древнерусским военным профессионалом своего долга перед христианским миром говорит здравица в конце текста «Слова о полку Игореве»: «Здрави князи и дружина, побарая за *христьяны* на поганя плъки». Подобные мысли встречаются и в Ипатьевской летописи, указывающей, что русские воины сражаются «за крьстьяны и за Рускую землю»²⁷⁴.

Эти представления не случайны, и на их основании можно с уверенностью говорить о том, что не только для интеллектуала-книжника, но и для воина Древней Руси было характерно сложное этноконфессиональное и этнополитическое самосознание, включающее не только верность своему городу, но и представление о единстве русской земли, объединенной Киевом и включенной в огромный христианский мир.

В то же время для воина долг перед русской землей не был абстрактным, он конкретизировался в службе князю – главе дружины и заступнику за русскую землю. «Дивиа за буюном кони паствити, тако и за добрымъ князем воева-

²⁷² Там же.

²⁷³ Слово о полку Игореве. С. 101.

²⁷⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 538.

ти»; «Дубъ крепокъ множеством корения, тако и градъ нашъ, твоею дръжавою», – пишет Даниил Заточник²⁷⁵.

Во взаимном восприятии князя и дружины отражалась концепция *чести*, получившая развитие, очевидно, в варяжский период существования дружины и ставшая одной из основополагающих категорий системы ценностей древнерусского военного профессионала.

Сочетание взаимной верности князя и дружины с одной стороны, и представлений о ценности чести и славы – с другой, нашло свое отражение в компаниях Святослава. Когда князь оказался со своим десятитысячным войском перед сотысячным греческим (по сведениям «Повести временных лет») и «Русь убояшася зело множества вой», тогда князь призвал дружину не посрамить земли Русской: «Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраимъ земле Руские, но ляжемъ костьми, ту мертвыи бо срама не имамъ...»²⁷⁶.

Не случайно автор «Слова...» неоднократно повторяет, что именно чести ищут русские воины на поле боя²⁷⁷.

Как справедливо отмечал Е.С. Иванов, анализ древнерусских источников «Слова...» дает возможность считать, что первоначальным значением слова «честь» в дружинной среде была *военная добыча*²⁷⁸: в походе дружина ищет «себе чести», находят же они драгоценности, золото, рабынь²⁷⁹. Вместе с тем ценности имели значение не сами по себе (после раздела добычи от нее фактически сразу же избавлялись), а в силу тех отношений, которые за ними стояли.

²⁷⁵ Моление Даниила Заточника. С. 392.

²⁷⁶ ПВЛ по Ипатьевскому списку. 971 г. // ПСРЛ. Т. 2. СПб. 1908. С. 42.

²⁷⁷ «Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти. ...» (Слово о полку Игореве. С. 98).

²⁷⁸ Иванов Е. С. Воспитание воинской чести у офицеров российской армии XVIII – начала XX века: (Историко-педагогический анализ): Дис. ... канд. пед. наук. М., 1994. С. 12–13.

²⁷⁹ «Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы. Съ зарания въ пятокъ потопташа поганяя плъкы половецкыя и, рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволоки, и драгыя оксамиты. Орьтьмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мйстомъ, и всякими узорочьи половйцкыми». (Слово о полку Игореве. С. 98).

В данном случае честь обозначала прежде всего *ценность принадлежности к определенному коллективу, место (рейтинг) в военном сообществе*²⁸⁰.

Судя по древнерусским источникам, честь – не свод незыблемых законов, нарушение которых грозит исключением из группы военных профессионалов (эта концепция установилась гораздо позднее). **Честь** – это **соответствие поведения человека его социальному статусу**. Это означает, что воин должен соблюдать определенные правила поведения (поступать *честно*). В мирной жизни честь требовала от воина прежде всего «вежества»²⁸¹, то есть соблюдения определенных правил поведения:

А Тугарин Змеевич *нечестно* хлеба ест:

По целой ковриге за щеку мечит,

Те ковриги монастырския;

И *нечестно* Тугарин пития пьет:

По целой чаше охлестоват,

Котора чаша в полтретья ведра²⁸².

Соблюдение чести предполагало *исполнение данного обещания, а особенно клятвы*. Клятва-запись фигурирует в былине «Добрыня и змей»:

Написали оны записи промеж собой,

Те велики оны записи немалыи:

«Не съезжаться бы век по веку в чистом поли,

Нам не делать бою-драки-кровопролитыца промеж собой»²⁸³.

Обязательность соблюдения своего обещания иллюстрируется былинами «Богатырское слово» и «Сухматий»²⁸⁴.

Венцом чести воина в тот древнерусский период являлось его поведение на войне. И так же, как в мирной жизни требовалось «вежество», на поле боя воину

²⁸⁰ По этому поводу Е. С. Иванов отмечал, что «понятие чести служило для феодала моральным ориентиром, ценностным критерием осознания своего места в иерархической пирамиде, способом утверждения и охраны личного статуса» (Иванов Е. С. Указ.соч. С. 15).

²⁸¹ Былины. С. 227.

²⁸² Там же. С. 241–242.

²⁸³ Там же. С. 183–184.

²⁸⁴ Там же. С. 264–275, 293–297.

была необходима *храбрость*²⁸⁵. Как уже указывалось, храбр до неистовства Святослав, предпочитая смерть плену и позору. Лев Диакон, участник похода Цимисхия против Святослава, отмечает, что это качество было вообще характерной чертой руссов. Неоднократно описывая героизм воинов Святослава, он утверждает:

«Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы»²⁸⁶.

Подобный мотив звучит и в «Слове...»: «Братие и дружино! Луце же бы потяту быти, неже полонену быти». Таким образом, честная смерть однозначно предпочтительней пленения. Об этом свидетельствуют и иностранцы, которым приходилось встречаться в бою с древнерусскими воинами. Лев Диакон, писал:

«Побежденные тавроскифы (русские. – А. П.) никогда живые не сдаются неприятелю, но вонзая в чрево мечи, себя убивают... страшась сего рабства, боясь служить своим врагам, они сами себя закалывают. Такое господствует мнение»²⁸⁷.

Об этом же говорят арабские писатели Ибн-Даута, Аль-Мукадесси (X в.)²⁸⁸.

«Честное» поведение на поле боя предполагает соответствие сложности и опасности задания с уровнем мастерства (а значит, и статусом) воина²⁸⁹. Выполнение более сложного и опасного задания в этом случае означает, очевидно, *рост личного статуса*. Поэтому для членов этой группы характерна не просто храб-

²⁸⁵ Контент-анализ «Слова о полку Игореве» показывает, что для его автора храбрость является наиболее ценным качеством (составляет 48 % всех этических терминов; для сравнения: слава – 35,4 %, честь – 12,9 % и красота – 3,2 %).

²⁸⁶ Лев Диакон. История. VIII. 10.

²⁸⁷ Лев Диакон. История. IX. 8.

²⁸⁸ Гаркави А. Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 267–268, 283.

²⁸⁹ Наиболее ярко этот принцип воплотился в былинне «Илья Муромец на заставе богатырской». Перечисление богатырей при поиске «поединщика» начинается с наиболее слабых воинов, которые отвергаются, так как не сумеют справиться с задачей «погибнёт... по напрасному» (Былины. С. 124). На бой отправляется Добрыня Никитич, но и он отказывается от боя, однако нигде не говорится, что он поступил бесчестно. В итоге Илья едет на бой сам (Там же. С. 126). Этот же принцип прекрасно показан в фильме «В бой идут одни старики».

рость: свое положение в дружине они формируют (или укрепляют) благодаря демонстративному поиску опасности, *поиску чести*²⁹⁰.

Нет чести (так как нет опасности) в сражении с женщиной и ребенком. Поэтому настоящий воин никогда на это не пойдет:

– Не честь-то нам хвала молодецкая
А ехать нам за бабой след с угоною,
А стыдно нам буде да похабно е²⁹¹.

Нечестным, позорным деянием с позиции воина считалось не только отсутствие храбрости, но и малейшее подозрение в этом. Поэтому любое действие, снижающее риск поражения и гибели, признавалось в воинской этике позорным. Таким образом, в соответствии с понятием «богатырской чести», воину *не следовало использовать никаких приемов, ослабляющих врага*. Нападение на сонного, ослабленного противника не приносило чести, позорило, поэтому таких действий необходимо было избегать.

Не честь- то мне хвала молодецкая
А сонного-то бить что мни мертваго.
А лучше он проспится-протверезится...
А будет молодцу мне тут честь-хвала²⁹².

Сочетание представлений о долге перед страной, обязанностями перед князем и воинской чести не могли не противоречить друг другу, вызывая ситуацию ролевого конфликта. Отражение таких ситуаций в источниках дает уникальную возможность выяснить иерархию ценностей военного профессионала Древней Руси.

Чрезвычайно интересно этот конфликт показан в былине «Сухмантий». Сухматий-богатырь похвалялся на пиру у князя Владимира добыть живую и «нераненную» белую лебедь, и князь приказал герою исполнить это обещание.

²⁹⁰ «Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, *ищучи себѣ чти...*» (Слово о полку Игореве. С. 98); «Тебе, государю, славу великую учиним, / И себя, государь, *в честь введем* / И всему твоему государству похвалу великую учиним...» (Былины. С. 265).

²⁹¹ Былины. С. 80.

²⁹² Там же. С. 78.

Однако он не смог выполнить своей «похвальбы», так как встретил татарское войско, вступил с ним в бой и перебил его. Владимир в ответ на рассказ богатыря об этих событиях приказывает:

– Посадите-ко дородья добра молодца

Ай во ту ево во темницу во тёмную –

Ай пустым-то всё он хвастает, напрасным тут²⁹³.

Реакция Сухматия на попытку князя Владимира реабилитироваться, когда его рассказ подтвердился, выражается во фразе:

– Не умел миня Владимир-князь ведь жаловать!²⁹⁴

Таким образом, в ситуации выбора между долгом перед князем и личной честью с одной стороны и долгом перед страной – с другой, богатырь выбирает защиту своей страны. Однако все эти требования еще носят категорический характер, и в ситуации, когда богатырь выполнил свой долг, но при этом нарушил требования чести и был публично в этом обвинен, единственным достойным выходом он посчитал самоубийство.

²⁹³ Там же. С. 296.

²⁹⁴ Там же. С. 297.

ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННОГО ПРЕДИНТЕЛЛИГЕНТА ДРЕВНЕЙ РУСИ.

3.1. Пути возникновения военного управления на Руси

Первые военачальники появились вместе с профессиональными воинами. В «варварской» свободной дружине должен был быть человек, который бы осуществлял ее связь с внешним миром, заключал союзы или определял объекты для нападений. Еще более серьезные требования возлагались на лидера «племенной» дружины: община, кормящая воинов, должна была быть уверена, что ее ожидания оправдаются, и воевода сумеет потребовать от воинов исполнения их долга перед родной землей.

В наши дни из-за недостаточности документального материала трудно определить, что представляли собой первые военачальники, однако можно предположить, основываясь на летописях, что их формирование могло проходить двумя путями и определялось типом военной деятельности.

Наиболее простой путь – *продвижение от простого воина до военачальника*. В русских былинах примером такого вождя является Илья Муромец. Будучи простым богатырем, он в то же время выступал как предводитель богатырской дружины²⁹⁵. Отличительная черта Ильи Муромца – его сокрушительная сила. Именно она свидетельствует об архаичности и легендарности образа Ильи Муромца, сближая его с древнейшими героями античной и шумерской эпических традиций, а в русских былинах – со Святогором и сказочными персонажами (например, Дубыней, Усыней и Горыней) в противовес более поздним – таким, как Добрыня Никитич и особенно Алеша Попович²⁹⁶.

Илья Муромец – воплощение не только силы:

Потому был атаман большой – силушкой

²⁹⁵ См.: Былины. М., 1986. С. 135, 154–156, 199, 265–266 и др.

²⁹⁶ В то же время Илья считается одним из наиболее поздних былинных персонажей. Возможно, это противоречие связано с тем, что образ Ильи Муромца стал сниженным образом Перуна.

был он сильнее всех;
По-другому ише был, шьто не написана-то
сьмерть да во чистом поли²⁹⁷.

Выбор Ильи Муромца в качестве предводителя богатырей объясняется его способностью выполнять лучше других всего того, что требуется от обычного дружинника, и особой удачливостью – «не написана-то сьмерть да во чистом поли». Кроме того, общественное сознание, носившее мифологический характер, связало полководческие способности военачальника с результатом его деятельности, то есть победами над врагом не только силой, но и умом, а значит, и талантом. Таким образом и формировалась идея «таланта-участи»²⁹⁸, складывались первые представления об отличительных чертах именно *военачальника*, а не просто самого сильного воина.

Интересно, что особенное внимание к удачливости военачальника – не чисто русское явление.

Так, А.Я. Гуревич относит к эпохе расцвета культуры викингов формирование устойчивого образа «военного вождя», среди качеств которого на первом месте стоит удачливость.

Вообще, чем знатнее и благороднее человек, тем большей удачей он наделен, тем легче ему достаются победы и богатства, ему везет на верных друзей и дружинников. Каждый конунг обладает своей личной «удачей», «долей», но вместе с тем он наследник «удачи» всех своих предков. Интерес к генеалогиям, столь живой у скандинавов, помимо других причин вызывался стремлением выяснить, от каких славных и «богатых удачей» предков они происходят, и тем самым понять размеры их собственной «удачи».

Счастье, благополучие, везение – принадлежность вождя, тем не менее, по тогдашним убеждениям, к ним можно приобщиться, если вступить в контакт с конунгом: служить ему, получать от него подарки, – ибо и в вещах удачливо-

²⁹⁷ Былины. С. 113. В былине «Добрыня Никитич» в качестве главного качеством Ильи называется «*талант-участь*» (см.: Там же. С. 227).

²⁹⁸ Удачливость Ильи роднит его с героями королевских ирландских саг. В них, по замечанию А. Я. Гуревича, удача, счастье – качества, присущие прежде всего конунгу – вождю (см.: Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 93).

го вождя воплощается его везение. Поэтому дружинниками, домогавшимися у конунгов даров, владели более сложные чувства, нежели простая жадность: они стремились при посредстве его подарков разделить с ним его удачу²⁹⁹.

Иными словами, от вождя викингов, вся жизнь которого связана с набегами, набором и обучением дружины, установлением своего контроля над окружающими землями и снова грабительскими походами, требовалось, прежде всего воевать с минимальными потерями и максимальным результатом.

Вполне понятно, почему это качество распространялось на воинов, идущих за удачливым вождем: хорошо спланированная и реализованная военная операция заканчивалась удачно не только для вождя, но и для его воинов.

Принцип передачи удачливости по наследству также вполне объясним: в семье военного вождя, очевидно, будут стремиться передать сыновьям не только военное искусство, но и навыки вождя, поэтому и подготовленный таким образом сын ярла действительно получит по наследству часть удачи своего отца. Мы не видим, как удача Ильи передается по наследству, но былины, изображающие сына (или дочь) Ильи как великого богатыря, с которым по силам справиться только его отцу, вполне можно рассматривать как доказательство этого положения.

Вместе с тем сила и удачливость Ильи – не врожденные качества. Согласно былине «Исцеление Ильи Муромца», эти качества – дар «калик перехожих»³⁰⁰, которые были одним из вариантов восточнославянских волхвов. В связи с этим логично, что простое совершенствование воинских навыков даже в древности не предполагало автоматического возвышения воина до военачальника: необходимо было *овладение определенным уровнем культуры*, присущим только волхвам.

К моменту образования профессиональной военной группы племя уже располагало надежной защитой от *сверхъестественных* угроз, которую обеспечивали волхвы. Можно предположить, что именно волхвы возглавили дружины у

²⁹⁹ См.: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 93

³⁰⁰ Былины. С. 105–108.

ряда индоевропейских народов³⁰¹. Это было вполне логично, так как только они обладали навыками руководства племенем, родом и влияния на них, а также навыками подготовки новых жрецов. Этих носителей накопленного племенем опыта (и, более широко, *носителей и трансляторов культуры*) с полным основанием можно считать *первыми прединтеллигентами*. Вступая в новую для них военную сферу, они формировали ценности первых поколений *военных прединтеллигентов*.

Анализ текстов русских былин позволяет выяснить суть деятельности военной прединтеллигенции индоевропейцев. По мнению В. Я. Проппа, к группе древнейших источников по этому вопросу относятся, в частности, былины о Вольге (Волхе) Всеславовиче³⁰². На примере данного персонажа можно проследить формирование отличительных черт волхва-военачальника и его духовности.

Главное качество Вольги – *мудрость*³⁰³, под которой понимается способность превращаться в различных зверей в интересах защиты своего рода (здесь и далее курсив в цитатах мой – А. П.):

А и будет Волх десяти годов,
В та поры поучился Вольх ко *премудростям*:
А и первой *мудрости* учился –
Обвертываться ясным соколом,
Ко другой-та мудрости учился он, Вольх –
Обвертыватца серым волком,
Ко третеи та мудрости учился Волх –
Обвертыватца гнедым туром – золотыя рога³⁰⁴.

Речь в этом отрывке, а затем и во всей былине идет об искусстве перевоплощения, аналогичном способностям вервольфа и берсерка из скандинавских

³⁰¹ Традиции такой организации воинского сообщества отразились в индийском обществе, многие герои и военачальники принадлежали к варне брахманов, а не кшатриев (подробнее см.: Успенская Е. Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб., 2000. С. 97). В Европе подобная ситуация сложилась у кельтов, где ведущую роль играла не военная, а религиозная элита (друиды).

³⁰² Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 67–72.

³⁰³ См.: Былины. С. 37.

³⁰⁴ Там же. С. 58.

саг³⁰⁵. В то же время эти явления далеко не тождественны. В древнегерманской культуре оборотничество индивидуально: берсерк самостоятельно превращался в медведя или – в более поздних вариантах этого понятия – впадал в боевой транс. В русских былинах такое умение – прерогатива военного вождя, бывшего одновременно и волхвом. Причем Вольга не только обладал искусством самому превращаться в разных зверей, но и превращал в них своих дружинников.

Интересно, что *искусство перевоплощения* в русских былинах никогда не использовалось напрямую против человека: Вольга становился волком, соколом или туром для более быстрого бега, горностаем – чтобы испортить врагу оружие; своих дружинников он превращал в муравьев, чтобы они могли преодолеть стену, а затем возвращал им человеческий облик. В ходе нападения на Индийское царство он не принимал участия в битве, ограничившись поединком с индийским царем.

Вместе с тем искусство перевоплощения в интересах племени – не единственное проявление мудрости Вольги. По сюжету былины деятельность князя-волхва включала помимо воинской инициации своих дружинников (в форме превращения их в различных животных) еще и стратегическую разведку³⁰⁶, заботу о воинах, создание наилучших условий для победы³⁰⁷ и, наконец, личное командование дружиной в бою.

Следовательно, можно сделать вывод, что **военная прединтеллигенция у славян возникла как военное жречество**, под руководством которого они могли успешно наступать на земли Византии, несмотря на высочайший уровень военной и дипломатической культуры противника. Именно спецификой военного руководства славянских князей объясняется тот факт, что император Византии Маврикий (правил с 582 по 602 г.) «не заметил» военных вождей: описывая военные навыки славян, он утверждал, что они «в начальники никого не выбирают и живут в ссоре между собой». Однако затем он перечислял ряд так-

³⁰⁵ Подробнее см.: Попов А. В. Берсерки... Герои... Полководцы... С. 21.

³⁰⁶ Вольга выяснил, что Индийский царь собирается напасть на Русь. Однако этот эпизод может быть позднейшей вставкой, объясняющей возможность превентивного нападения на врага.

³⁰⁷ Вольга, обернувшись горностаем, «У тугих луков титивки накусывал, / У каленых стрел железки повынимал...», а затем, чтобы не идти на приступ, он «сам обернулся мурашиком / И всех добрых молодцев мурашками, / Прошли они стену белокаменну» (Былины. С. 60).

тических приемов (в частности, широкое использование засад, ложного отступления на поле боя и т. д.), свидетельствовавших о наличии специально подготовленных воинов, которыми командовали опытные военачальники³⁰⁸.

Наследием рассматриваемого периода стали вера в перевоплощения ради победы над врагом, главным содержанием которых был не боевой транс, а скорость³⁰⁹, и культ Георгия Победоносца, получившего в восточнославянских землях имя Егория Храброго – покровителя волков³¹⁰.

В то же время шло формирование представлений о военном управленце как *носителе особых качеств*, ставивших его над войском и связанных с *чрезвычайно высокими требованиями*, диктовавшимися представлением о связи героя с божеством. Одним из вариантов такой связи было отношение к своей *земле*, которая давала богатырю силу в чрезвычайных ситуациях, но взамен требовала защиты от врагов. В этой мистической связи с родной землей заключалось одно из оснований *дружинно-княжеского патриотизма*, отразившегося в былинах киевского цикла и «Слове о полку Игореве».

Нашествие с востока новых кочевых народов губительно повлияло на развитие славянского единства. В ходе войн VIII–X вв. восточнославянская военная прединтеллигенция была почти полностью уничтожена, и позицию управляющей группы в восточнославянских городах заняли варяги на севере и угры на юге³¹¹. Однако идеалы воина и военного управленца (князя), выработанные в предшествующий период, были восприняты и новой эпохой.

Указанный период можно условно назвать «варяжским». Его нижняя граница приблизительно датируется VIII в., когда с нашествия аваров началось господство иноземных дружин над племенами восточных славян. Заканчивается этот период в X в. вместе с «ославяниванием» киевских военных профессио-

³⁰⁸ Маврикий. Стратегикон // Искусство войны: Антология военной мысли: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. Р. Светлова. СПб., 2000. Кн. 1. Древний мир. С. 374.

³⁰⁹ «Сами скачють, акы сьрыи вльци въ полъ, ищучи себе чти, а князю славъ»; «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влькомъ рыскаше: изъ Києва дорискаше до куръ Тматороканя, великому Хрьсови влькомъ путь прерыскаше» (Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси, XI – начало XII в. М., 1978. С. 97, 108 (Далее – ПЛДР).

³¹⁰ См.: Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 132.

³¹¹ См.: Вернадский Г. В. Древняя Русь. М., 2000. С. 250–256.

налов – русов. Проявлением данного процесса явилась смена типа поведения князя и его дружины: от грабительских набегов Игоря – к расширению территории страны Святославом и, наконец, укреплению границ и обустройству собственного государства Владимиром.

«Варяжский» период в генезисе военной прединтеллигенции Руси сыграл огромную роль: постепенно **была создана древнерусская военная культура**, включающая как ценности предшествующего периода, так и военный опыт варягов и кочевников Северного Причерноморья (хазар, мадьяр, аваров, печенегов). Все это позволило Киевской Руси с момента возникновения стать одним из наиболее сильных государств Восточной Европы и разгромить всех своих врагов – от аваров до хазар. Наиболее ярким полководцем, завершавшим «варяжским» период развития Руси был **Святослав**, который за счет полководческого таланта, концентрации сил, дипломатических усилий и, в конечном счете, блестящей подготовки своего войска в середине X века определял судьбы Восточной Европы.

Однако необыкновенные военные успехи Руси сложно объяснить одними воинскими традициями. Неизбежно возникает вопрос – откуда идут корни высочайшего уровня полководческого искусства, которые демонстрирует Святослав?

В поисках ответа на этот вопрос нельзя обойти вниманием Византию.

3.2. Развитие военного искусства Византии

В X веке в Византии были проанализированы итоги военных компаний, которые сохранили историки Античного мира – от Александра Македонского до Веллизария. В этом ряду наиболее интересны записки Вегеция – одного из главных теоретиков военного искусства античного мира – и императора Маврикия, который скорректировал их реальной военной практикой. Того уровня, который демонстрировала Византийская военная теория X века, Европа достигла только к XVIII-XIX столетиям.

В основе искусства полководца, по мнению византийских военных теоретиков, лежит *способность к предвидению, предварительному расчету*.

По мнению Маврикия, полководец, начиная войну, должен тщательнейшим образом продумать ход своих действий и возможную реакцию соперника. «Главнокомандующий должен думать не только о настоящем, но предвидеть и будущее»³¹².

Греко-римская военная теория выработала важнейшие принципы *разведывательной службы*: непрерывность поступления разведывательных данных, обязательность их сопоставления и взаимопроверки, множественность источников разведывательной информации. Маврикий, описывая действия военачальника накануне войны, предлагал собирать сведения о стране от пленных и перебежчиков³¹³, чтобы узнать особенности военного дела противника³¹⁴, характер их военачальника³¹⁵, а также изучить театр предстоящих военных действий с точки зрения экономических характеристик и в санитарно-гигиеническом отношении, поскольку ресурсы этой земли должны быть соизмерены с потребностями экспедиционных корпусов³¹⁶. Определив место будущей битвы, стратег вновь должен прибегнуть к разведке: надо постараться «узнать намерения и козни врагов, высылая для этого разведчиков во все четыре стороны»³¹⁷.

Полководец должен не только выведать все о противнике, но и *не дать ничего узнать о своих собственных намерениях*. Маврикий советовал полководцу показывать неприятелю одно, а делать другое³¹⁸. Самые лучшие планы,

³¹² Маврикий. Указ. соч. С. 348. См.: кроме того: Вегаций. Указ. соч. С. 241, 256.

³¹³ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 357.

³¹⁴ «Ведь не все народы ведут войну одинаковым способом и не все употребляют одни и те же боевые порядки, отчего нельзя против всех вести войну одинаково, так как одни вследствие чрезмерной отваги действуют более быстрою и натиском, а другие бросаются на врага сомкнуто и в порядке». (Маврикий. Указ. соч. С. 368).

³¹⁵ Главнокомандующий должен употреблять стратегемы, смотря по личным качествам неприятельского вожда. Так, если он смел до безрассудности, то стратег вызывает его на выгодный для себя случай, если же в меру осторожен, то тревожит его частыми нечаянными нападениями. (Маврикий. Указ. соч. С. 347).

³¹⁶ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 348, 349

³¹⁷ Там же. С. 327.

³¹⁸ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 329, 342–343

по его утверждению, – те, о которых неприятель не подозревает до самого момента их осуществления³¹⁹.

Основной целью подготовки военачальника к войне было «разведать все, что делается у противника, *парализовать все то, что может его усилить, и воспользоваться всем, что может его ослабить*»³²⁰. Вегеций, рассуждая о путях к победе, говорил, что «лучше победить и укротить врага недостатком продовольствия, внезапными нападениями или страхом, чем сражением, в котором обыкновенно больше имеет значение счастье, чем доблесть»³²¹. «Тогда сломленные трудом, исполненные скуки очень многие в досаде покидают свое войско, некоторые становятся предателями, иные сдаются, так как при несчастиях редко держится слово верности, и войско, которое сюда пришло многочисленным, начинает редеть»³²². Подобные идеи встречаются и у Маврикия, который предлагал уничтожать пастбища и запасы продовольствия³²³.

Римская империя всегда держалась благодаря раздробленности ее врагов. «Divide et impera» – разделяй и властвуй – всегда было девизом римских легионов. Вегеций, подводя итоги римского опыта, писал: «Хороший вождь должен уметь сеять раздоры среди врагов. Ни один даже самый маленький народ не может быть уничтожен врагами, если он сам себя не истощит своими внутренними неурядицами. Ибо ненависть, вызываемая гражданской войной, стремится к уничтожению своих противников, но не принимает мер предосторожности в интересах своей защиты»³²⁴. Маврикий делает из этого теоретического положения практические выводы: «Если войско его (противника) составлено из разных народностей и между ними нет согласия, то можно посоветовать расстроить связь между ними посредством даров, подарков, обещаний, а более знатных переманить на свою сторону»³²⁵.

³¹⁹ См.: Там же. С. 342–344. См. также: Вегеций. Указ. соч. С. 266.

³²⁰ Маврикий. Указ. соч. С. 327. В этом вопросе автор почти цитирует Вегеция: «Все нужно устроить так, чтобы все это было нам полезно, для него же послужило во вред» (Вегеций. Указ. соч. С. 244).

³²¹ Вегеций. Указ. соч. С. 265.

³²² Там же. С. 248.

³²³ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 327.

³²⁴ Вегеций. Указ. соч. С. 250.

³²⁵ Маврикий. Указ. соч. С. 327.

От того, как проведена предварительная подготовка к войне, зависит и *исход сражения*. *Античная военная наука* выработала ряд рекомендаций, следуя которым полководец может рассчитывать на победу в сражении. При этом Фронтин четко делил действия полководца на два этапа: до сражения и после него³²⁶.

Накануне сражения полководец определяет место и время боя, строит армию и продумывает способы расстроить ряды неприятеля. К этой же части рассуждений Фронтин относится и глава о засадах³²⁷. Современники Фронтин и его последователи особое внимание обращали на *неожиданность нападения на противника*. Маврикий, говоря о неожиданных нападениях, советует усыпить бдительность вражеских послов посредством льстивых речей, а когда послы отбудут, последовать за ними и напасть на врага, не ожидающего нападения. Можно поступить и иначе: дезориентировать врага миролюбивыми предложениями и, улучив момент, внезапно напасть на него³²⁸. Кроме того, Маврикий предлагает широко использовать неожиданные нападения и засады, искусству которых войска должны постоянно учиться в мирное время³²⁹.

Таким образом, по мнению Маврикия, «не всегда следует вступать в открытый бой с неприятелем, а лучше поражать его хитростью, или нечаянными нападениями, или лишением съестных припасов, потому что в бою чаще всего главную роль играет не храбрость, а счастье. Мы думаем, что из этих средств наиболее пригодны для войны те, про которые неприятель не знает до той поры, пока они не обнаружатся сами. На войне чаще всего пригодна хитрость³³⁰».

Неожиданные нападения, засады, попытки лишить врага продовольствия, а его коней – фуража, могут ослабить противника, но решить его судьбу может

³²⁶ Такое деление уже само по себе говорит о слабости непосредственного боевого управления в ходе сражения. Роль полководца заключалась в расстановке армии на поле боя и, в последствии, в случае неудачного исхода дела, избежать полного разгрома.

³²⁷ См.: Фронтин С.Ю. Указ. соч. С. 139–159.

³²⁸ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 353.

³²⁹ Засадам посвящена вся IV глава его сочинения (См.: Маврикий. Указ. соч. С. 315 – 320).

³³⁰ Там же. С. 345.

только бой. Не случайно этой части военного искусства античные авторы придавали решающее значение.

Начиная с римских времен полководцы стремились, прежде всего, занять возвышенность, подготовить ее для обороны и на этой позиции встретить врага³³¹. Вегеций, обобщая опыт своего времени, уже ничего не говорит о полевой фортификации. Для него основой строя уже был неподвижный фронт пехоты, опираясь на который действовала конница.

Боевой порядок по «Стратегикону» Маврикия – это строгое, уравновешенное расположение различных частей и подразделений в соответствии с их тактическим предназначением. Оно определяется двумя основными факторами – характером местности и особенностями неприятельской армии. Боевой порядок должен быть достаточно глубоким, чтобы противостоять натиску противника, соответствовать требованиям маневренности, т.е. быть в состоянии изменяться в зависимости от обстановки; он должен быть надежно защищен, особенно с флангов и тыла, в том числе и с помощью специальных полос заграждения, оборудованных триболами, «волчьими ямами», траншеями, капканами и т.п.; необходимо, наконец, чтобы он был удобным для управления.

Маврикий решительно восстает против старого, традиционного размещения войска в одну застывшую линию, лишенную маневренности. Полемизируя с воображаемым оппонентом, он убедительно опровергает все теоретически возможные аргументы в защиту подобного принципа. Идеал Маврикия – построение войска в три линии, прерывистые и подвижные.

В то же время *в расположении войска нет незыблемых правил*. Маврикий пишет, что боевые действия против тяжелой пехоты необходимо вести на пересеченной местности, противника, вооруженного луками, надо встречать на равнине и биться с ним в пешем строю³³². «Если неприятель сражается отважно, но в беспорядочном строю, то сперва надо притворно биться с ним, останавлива-

³³¹ См. напр.: Цезарь Г.Ю. Галльская война // Записки Юлиа Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М., 1962. С. 112, 320.

³³² См.: Маврикий. Указ. соч. С. 327–328.

ясь по временам и мешкая, пока пыл его не остынет, а когда натиск его будет ослабевать, в это время и начать настоящее сражение»³³³.

В случае, если противник будет многочисленнее и боя не удастся избежать, Маврикий советует выбрать «узкие по фронту позиции и вообще подходящую местность. В этом случае большая часть неприятельского войска не примет участия в бою на такой местности, не будучи в состоянии развернуться на ней»³³⁴.

В отличие от средневековой Европы, где делом полководца было только вывести войска на поле боя, в Византии были продолжены римские традиции: полководцу надлежало сохранять *управление войсками* в самые ответственные моменты боя.

Вегеций первым из военных писателей систематизировал материал о способах управления войсками. Сигналы, побуждающие к исполнению, подразделяются им на словесные, звуковые и немые. Словесные сигналы могут быть либо приказами (командами, распоряжениями), либо паролями. Звуковые сигналы подаются трубой, горном или рожком. Немые сигналы – это различные изображения орлов, драконов, всевозможные флажки, значки, конские хвосты; кроме того, это обусловленные движения рукой, сигнальные огни, факела, фонари, задымления и т.п.³³⁵ Разумеется, способы и условия подачи сигналов должны быть заранее согласованы, утверждены командиром, доведены до сведения каждого воина.

Для автора «Стратегикона» управление боем заключается в согласованном маневрировании отдельными элементами боевого строя в соответствии с изменениями боевой обстановки. Маврикий придерживается нового распределения сил в бою: не следует начинать сражение сразу всеми наличными силами, нужно вводить их постепенно, по мере обнаружения слабых мест противника, и именно в этих пунктах следует наращивать военное давление. Подкрепле-

³³³ Там же. С. 328.

³³⁴ Там же. С. 347.

³³⁵ См.: Вегеций Указ. соч. С. 224, 232, 239–241, 249.

ния могут быть взяты с флангов и из резерва: центр боевого порядка должен всегда оставаться нетронутым.

Главная цель стратега во время боя – атаковать фланги и тыл противника, так как «вовремя совершенное нападение на фланги или тыл неприятеля приносят ему больше потерь и имеет более решающее значение, чем фронтальный удар»³³⁶.

Фронтин, анализируя ход сражения, уделял огромное внимание не только тому, как начать сражение, но и как себя вести в случае изменения ситуации на поле боя. Прежде всего это касалось проблемы отношения к противнику, чтобы он «будучи заперт, в отчаянии не возобновил сражения». Этот автор считает, что весь опыт известных ему полководцев говорит о том, что такого неприятеля необходимо выпустить. Остается непонятным – надо ли добивать противника, который воспользуется этим «золотым мостом»: Фронтин указывает на оба возможных решения³³⁷.

Особое внимание обращается стратегом на действия, которые необходимо предпринять, если бой пошел не так, как было задумано: что можно сделать, чтобы скрыть от противника свои неудачи, решительностью восстановить расстроившийся боевой порядок, сохранить верность колеблющихся и даже – что делать, если ваши войска оказались разбиты³³⁸.

Византийские полководцы прекрасно понимали, что деятельность полководца не ограничивается только управлением войсками. Самый гениальный военачальник не сможет ничего сделать без подготовленной армии. Поэтому свою главную задачу полководцы поздней античности видели в **подготовке армии** – от набора и обучения солдат до отработки слаженности подразделений в целом. Анализируя причины ослабления армии, приведшей Римскую империю к гибели, Вегеций выделяет ослабление внимания к регулярным упражне-

³³⁶ Вегеций Указ. соч. С. 299.

³³⁷ См.: Фронтин С.Ю. Указ. соч. С. 159–160.

³³⁸ См.: там же. С. 160–168.

ниям, которые поддерживали бы профессиональное воинское мастерство³³⁹. Он пишет, что «римский народ подчинил себе всю вселенную только благодаря военным упражнениям... и своей военной выучке...»³⁴⁰. «Знание военного дела питает смелость в бою: ведь никто не боится действовать, если он уверен, что хорошо знает свое дело... малочисленное, но хорошо обученное войско всегда гораздо скорее добьется победы, тогда как сырая и необученная масса всегда обречена на гибель»³⁴¹. «Нет государства сильнее, счастливее и славнее, чем то, которое богато обученными воинами»³⁴². Поэтому логично, что его трактат открывается книгой, где содержатся рекомендации по набору и обучению войска.

Вегеций отдает явное предпочтение армии, набранной из числа подданных Римской империи, по сравнению с наемниками, воюющими за деньги. Отбор должен производиться как можно более тщательно, ответственными и высокопоставленными людьми, без каких-либо злоупотреблений и проявлений корыстолюбия, ибо «благо государства в целом зависит от того, чтобы новобранцы набирались самые лучшие не только телом, но и духом; все силы империи, вся крепость римского народа основывается на тщательности этого испытания при наборе»³⁴³.

Закончив набор, новобранцев учат строевому шагу³⁴⁴, бегу, прыжкам, плаванию³⁴⁵. Вооружив новобранца деревянным щитом и мечом, в два раза тяжелее обычных, их заставляют вести тренировочный бой с чучелом. Они должны усвоить искусство колющего удара, который во всех отношениях предпочтительнее рубящего, овладеть навыками метания копья (тоже по чучелу), стрельбы из лук» (на этом специализируется одна третья или одна четвертая часть всех новобранцев), метания камней вручную и с помощью пращи, а также метания свинцовых шаров. Как новобранцев, так и кадровых воинов нужно по-

³³⁹ См.: *Вегеций*. Указ. соч. С. 219, 249.

³⁴⁰ Там же. С. 206.

³⁴¹ Там же. С. 207.

³⁴² *Вегеций*. Указ. соч. С. 12–13.

³⁴³ Там же. С. 209.

³⁴⁴ «Обычным шагом следует проходить за 5 часов 20 миль, ускоренным — 24 мили; при этом общее вооружение и снаряжение каждого воина составляет 60 фунтов» (Там же. С. 214).

³⁴⁵ Там же. С. 219–211.

стоянно тренировать вскакиванию на коня – с любой стороны, безоружным и с обнаженным мечом и пикой³⁴⁶. Итог всем предыдущим рекомендациям Вегеций подводит в лаконичной формуле: «Благодаря труду войско процветает, от безделья стареет и слабеет»³⁴⁷.

Закончив описание индивидуального обучения новобранцев, Вегеций приступает к вопросам группового обучения. Строгое сохранение дисциплины строя – основа боеспособности армии. Поэтому каждый воин обязан знать и постоянно сохранять свое место в строю, как в стационарном положении, так и в перестроениях (в каре, треугольник, круг) и на марше. В соответствии с рекомендациями своих предшественников по военной науке Вегеций предписывает и пехоте, и всадникам трижды в месяц совершать тренировочные марш-броски на расстояние до 10 миль в полной выкладке, желательно по пересеченной местности, для выработки выносливости и дисциплины строя³⁴⁸.

По мнению Маврикия, армии прежде всего необходим порядок, который создается заботой полководца об обучении солдат. «Кто более заботится о войске и об обучении его, тот менее будет подвергаться опасностям в бою», – писал он, рекомендуя даже тому, кто не собирается воевать и «любит мир, ... готовиться к войне, потому что варвары не осмелятся тогда напасть на готовых»³⁴⁹.

В «Стратегиконе» мы находим еще более полную и развернутую программу профессиональной подготовки воинов. Поскольку во времена Маврикия в армии служили не профессионалы, а масса рядовых сельских общинников, для которых служба в армии исчислялась лишь продолжительностью военной кампании, их обучение военному делу оказывалось более сложным делом, требующим гораздо большего времени. Маврикий включает в свой трактат подробные сведения о вооружении, снаряжении, снабжении стратиотов³⁵⁰, пе-

³⁴⁶ См.: там же. С. 211–214.

³⁴⁷ Там же. С. 265.

³⁴⁸ См.: Там же. С. 218–219.

³⁴⁹ Маврикий. Указ. соч. С. 345, 348.

³⁵⁰ Там же, С. 288–289.

речисляет наименования командиров различных рангов³⁵¹, дает характеристику специальным подразделениям, службам и должностям в составе армии (знаменосцы, санитары, разведчики, адъютанты, возничие и т.д.)³⁵², раскрывает структуру и определяет численность армейских подразделений³⁵³, высказывает рекомендации по укомплектованию тагмы – основного тактического подразделения византийской армии³⁵⁴.

В частности, чрезвычайно подробно пишет Маврикий о разведчиках. В его времена – это уже самостоятельная служба с установленной штатной численностью (два человека на каждую тагму)³⁵⁵, с профессиональной подготовкой, четкими задачами³⁵⁶. Среди тех качеств, которыми должны обладать разведчики, названы трезвость, бдительность, неустрашимость, а также хорошие внешние данные³⁵⁷.

В то же время «Стратегикон» – практическое руководство, поэтому описанию одиночной подготовки воина уделяется сравнительно немного места – стратег должен знать, что можно требовать от его воинов, но заниматься обучением каждого он не имеет возможности – для этого есть другие военачальники. Совершенно меняется отношение автора, когда он переходит к описанию тренировки слаженности подразделений. Маврикий разработал специальные виды упражнений для различных родов войск (пехота, кавалерия) и частей строя (центр, фланги, авангард, арьергард, засадные подразделения, резерв). Мысль о необходимости постоянных упражнений не оставляет Маврикия ни на минуту. Упражнения эти должны осуществляться с максимальным напряжением сил, в условия наиболее приближенным к боевым³⁵⁸.

³⁵¹ Там же. С. 289–290

³⁵² Там же. С. 290.

³⁵³ Там же. С. 290–291.

³⁵⁴ Там же. С. 291.

³⁵⁵ Там же, С. 302

³⁵⁶ Там же. С. 338.

³⁵⁷ Там же, С. 302

³⁵⁸ Там же С. 319, 324

По мнению Маврикия, недостаточно обучать войска в составе подразделений: наиболее сложные упражнения должны были быть отработаны всем войском целиком³⁵⁹.

«Войско должно быть поставлено так, – пишет Маврикий, – чтобы оно готово было выступить в поход и в ясную погоду, и в ненастье, и днем, и ночью; для этого не объявлять заранее ни дня, ни часа выступления в поход, чтобы оно всегда было готово»³⁶⁰.

Он отмечает, что если постоянно упражняются «ради забавы» борцы и возничие в цирках, стремящиеся заработать только большую сумму денег и ничем не рискующие в случае проигрыша, «насколько же более нам надо упражняться в подходящих строях, не ленись, разумно и с изобретательностью, нам, для которых ошибка оборачивается или смертью, или, что еще хуже смерти, позорным бегством, а успех – радостью и добычей вместе со славой на долгие времена; и там, где приходится употреблять не одну простую форму строя, при случайной ошибке дело идет о гибели большого числа людей... Наконец, не подвергая себя тяжести этих упражнений, всегда труднее добиться успеха, нежели получить его, будучи подготовленным»³⁶¹.

Традиционным для античных авторов является осознание необходимости постоянной занятости воинов. При этом обращает на себя внимание одно обстоятельство. Вслед за Вегецием Маврикий повторяет, что праздность воинов влечет за собой лишь падение боеспособности войск³⁶². Безделье воинов ослабляет их и дисквалифицирует в профессиональном отношении. Самая же главная опасность заключается в другом. Поскольку воины всегда находятся в возбужденном состоянии, их праздность может явиться причиной волнений и мятежей³⁶³. Лучшее средство пресечь эти злодеяния – обеспечить постоянную занятость войска упражнениями и учениями.

³⁵⁹ Маврикий. Указ. соч. С. 311.

³⁶⁰ Там же. С. 344.

³⁶¹ См.: там же. С. 319–320.

³⁶² Там же. С. 345.

³⁶³ См.: об этом: Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки // Византийские очерки. М., 1977.

Как видно из вышесказанного, порядок в армии – результат прежде всего целенаправленной деятельности полководца не только по военной подготовке, но и по воспитанию своих подчиненных.

По мнению Вегеция, накануне сражения войско должно получить дополнительный заряд уверенности в его благоприятном исходе. Этому во многом способствовал бы частный успех даже небольшого масштаба (разгром вражеской засады, отдельного его отряда и т.д.) – это вдохновило бы римлян, увеличило бы их наступательный порыв. «Никогда не выведи войско в открытое сражение, – рекомендует Вегеций полководцу, если не видишь, что оно надеется на победу»³⁶⁴. Большое значение имеет психологический настрой, сознание превосходства над противником, память о прошлых славных победах над ним. Советы Вегеция по поднятию морального духа войска имели прямое продолжение и развитие в таких более поздних памятниках, как «Стратегикон Маврикия» и «Тактика Льва»³⁶⁵.

Как и прежде основная цель воспитательной деятельности военачальника – добиться уверенности, что в решающий момент войны его не подведут. По мнению Маврикия, «никогда не следует вести в бой войско, не убедившись заранее в его мужестве»³⁶⁶. Автор предлагает несколько приемов, целью которых должно стать повышение морального духа армии.

Для того чтобы вдохновить армию на решающее сражение против неизвестного доселе могущественного народа, указывает Маврикий, нужно предварительно добиться небольшого, частичного успеха, уничтожив или захватив в плен хотя бы несколько неприятельских воинов. Используя этот факт с пропагандистской целью, можно содействовать подъему морального духа собственного войска³⁶⁷.

Одно из средств повышения мужества своего войска – это ведение войны на чужой территории: «Ведущие войну в чужой стране предприимчивее, так

³⁶⁴ Вегеций. Указ. соч. С. 265.

³⁶⁵ См.: Кучма В.В. «Краткое изложение военного дела Вегеция» как синтез военно–теоретической мысли античности // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001., С. 131.

³⁶⁶ Маврикий. Указ. соч. С. 345.

³⁶⁷ См.: там же. С. 331.

как сражаются не только за государство, но и за свое спасение, чего обыкновенно не делается, когда война ведется в своей земле, где воины более обеспечены крепостями, на которые могут безопасно отойти при отступлении»³⁶⁸.

Перед началом битвы полководец должен еще раз проверить, насколько солдаты готовы к сражению, и убрать из строя трусов³⁶⁹. Причем особое значение придается тому, как себя ведет стратег. Независимо от настроения «он должен казаться веселым, потому что простые воины судят о предстоящем исходе боя по настроению вождя»³⁷⁰. В ходе сражения недопустимо проявление медлительности и колебания начальников³⁷¹, а если войско терпит поражение, его «не надо приводить в отчаяние упреками, но различным способом ободрять и подавать надежду»³⁷². На настроение воинов влияют и потери, поэтому нельзя допускать, чтобы они были слишком большими³⁷³.

Однако Маврикий не ограничивается лишь этими рекомендациями. Его основная идея заключается в том, что моральный фактор формируется не только во время сражения: он должен быть в центре внимания военачальников на любой стадии военной службы – со дня призыва рекрутов до его окончательной демобилизации. С этой целью Маврикий рекомендует проводить в армии постоянную «политическую» работу.

Прежде всего полководец должен усилить единство армии империи (что было нелегко в условиях ее многонационального состава). В качестве одного из средств консолидации разноплеменных элементов в составе вооруженных сил официальная идеология рассматривала единое средство управления войсками – латинский язык. Латинскими терминами обозначались все военные должности и армейские службы, все элементы вооружения и снаряжения, все составные части боевого порядка, вся армейская символика и атрибутика. На латинском языке отдавались все приказы и распоряжения, формулировалась диспозиция

³⁶⁸ Маврикий. Указ. соч. С. 344–345.

³⁶⁹ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 344.

³⁷⁰ Там же. С. 350.

³⁷¹ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 343.

³⁷² Там же. С. 343.

³⁷³ См.: Там же. С. 364.

марша, лагерной стоянки, полевого сражения. Одним словом, латинская терминология определяла всю повседневную жизнь византийского воинства на любом этапе армейской службы – как в мирное, так и в военное время³⁷⁴.

Во времена Маврикия указанное средство консолидации армии уже в значительной мере исчерпало свои возможности. «Стратегикон» представляет собою важнейший рубеж в процессе перехода от латинского языка к греческому как официальному языку империи. И главная причина этого перехода кроется опять-таки в изменяющейся социальной базе военной организации, в привлечении к военной службе широких слоев населения, среди которых греческий язык служил средством общения еще с IV в. Проникновение греческого языка в армейскую практику зафиксировано и в самом «Стратегиконе». Так, в трактате подчеркнуто, что текст военно-дисциплинарного кодекса, знание которого вменено в обязанность каждого военнослужащего, должен быть оглашен как на латинском, так и на греческом языке³⁷⁵.

Другим мощным фактором консолидации вооруженных сил, который при Маврикии только набирал силу, являлась *христианская религия*. Если «Византийский Аноним VI в.», предшествующий «Стратегикону» приблизительно на полустолетие, практически нейтрален к вопросам религии то в трактате Маврикия религиозному воспитанию воинов уделяется первостепенное значение³⁷⁶.

В основу религиозного воспитания Маврикий положил систематизированный комплекс практических указаний по организации религиозной службы в армии. Так, каждая тагма или банда, независимо от того, размещена ли она в лагере или в каком-то другом месте, должна начинать свой день с совершения общей молитвы и других таинств, рекомендуемых церковным чином; то же самое рекомендуется совершать и на исходе каждого дня, после окончания всех дел и вечерней трапезы. При этом большую помощь священнослужителям в осуществлении обрядов должны оказывать т. н. кантаторы, назначаемые стратегом из

³⁷⁴ Кучма В. В. Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. С. 98.

³⁷⁵ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 293.

³⁷⁶ См.: Кучма В. В. Идеологические принципы ранневизантийской военной доктрины. С. 99.

числа наиболее авторитетных командиров и солдат³⁷⁷. Поутру в день сражения должны быть освящены знамена, отслужены очистительные молебны. Перед выходом из укрепления все воины по сигналу священников, стратега и других архонтов многократно повторяют: «Господи, помилуй!»; каждое подразделение, покидая лагерь, трижды провозглашает: «С нами Бог!»³⁷⁸.

Павшие в бою ромейские воины должны быть похоронены в соответствии с религиозным обрядом³⁷⁹; уцелевшим в сражении и спасшим свои жизни надлежит вознести Господу благодарственную молитву. Тела же убитых неприятелей следует оставить на поле боя непогребенными, чтобы произвести на остальное вражеское войско деморализующее воздействие³⁸⁰.

Чрезвычайно подробно Маврикий разработал и основные принципы **взаимоотношений между военачальником и подчиненными**. Прежде всего стратегу следует заслужить любовь своих солдат. Для этого ему необходимо быть «во всем примером для своих воинов, добродетельным и воздерживаться от всего того, что запрещено воинам»³⁸¹, справедливым в отношении к ним³⁸². Вслед за Цезарем и Вегецием³⁸³, Маврикий неоднократно повторяет, что полководец должен быть чрезвычайно осторожен со взысканиями и поощрениями³⁸⁴. Особенно это касается войны, когда на какое-то время вообще лучше отказаться от наказаний и опираться на чувство доверия к вождю и на награды³⁸⁵.

В ежедневном общении с воинами главнокомандующий должен «держаться просто, быть прямым и любить их, как отец, обучать их снисходительнее и настойчиво требовать исполнения того, что важнее, наконец, вступать с ними в

³⁷⁷ См.: *Маврикий*. Указ. соч. С. 340.

³⁷⁸ Там же. С. 339.

³⁷⁹ Там же. С. 334.

³⁸⁰ «Тела наших павших воинов надо ночью предавать тихо погребению, тела же неприятелей оставлять на поле битвы, чтобы они возбуждали во враге страх». (Там же. С. 343).

³⁸¹ Там же. С. 348.

³⁸² Маврикий отмечает, что необходимо быть справедливым не только к своим войскам, но и к союзникам. «Союзников надо награждать подарками, а своих воинов — увеличением им жалованья, смотря по заслугам». (*Маврикий*. Указ. соч. С. 348); См.: также: *Вегеций*. Указ. соч. С. 226.

³⁸³ «Солдат исправляют на местах стоянок страх и наказание, а в походах их делают лучшими надежды и награды» (*Вегеций*. Указ. соч. С. 266).

³⁸⁴ «Излишний страх перед главнокомандующим вследствие непомерной его строгости вселяет в войске ненависть к нему, излишняя же снисходительность — презрение» (*Маврикий*. Указ. соч. С. 347).

³⁸⁵ См.: *Маврикий*. Указ. соч. С. 346.

разговоры, употребляя при этом ласковые слова, просторечие и прочее, что подходит к их понятиям; без этого нельзя уверенно управлять войском»³⁸⁶. От командира требуется постоянное внимание к настроению подчиненных, и он должен сделать все, чтобы разжечь мужество у своих солдат. «Красноречивый полководец часто может воодушевить в бою даже робких и ослабить влияние неудачи»³⁸⁷, – утверждает Маврикий. Для этого в беседах с солдатами он должен «напоминать о прошлых славных подвигах... обещать награды тем, которые окажут услуги государству и прочесть записанные законоположения присяги»³⁸⁸. «Не следует объявлять войску о могущих случиться опасностях, если это не нужно и явно бесполезно»³⁸⁹.

Лучшим средством воодушевить войско является личный пример. Вегетий, правда, в своем поучении императору не мог потребовать от него сражаться и трудиться наряду с воинами. С его точки зрения, примером для воинов должны стать военачальники меньшего ранга. Он пишет, в частности, что «трибуны и препозиты не только заставляли порученных им сотоварищей по службе ежедневно заниматься этим у себя на глазах, но даже и сами, в совершенстве уже постигшие искусство владения оружием, собственным примером побуждали других к подражанию»³⁹⁰.

Маврикий, предлагая своим читателям практическое руководство по управлению войсками, не мог обойти этот вопрос. Он считал, что «когда предстоит сделать что-либо важное, то стратег не должен уклоняться от труда, считая это как бы недостойным для себя, но взять руководство в предстоящем деле в свои руки и работать по возможности наряду с прочими. Вследствие этого каждый воин будет охотнее повиноваться и легче переносить труд, стыдясь неисполнения»³⁹¹.

³⁸⁶ Там же. С. 342.

³⁸⁷ Там же. С. 349.

³⁸⁸ Там же. С. 331.

³⁸⁹ Там же. С. 343.

³⁹⁰ Вегетий. Указ. соч. С. 227.

³⁹¹ Маврикий. Указ. соч. С. 342, 348, 350.

После битвы «главнокомандующему надо позаботиться о том, чтобы раненым была оказана помощь, а павшие были преданы честному погребению, потому что это и по-христиански, и на оставшихся в живых производит впечатление»³⁹².

Одновременно стратегу следует решительно пресекать всякое неповиновение, соблюдая при этом твердость, непоколебимость и справедливость, особенно в отношении зачинщиков и подстрекателей³⁹³. А чтобы солдаты не искали оправданий своим поступкам, ссылаясь на незнание установленных правил, Маврикий включил в свой трактат военно-дисциплинарный устав³⁹⁴ – его изучение составляло обязанность каждого воина, призванного на действительную службу.

Воспитание должно было не просто сделать воина храбрым и преданным своим командирам бойцом. Маврикий был уверен, что каждый солдат должен уметь действовать по обстановке, не дожидаясь приказа начальника. Для этого используются как специальные упражнения³⁹⁵, так и инструктаж, особый для каждого рода воинов – плагиофилаков, гиперкирастов³⁹⁶ и т.п.

Таким образом, в победа или поражение определяются прежде всего действиями полководца.

В тот период, когда Русь сталкивается с Византией, последняя находится на подъеме, который позволил ей справиться в военным кризисом начала X века: Византия 50—60-х годов уже мало напоминала империю Льва VI, которая сгибалась под одновременным военным напором арабов, Симеона Великого, Руси. Арабский халифат вступил в полосу феодальной раздробленности и не представлял собой прежней силы, Русь была замирена договором 944 года и стала союзником империи. К 60-м годам X в. Византия обладала превосходной армией, ядро которой составляли закованные в броню всадники; Никифор Фока перешел к активному наступлению на арабов. Он отвоевал у них Кипр, захва-

³⁹² Там же. С. 334, 347.

³⁹³ См.: там же. С. 342.

³⁹⁴ См.: там же. С. 292–293.

³⁹⁵ См.: там же. С. 307–311.

³⁹⁶ Воины эти подразделений располагаются на флангах и должны быть готовы самостоятельно «отрегулировать» величину флангов строя (Там же. С. 312).

тил ряд крепостей в Киликии, отказался платить дань сицилийским арабам и, хотя потерпел фиаско в попытках овладеть Сицилией, предпринял во второй половине 60-х годов мощное наступление в Сирии³⁹⁷.

Правители Руси, постоянно контактируя с империей, не могли не задаваться проблемой причины могущества империи. Ответом на эту проблему стало **усиление культурного влияния Византии на Русь**. Естественно, что военно-теоретические сочинения, пользуясь которыми можно было бы разбить и саму Византию, не распространялись среди «варваров». Само существование таких документов должно охраняться более, чем легендарный секрет «греческого огня». Тем не менее, говорить о влиянии военной культуры Византии на соседей вполне возможно.

Прежде всего, необходимо отметить, что в данный период Византия целенаправленно распространяла свои культурные ценности среди «варварских» народов³⁹⁸. Ее влияние могло быть как непосредственным (летопись отмечает присутствие в Киеве варягов-византийцев), так и опосредованным – через приближенных князя, служивших при дворе императора и/или принимавших участие в войнах империи. В качестве такого «транслятора» вполне мог выступить и Добрыня, по летописи брат его матери. В летописном рассказе он выглядит мудрым советчиком, чье руководящее влияние сказывалось вплоть до захвата власти Владимиром.

Очень интересен эпический образ Добрыни. Это не просто самый культурный богатырь на Руси. Судя по описаниям, Добрыня умел играть в шахматы³⁹⁹, прекрасно играл на гуслях⁴⁰⁰. В былинах обращается внимание на грамотность Добрыни:

Да возрос де Добрыня-то двенадцать лет,

³⁹⁷ Сахаров А.Н. Указ. Соч. С. 6.

³⁹⁸ См.: Успенский Ф. И. История Византийской империи: В 5 т. М., 2002. Т. 3. Период Македонской династии (867–1057). С. 624–627.

³⁹⁹ Там же. С. 280.

⁴⁰⁰ Там же. С. 232.

Изучилсѧ Добрынюшка вострой грамоте...⁴⁰¹

Именно он при необходимости выступает в качестве посла к правителям других стран. Согласно былинам, для этого ему требуется прежде всего «вежество»⁴⁰². Значение этого слова шире, чем простая вежливость. Оно означает, что богатырь : «...во послах бывал, ...много земель знал, ...говорить горазд»⁴⁰³.

Возможно, и реальный дядя Владимира в той или иной мере был знаком с византийской военной культурой, принимал участие в посольствах и посещениях Константинополя вместе с купцами при продаже полюдья, хотя это документально не отражено в древнерусских материалах.

Что же могла заимствовать Русь у Византии? Как известно, процесс этот пошел преимущественно в религиозных рамках, однако сложно представить, что профессиональных военных - русских князей – интересовали только архитектура и богослужебные книги. Естественно, они старались узнать как можно больше о войске Византии (как о предполагаемом враге и/или союзнике) и о том, как воюют ее полководцы. Отдельные следы такой информации находим у русских книжников. Даниил Заточник использует образ Эпаминонда из Фив, хорошо известный в византийской литературе: «польцы без добра князя» как «великъ звер, а главы не имеетъ»⁴⁰⁴. Тем не менее конкретный опыт полководцев византийской армии, построенной фактически на регулярных началах, чрезвычайно сложно было перенести на древнерусскую почву с ее военной организацией, основанной на дружине-свите и народном ополчении.

Вместе с тем не может не вызвать удивления буквально «взрывной» характер развития древнерусской системы военного управления. Если походы Олега и Игоря – это, по сути, простые набеги, удача которых зависит исключительно от того, готова ли Византия к нашествию (Олегу – повезло, Игорю – нет), то походы Святослава – это настоящие войны, ведущиеся на протяжении всего Причерноморья, в которых задействованы тысячи как своих, так и наемных

⁴⁰¹ Там же. С. 192.

⁴⁰² Былины. С. 227.

⁴⁰³ Там же. С. 354.

⁴⁰⁴ Моление Даниила Заточника // ПЛДР, XII век. М., 1981. С. 494.

воинов. Результатом этих войн стала гибель одного из наиболее серьезных противников Руси – Хазарского ханства, да и сильнейшее государство мира того времени – Византия – была поставлена на грань гибели⁴⁰⁵.

Естественно, что таких военно-теоретических сочинений, которыми располагала Византия, у Руси не было. Но можно ли сказать, что реальное полководческое искусство Святослава ниже? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

3.3. Военная культура Руси середины X века

Итак, походы Руси конца IX – начала X вв. показали уровень военной культуры, аналогичный войскам викингов. Они успешно грабили Западную Европу, но даже там смогли захватить только Нормандию⁴⁰⁶.

Однако уже в этих походах выделяются новые начала, которые в дальнейшем будут стержнем военной политики Руси. Так, походы Дира, Олега и Игоря на Византию преследовали не столько грабительские, сколько торгово-дипломатические цели. Пока, конечно же, речь не идет в полном смысле о государственных интересах: торговля Руси носила княжеский характер, и торговые привилегии, как и выплаты дани, способствовали исключительно дружинно-княжеским интересам. Тем не менее сама тенденция не грабить окружающие народы, как это делали викинги, а создать систему даннических и торговых отношений предполагает наличие заметно более высокого уровня организационной культуры.

Аналогичная ситуация и в военной сфере. Как отмечают военные историки, уже походы Олега вызывают интерес исследователя высоким уровнем организованности, привлечением как славянского ополчения, так и союзников. Был построен большой ладейный флот⁴⁰⁷.

⁴⁰⁵ Иоанн Цимисхий, уведя все лучшие войска империи в Болгарию, очень рисковал: в любой момент мог вспыхнуть мятеж как к столице, так и в восточных провинциях.

⁴⁰⁶ Завоевание Англии и Южной Италии – результат синтеза норманнского и северофранцузского военного опыта

⁴⁰⁷ Разин Е. А. История военного искусства, в 3-х т. — СПб, 1999. Том II. VI—XVI вв. С. 75.

Реальный прорыв в военных вопросах произошел в правление Святослава. Как известно, этот князь известен войнами в двух направлениях – на востоке против Хазарии и на юге – против Византии. При этом первые походы князя-воина, к сожалению, освещены в источниках крайне скупо. Известно, что в 965 г. рать руссов под командованием Святослава разбила хазарское войско, разрушила крепости — Итиль на Волге, Саркел на Дону и Семендер на Куме и таким образом нанесла последний удар по Хазарскому каганату, после чего он перестал существовать. В том же году рать руссов одержала победу над ясами (осетинами) и касогами (черкесами), которые жили на Кубани. Поход закончился завоеванием Тмутаракани (Таманского полуострова). Главной силой на берегах Каспия и на побережье Понта (Черного моря) стало древнерусское государство⁴⁰⁸.

Даже судя по этой лаконичной информации, эти походы демонстрируют великолепную индивидуальную и групповую подготовку русского войска, которая проявилась в большой подвижности рати руссов, совершавшей в короткий срок тысячекилометровые походы, победах как в полевом бою, так и при штурме сильных крепостей⁴⁰⁹.

Описанию походов на Запад, напротив, посвящены как отечественные, так и византийские источники, что позволяет подробно оценить уровень полководческого искусства самого князя и его полководцев.

Краткое изложение событий русско-византийской войны выглядит следующим образом⁴¹⁰:

После разгрома Хазарии логика войны вывела Святослава к причерноморским владениям Византии. Для предотвращения русской угрозы империя направляет к князю Калокира, который должен подтолкнуть Святослава к нападению на Болгарию.

В 968 г. Святослав предпринял *первый поход* в Болгарию. По сообщению Льва Диякона, руссов было 60 тыс. человек⁴¹¹. Рать под командованием Свято-

⁴⁰⁸ Разин Е. А. Указ. Соч. С. 81

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ См. Разин. С. 75-92

слава на ладьях спустилась по Днепру в Понт, дошла до устья Дуная и, когда готовилась высадиться на берег, была встречена болгарами, Руссы быстро высадились на берег, и опрокинули болгар, которые укрылось в Доростоле, но не удержали его. Святослав овладел придунайской частью Болгарии, взяв около 80 городов, и стал княжить в Переяславце на Дунае.

«Пылкий, отважный, сильный и деятельный» по характеристике Льва Диакона, князь руссов решил воспользоваться благоприятной обстановкой — ослаблением Болгарии и Византии — завоевать Царьград и перенести политический центр древнерусского государства на Дунай. Своей матери и боярам Святослав сказал: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочу жить в Переяславци на Дунае, яко то есть середя в земле моей, яко ту вся благая сходятся: от грек злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличия, из чех же, из Угор серебро и комони, из Руси же скара и воск, мед и челядь»⁴¹².

Русский летописец говорит об этом: «Иде Святослав на Дунай, на Болгары. Бившемся обоим, одоле Святослав болгаром, и вся город 80 до Дунаеви, седе княже ту в Переяславци, емля дань на грецах»⁴¹³. Сев княжить в Переяславце, Святослав получал дань с греков.

Однако в это время печенеги напали на Киев. Святослав, узнав об этом, отправил на север конную рать. Замирив печенегов, в В 969 г. он предпринял *второй поход* в Болгарию. В ходе боев князь не только покорил остальную часть Болгарии, но и в союзе с болгарами, печенегами и венграми вторгся на территорию Византии.

По мнению А.Н. Сахарова, Святослав выиграл первое сражение с византийцами, разбив отряд под командованием героя штурма Антиохии патрикия Петра⁴¹⁴, но проиграл решающее сражение под Адрианополем войскам, которыми командовал Варда Склир.

⁴¹¹ По мнению Е.А. Разина, это число значительно преувеличено. Русский летописец говорит, что во втором походе дружина Святослава насчитывала только 10 тыс. человек. По его мнению, столько же участвовало и в первом походе.

⁴¹² ПСРЛ, т. I, стр. 28.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Сахаров А.Н. Указ. Соч. С. 32.

По итогам сражения был заключен мирный договор, по которому Византия смиралась с присутствием русов в Болгарии. Святослав, по видимому,пустил союзников и отступил на север. Не имея достаточных сил и полагаясь на договор с Цимисхием, он не занял горные проходы через Балканы и оставил открытым устье Дуная. Кроме того, рать руссов оказалась разделенной на две части: главные силы находились в Доростоле, отряд под командованием Сфенкела был расположен в Преславе. Этими ошибками Святослава воспользовался Цимисхий.

В апреле 971 г. византийский император двинул к устью Дуная сильный флот в 300 судов, вооруженных «греческим огнем», а вскоре от Адрианополя выступили и сухопутные войска.

Император Иоанн Цимисхий взял штурмом столицу болгар Преслав, где до конца оборонялся отряд Сфенкела. Взяв столицу, 17 апреля византийцы двинулись к Доростолу, заняв по пути ряд болгарских городов, «которые отложились от россиян и пристали к римлянам». 23 апреля византийское войско подошло к Доростолу. Осада Доростола продолжалась 3 месяца. Основные сражения прошли 26-27 апреля, 19, 20, и 22 июля, причем русы выходили в поле перед городом и принимали бой. Можно сделать вывод, что эти сражения прошли «вничью», однако положение осажденных стремительно ухудшалось. 23 июля по предложению Святослава был заключен мир, после чего рать руссов двинулась к Понту. Коварные византийцы предупредили печенегов о том, что руссы идут малой дружиной и с богатой добычей. Печенежский хан Куря организовал засаду на порогах и напал на руссов. В жестоком бою пал Святослав и почти вся его дружина. В Киев вернулся только воевода Свенельд с небольшим отрядом.

Анализ действий руссов позволяет прийти к следующим выводам:

В процессе **подготовки к боевым** действиям Святослав

- собрал и подготовил ополчение воев,

- обеспечил переброску армии к Дунаю⁴¹⁵
- пригласил наемников-варягов (предположительно)
- обеспечил свой тыл, разбив Хазарский каганат и включил к состав своего войска ясов (осетин) и касогов (черкес)⁴¹⁶.
- заключил союз с венграми, а в дальнейшем – с болгарами и печенегами
- по всей видимости, была разработана система разведки. В частности, согласно Хронике Скилицы ранней весной 971 года посольство Святослава к Цимисхию византийцы считали именно разведкой.⁴¹⁷
- была обеспечена связь в Киевском, что позволило срочно перебросить войска при возникновении печенежской угрозы

В области стратегии:

- Святослав поставил вполне реальные цели, стремясь утвердиться в устье Дуная, сохранив болгарское государство, но сделав Болгарию сателлитом. А.Н. Сахаров, анализируя создавшуюся в Болгарии ситуацию, отмечает, что постоянные столкновения прорусской и провизантийской группировок, привели к усилению политического сепаратизма, обнищанию крестьянских масс, созреванию в народной среде оппозиционных настроений, вылившихся, в частности, в движение богомилов. Все это делало ситуацию в стране крайне нестабильной. С одной стороны, правящая группировка болгарской знати поддерживала Империю. «Однако нет оснований полагать, что провизантийскую политическую линию Петра – Сурсувула, обозначившуюся с конца 20-х годов X в., целиком поддерживали правящие круги страны. Что касается настроений народных масс, то едва ли будет ошибочным предположить, что длительные войны Болгарии с Византией, давние экономические и культурные связи Болгарии с Русью способствовали тому, что в болгарском обществе сильны бы-

⁴¹⁵ В условиях древнерусского государства это было совсем не просто: по всей видимости, последующим князьям удавалось собрать ополчение только для оборонительных войн.

⁴¹⁶ Сахаров А.Н. Указ. Соч. С. 4.

⁴¹⁷ Сахаров А.Н. Указ. Соч. С. 35.

ли антивизантийские и прорусские настроения. Это ярко проявилось во время событий на Балканах на рубеже 70-х годов X в.»⁴¹⁸.

Добавим: опора на союзников внутри страны и даже формальная поддержка Константинополя давала Святославу уникальную возможность не просто переломить тенденцию превращения Болгарии во враждебное Руси государство (чего добивалась Византия), но и реально усилить свое влияние на Дунае⁴¹⁹. Летопись подчеркивает стремление Святослава «оседлать» этот центр одним из центров восточноевропейской торговли, куда “вся благая сходятся”⁴²⁰.

Непосредственно в ходе сражений Святослав стремился сначала разбить противника, а затем уже брать города и занимать территории. Этого принципа он придерживался даже и в обстановке вынужденной обороны. Если же противник укрывался за городскими стенами (Адрианополе), руссы терпеливо выжидали, пока он решится выйти в поле⁴²¹.

В тактике:

Мы можем проанализировать две битвы, проведенные Святославом против византийцев: это сражение при Адрианополе и последний бой во время осады Доростола. При этом необходимо отметить, что описания оставлены врагом руссов, и сам их выбор не случаен. Как уже отмечалось, Лев Диакон пропустил описание сражения, в котором погибли византийские войска под началом патрикия Петра⁴²². Тем не менее, даже судя по описаниям, в этих сражениях византийцы победили с огромным трудом. Так, в битве при Адрианополе только случайность спасла от гибели византийского военачальника:

«...какой-то скиф, кичась своей силой и могучеством тела, вырвался вперед из окружавшей его фаланги всадников, подскакал к Варде и ударил его мечом по шлему. Но удар был неудачным: лезвие

⁴¹⁸ Сахаров А.Н. Указ. Соч. С. 6

⁴¹⁹ А.Н. Сахаров доказывает, что в устье Дуная уже существовала база для дальнейшей экспансии руссов – Белобережье, где в 971 г. зимовал Святослав (Сахаров А.Н. Указ. Соч. С. 59).

⁴²⁰ Сахаров А.Н. Указ. Соч. С. 25

⁴²¹ Разин Е. А. Указ. Соч. С. 93

⁴²² Сахаров А.Н. Указ. Соч. С. 32

меча, ударившись о твердь шлема, согнулось и соскользнуло в сторону»⁴²³.

«Так как [успех] битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска и непостоянство счастья переходило бесперечь с одной стороны на другую»⁴²⁴,

Поэтому правы современные историки, оспаривающие указанные Львом Диаконом цифры потерь: 55 ромеев и более 20 000 русов⁴²⁵.

Разин отмечает, что для тактики рати руссов под командованием Святослава характерна активность, стремление действовать наступательно, что относится даже и к обороне Доростола. Четыре боя дали руссы под стенами города, успешно провели две большие вылазки и множество частных вылазок. Главным содержанием тактики руссов был бой, в котором Святослав видел единственное средство решения исхода борьбы⁴²⁶.

Анализ описания этих битв, составленный византийскими историками, показывает, что русские военачальники даже в тогда, когда отсутствовал сам князь, имели возможность:

- делить войско на несколько частей по национальной принадлежности и управлять ими в ходе боя⁴²⁷

- будучи в осаде, устраивать неожиданные вылазки: за продовольствием (29 апреля), для уничтожения стенобитных машин (19 июля). В обоих случаях вылазки были совершенно неожиданны для противника.

- в случае неудачи войско отступает в полном порядке, и самая тяжелая ситуация не вызывает паники (атака византийской засады под Адрианополем, гибель Сфенкела под Доростолом). В том случае, когда Лев Диакон говорит о

⁴²³ Лев Диакон. История. VI. 12.

⁴²⁴ Лев Диакон. История. VI. 13.

⁴²⁵ Разин Е.А. Указ. Соч. С. 86.

⁴²⁶ Разин Е. А. Указ. Соч. С. 93.

⁴²⁷ При Адрианополе атаку на византийцев начали печенег. Наткнувшись на сопротивление, они отошли под защиту строя руссов и болгар. Затем на византийцев понеслась конница венгров, за нею двинулась конница и пехота руссов. Первая атака конницы венгров была отражена. При второй атаке руссы врубались в ряды византийцев (Разин)

бегстве руссов⁴²⁸, остается не понятным, почему византийцы не смогли прорваться в город «на плечах» бегущих руссов. Видимо, все-таки бегства не было⁴²⁹.

Все это говорит о хорошо подготовленном и управляемом войске. Сложно утверждать, что имело место управление в ходе самого боя, аналогичное маневрированию византийских частей. Вместе с тем в ситуации боя 22 июля, когда византийцы окружили руссов, те сумели перестроить свое войско и прорваться обратно в город⁴³⁰. Отметим, что окруженные в ходе сражения римские легионы чаще всего гибли (битвы при Каннах, при Фарсале)

Все это говорит не столько об искусстве военачальника, сколько о хорошей подготовке войска. При этом необходимо обратить особое внимание на моральную поддержку армии в ходе войны. При этом историки отмечают прежде всего «предварительную агитацию»:

Летописец сохранил речь Святослава под Адрианополем: «Видевшие же Русь убояшаяся зело множества вой, и рече Святослав: «уже нам некомо ся дети, волею и неволею стати противу: да не посраим земле Русския, но ляжем костьми, мертвым бо срама не имам, аще ли побегнем, срам имам, ни имам убежати; но станем крепко, аз же пред вами пойду, аще моя глава ляжет, то промыслите собою»; и реша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложим»⁴³¹

21 июля, когда оборона Доростола была уже крайне затруднена, Святослав собрал комент (военный совет). На поставленный вопрос — что делать? — одни говорили о необходимости спастись бегством на ладьях в глубокую ночь, другие советовали начать мирные переговоры и добиться пропуска оставшейся дружины по Дунаю. «Тогда Святослав глубоко вздохнул и воскликнул с горе-

⁴²⁸ «Скифы, не выдержав такого натиска, обратились в бегство и были оттеснены за стены; они потеряли в этом бою многих своих [воинов].» первый бой под Доростолом (Лев Диакон. История. VIII. 10.)

⁴²⁹ Разин Е. А. Указ. Соч. С. 88.

⁴³⁰ Разин Е. А. Указ. Соч. С. 91.

⁴³¹ ПВЛ по Ипатьевскому списку. 971 г. // ПСРЛ. Т. 2. СПб. 1908. С. 42.

чью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабо-щавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокру-шимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не приста-ло нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совер-шив подвиги, [достойные] доблестных мужей!»⁴³²

Кроме того, отмечаются и случаи моральной поддержки воинов в ходе боя:

«охваченные страхом, они (руссы) стали склоняться к бегству, — пишет Лев Диакон о сражении под Адрианополем. - Однако в то вре-мя, когда отступление еще только началось, какой-то знатный скиф, превосходивший прочих воинов большим ростом и блеском доспехов, двигаясь по пространству между двумя войсками, стал возбуждать в своих соратниках мужество⁴³³.

Таким образом, можно отметить, что военная культура Древней Руси в том виде, как она представлена Святославом и его воеводами, является слож-ным многоплановым образованием, позволившим руссам практически на рав-ных сражаться с самой сильной армией пост-античного мира.

Характерной чертой Святослава как полководца и носителя этой культу-ры был *творческий подход* к дипломатии и войне: анализ стратегии и тактики этого князя позволяет сделать вывод о чрезвычайно гибкой системе внешней политики, в ходе которой Святослав не только оторвал Болгарию от союза с Византией и сумел обеспечить себе поддержку всех врагов ромеев, но и поста-вил империю на грань гибели в тот момент, когда она была на волне военного могущества.

⁴³² Лев Диакон. История. IX. 7.

⁴³³ Лев Диакон. История. VI. 13.

Носителями военной культуры были не только князья, но и *бояре*. Прежде всего, это выражалось в том, что не одни князья руководили сражениями и походами: известны военачальники Игоря, ставшие воспитателями Святослава, – Свенельд и Асмунд, история сохранила имена его воевод Претича⁴³⁴, Сфенкела и Икмора⁴³⁵, здесь же следует назвать Добрыню – дружинника Святослава, ставшего наставником Владимира. В этот же период прославился воевода Волчий хвост. В Первоначальной летописи в рассказе о большом походе на половцев в 1103 г. летописец упоминает о русских сторо́жах. Однако он ничего не говорит о князе, возглавлявшем эти сторожи, – очевидно, ими командовали воеводы. В 1109 г. воевода Мономаха Дмитр Иворович захватил вежи (поселения) половецкие около Дона⁴³⁶.

Воеводы первоначально также играли роль представителей великого князя в городах. Некоторых варягов, участвовавших вместе с ним в захвате Киева, Владимир оставил при себе и «раздал им грады». Он не случайно выбирал «мужей добрых, смысленых и храбрых»⁴³⁷ из варягов – самой грозной военной силы того времени. По мнению Б.А. Романова, в те века положение князя среди других властителей определялось помимо всего прочего и числом умных воевод: «умными бояры предо многыми людми и по многим странам славенявися»⁴³⁸.

Высокое развитие военной культуры требовало от князей создания системы *подготовки* военных прединтеллигентов. Письменные и фольклорные источники свидетельствуют, что такая система была сформирована.

Обучение князя начиналось с общего образования:

А и будет Вольх семи годов,

Отдавала ево матушка *грамоте учитца*,

А грамота Волху в наук пошла;

Посадила ево уж пером писать,

⁴³⁴ Претич своим появлением снял осаду Киева, сказав печенегам, что он командует авангардом Святослава, а сам князь скоро подойдет со всем войском (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65–67).

⁴³⁵ По сообщению Льва Диакона, они погибли под Доростолом (см.: *Лев Диякон. История. IX. 2, 6*).

⁴³⁶ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 284.

⁴³⁷ Там же. Стб. 79.

⁴³⁸ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 251.

«Общее» образование князя включало изучение иностранных языков: так, Владимир Мономах гордился тем, что его отец «дома селя», то есть, не выезжая в чужие земли, «изумяше 5 язык» и тем заслужил «честь от инехъ земель»⁴⁴⁰.

Настоящее обучение будущего князя начиналось только тогда, когда у него появлялся «пестун» – боярин, взявший на себя его воспитание, приобщавший к военному делу и другим княжеским обязанностям. Как уже отмечалось, история сохранила имена Свенельда, воспитавшего Святослава, и Добрыни – дяди и воспитателя Владимира. Пестуном Александра Невского был Яким, а боярин Мирослав воспитал Даниила Галицкого. Эти люди исполняли при княжиче функции не только воеводы, но и своего рода регента, так обычно княжич начинал править чрезвычайно рано: Владимир Мономах стал ростово-суздальским князем в 13 лет, а его дети – в 10–11 лет. Впоследствии князь начинает свою «военно-политическую деятельность» в еще более юном возрасте: Ярослав Всеволодович – внук Юрия Долгорукого – с пяти лет, а его сын Александр Ярославович – с восьми⁴⁴¹. Таким образом, с самого детства княжич *учился искусству управления людьми*.

В рассматриваемый период существовало не только домашнее обучение. Известно, что при Владимире Святославовиче были созданы первые относительно «массовые» учебные заведения – школы, ориентированные на представителей знати, «нарочитой чади»⁴⁴².

Таким образом, предыстория отечественной военной интеллигенции связана с периодом древней военной демократии: уже к началу государственного периода истории восточных славян сформировалась общность, которую можно назвать *военно-профессиональной*. В ее составе можно отметить два типа идентификации членов этой общности, которые соответствовали в целом типу дружины: «племенной», основанной на принадлежности к конкретному племени (союзу племен)

⁴³⁹ Былины. С. 57.

⁴⁴⁰ Поучение Владимира Мономаха // ПЛДР, XI – начало XII в. С. 400.

⁴⁴¹ См.: Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 43, 85.

⁴⁴² См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118–119.

и «варяжской», формировавшейся вокруг выдающегося вождя и мало зависящей от племенной принадлежности воинов. В связи с этим отличались и мотивы деятельности членов этих общностей, шедших в сражение: в первом случае решающую роль играли кровнородственные связи, заставлявшие жертвовать собой ради племени, во втором – жажда добычи, вместе с принципом взаимной верности вождя и его воинов.

У восточных славян существовали оба типа военной организации, причем в период славянского расселения господствовал первый, а после утверждения славян в Поднепровье, когда в результате столкновений с аварами, печенегами и хазарами «племенная» дружина была уничтожена, на смену ей пришли варяги. Начало этого периода соответствует ранним сведениям о Киевской Руси, отмеченным в наших летописях. Правление Аскольда и Дира, Олега и Игоря характеризует узко дружинное понимание интересов группы военных профессионалов. Начиная с Ольги и Святослава вместе с оформлением дружинных ценностей (отразившихся в концепции чести воина) происходит расширение самоидентификации князей и дружины, что приводит к формированию концепции воинского долга, заключавшегося не только в службе князю, но и защите своего рода, своего города, всей Руси, православного мира.

Таким образом, древнерусской дружине, созданной из пришлых варягов во главе с их вождями, но со временем укоренившейся и «ославянившейся», были присущи черты обоих видов раннесредневековых военных профессионалов.

Задолго до образования государства возникла необходимость руководства подобными группами. Поэтому, на мой взгляд, первыми *военными управленцами* в славянских землях стали *волхвы*, носители ритуалов и психофизических методик, усиливавших скорость, выносливость и, в меньшей степени, мощь воина. Такие возможности требовали самодисциплины и самопожертвования, воплощенного в служении родной земле. Позже возник и другой тип военного

управленца, основанный на знатном происхождении и связанный с представлением об особой удаче, присущей тому или иному воину-вождю⁴⁴³.

Эти типы военных управленцев не были забыты после смены власти в Новгороде и Киеве, и новая, древнерусская военная прединтеллигенция создавалась на том же ценностном основании, в котором соперничали ответственность перед родной землей и стремление к воинской чести и славе.

В это время акцент в деятельности князей сместился с внешних завоеваний, приносивших добычу дружине, на объединение своих земель и их защиту. Этот принцип был полностью реализован в период правления Владимира I Святославовича. Вместо грабительских походов дружина этого князя организовала систему подчинения племен и их защиту от нашествия степных кочевников. Вместе с тем в это же время происходил активный поиск новой государственной идентичности, завершившийся крещением Руси.

Следствием распространения византийской военной культуры (как до принятия христианства, так и после него) было, в частности, *обогащение древнерусской военной культуры*, приведшее к созданию державы Владимира I Святославовича. Еще более глубоко это влияние отразилось в личности Владимира Мономаха. В той или иной мере с созданием и распространением национальной военной культуры были связаны многие управленцы Руси, среди которых были не только князья, но и бояре-воеводы. Институционализация этой группы связана с возникновением системы трансляции военной культуры, элементами которой были и школы для «нарочитой чади», созданные Владимиром Святославовичем, и система воспитателей – «пестунов», занимавшихся подготовкой князей и на первых порах помогавших им править своими землями.

Все это говорит о том, что не позднее IX в. н.э. в Древней Руси возникает **военная прединтеллигенция** – группа, профессионально занимавшаяся военным управлением, а также созданием и распространением военной культуры.

⁴⁴³ Возможно, такой тип военного управленца возникает вместе с приходом варягов, во всяком случае, можно точно говорить о близости требований к вождю викингов и главном качестве любимого героя русских былин – удаче, или «таланте-участи».

Итак, в Древней Руси на основе синтеза традиций славянских князей-волхвов, боевой практики варяжских вождей и византийской военной традиции сформировалась военная культура и система подготовки военных управленцев, деятельность которых носила в значительной степени умственный характер и, бесспорно, была направлена на создание и распространение этой культуры. Поэтому их с полным правом можно считать *военными прединтеллигентами*. Однако говорить о начале формирования военной интеллигенции мы можем, проанализировав ценностное содержание деятельности полководца Древней Руси.

ГЛАВА 4. ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕНАЧАЛЬНИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Если для жизни народа важна мотивация деятельности воина, насколько важнее система ценностей военачальника, который нес ответственность как за оборону своей страны, так и за жизнь дружинников. Если от последних требовалось только храбро сражаться, то для князя или воеводы принципиально важно было прежде всего обеспечить своим воинам победу с наименьшими потерями (но при этом не потерять уважения соседей – как врагов, так и союзников).

В связи с особой важностью этого вопроса начнем его исследование с анализа того, как этот вопрос был решен в Византии.

4.1. Система ценностей византийского полководца

Честь, слава и долг в системе ценностей полководца

Система ценностей военного профессионала, вне зависимости от того, о какой стране идет речь, строилась на понятиях личной чести и долга перед сеньором и богом (богами). До тех пор, пока речь шла об индивидуальном бойце, его ответственность ограничивалось только перед собой, своей совестью и корпоративными установками воинской группы. Ситуация меняется коренным образом, когда ответственность воина сменяется ответственностью полководца: на место риска собой и своим здоровьем приходит риск другими людьми, доверившими свою жизнь и благополучие лидеру. Такая установка приводит к формированию двойной морали: чести в личных отношениях и вседозволенности в морали общественной. Такие черты, как «состязательная» этика, уравнивание шансов, гуманность, проявляющаяся в ограничении сферы войны только воюющими субъектами, не ведение войны против мирного населения, – все эти принципы отступают, когда возникает противоречие между жизнью врагов и жизнью соратников.

Со времен гомеровской Греции серьезным стимулом для воина была его *личная слава*. Это категория играла огромную роль и в жизни полководца.

Огромным честолюбием отличался Александр Македонский. По словам Плутарха, рост могущества Македонии при его отце он рассматривал как умаление собственной будущей славы, говоря товарищам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего»⁴⁴⁴.

Широко известно высказывание Цезаря, что он предпочел бы быть первым в варварской деревне, чем вторым в Риме⁴⁴⁵. Примерно в это же время, посетив храм Геркулеса в Гадесе и увидев статую Александра Македонского. Цезарь, по описанию Светония, «вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей деятельности – ведь он не совершил ничего достопамятного, тогда как Александр в этом возрасте уже покорил мир»⁴⁴⁶ (предположительно в это время ему было 33 года – А.П.).

В своих «Записках» Цезарь неоднократно писал о своем *праве* на получение почестей⁴⁴⁷, Вегеций считал достижение славы главной целью военачальника⁴⁴⁸.

Слава как основная ценность полководца оспаривается только Маврикием⁴⁴⁹. Тем не менее в ходе рассуждений о деятельности полководца он неоднократно подчеркивает, что слава является для него значимой ценностью. Маврикий отмечает, что успех полководца приносит радость, добычу «вместе со славою на долгие времена»⁴⁵⁰; «могущественный император *достоин славы*, если, принимая во внимание условия времени и враждебные отношения, употребит соответствующие средства»⁴⁵¹. При этом «наиболее славным будет дело,

⁴⁴⁴ Плутарх. Указ. соч. Т. 2. С. 365.

⁴⁴⁵ Там же. С. 445.

⁴⁴⁶ Светоний. Указ. соч. С. 10. Плутарх также указывает на этот эпизод, считая, что поводом для грусти стала не статуя, а книга о деяниях Александра. (См.: Плутарх. Указ. соч. Т. 2. С. 445.)

⁴⁴⁷ См.: Цезарь Г.Ю. Гражданская война. С. 216, 265.

⁴⁴⁸ См.: Вегеций. Указ. соч. С. 226.

⁴⁴⁹ «... желание победить с уроном не в силу необходимости, а из одной только пустой славы вовсе лишено смысла» (Маврикий. Указ. соч. С. 328).

⁴⁵⁰ Маврикий. С. 319–320.

⁴⁵¹ Там же. С. 345.

произведенное «по возможности без вреда для себя, и вожди, придерживающиеся этого, пользуются большой *славой* у всех»⁴⁵². Напротив, укором полководцу служит все, что случилось против его ожидания⁴⁵³. По мнению Маврикия, позорное бегство, которым может обернуться ошибка полководца, «хуже смерти»⁴⁵⁴.

Причина такого отношения не только в том, что слава была чрезвычайно заманчивым стимулом для любого военачальника, на которого распространялись концепции профессиональной воинской этики. В античной военно-теоретической традиции слава полководца прямо связывалась с его удачливостью⁴⁵⁵, а к военному счастью и легионеры, и полководец относились чрезвычайно серьезно⁴⁵⁶. Сомнения солдат в славе полководца могли привести к потере его авторитета. Кроме того, слава в римском понимании этого термина была чрезвычайно емким понятием и включала в себя победу как обязательный компонент⁴⁵⁷. Таким образом, для позднеантичного полководца оказывалось недоступным понимание победы как развеянного замысла противника, но не свойственно было и исключительно индивидуалистическое понимание славы, присущее средневековому рыцарству.

Во все времена одним из главных ценностей воинства была *честь*, и полководец, не только вышедший из этой среды и воспитанный армией, но и командующий ею, неизбежно оказывался под влиянием законов чести⁴⁵⁸. Прежде всего эти законы проявлялись *в уважении к противнику*.

Вслед за Цезарем Маврикий высказывает ряд соображений относительно ценности переговоров с противником с целью избежать военного конфликта,

⁴⁵² Там же. С. 352.

⁴⁵³ См.: Там же. С. 347.

⁴⁵⁴ Маврикий. Указ. соч. С. 319–320.

⁴⁵⁵ См.: Цезарь Г.Ю. Гражданская война. С. 286.

⁴⁵⁶ «Счастье во всем играет большую роль, особенно в делах войны.» (Цезарь Г.Ю. Галльская война. С. 132, 135. По его мнению, военные действия чрезвычайно зависят от случайности (См. *его же*. Гражданская война. С. 299, 301, 332). «Военное счастье создает полководцам расположение войска, а неудача – ненависть». (Там же. С. 284). «Толпа обыкновенно более ценит счастливого, нежели храброго полководца, потому что первому много удастся без труда, а второму — с большими потерями». (Маврикий. Указ. соч. С. 350).

⁴⁵⁷ См.: Махлаюк А.В. Указ. соч. С. 151.

⁴⁵⁸ См.: Цезарь Г.Ю. Галльская война, С. 77, 158, 216; *его же* Гражданская война С. 227, 265.

обращая внимание на недопустимость заносчивого отношения к партнеру, унижающего его достоинство, даже если его войско меньше по численности⁴⁵⁹. По его мнению, одержав победу, следует выслушать вражеские предложения об условиях мира, если здесь не кроется какого-либо обмана⁴⁶⁰. Маврикий рекомендует никоим образом не нарушать клятвы, данной неприятелю, твердо соблюдать все взятые на себя обязательства⁴⁶¹.

Объясняя эти требования, Маврикий говорит: «...неприятель, нарушая условия договора, теряет и Благодать Божью, и наше доверие. А мы должны соблюдать данное слово и вместе с тем заботиться о безопасности»⁴⁶².

Вместе с тем особенностью внешней политики Византии было чрезвычайно спокойное отношение к соблюдению собственных обязательств. Византийский полководец XI века Кекавмен в своем “Стратегиконе” сформулировал иное отношение к договоренностям с противником:

«Если враг ускользает от тебя день от дня, обещая либо мир заключить, либо дань уплатить, знай, что он ждет откуда-то помощи или хочет одурачить тебя. Если неприятель пошлет тебе дары и приношения, коли хочешь, возьми их, но знай, что он делает это не из любви к тебе, а желая за это купить твою кровь»⁴⁶³.

«Мудрость» Кекавмена имела прочную основу в виде традиционной военной и дипломатической тактики восточноевропейских правителей, и в первую очередь самой Византийской империи, для которой военное и дипломатическое коварство стало своего рода нормой. Многочисленные перемирия и миры, заключенные греками с окружающими государствами, уплата им дани, огромных контрибуций нередко являлись лишь средством выиграть время,

⁴⁵⁹ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 344.

⁴⁶⁰ См.: Там же. С. 348.

⁴⁶¹ См.: Там же. С. 343.

⁴⁶² Там же. С. 347. Рассуждая в понятиях сегодняшнего дня, речь идет о соблюдении чести как результата *самоуважения*.

⁴⁶³ Цит. по: Сахаров А.В. Указ. Соч. С. 36.

усыпить бдительность противника, обмануть его, а потом нанести ему неожиданный удар⁴⁶⁴.

Итак, для античного и византийского полководца «честь» не является основной мотивацией его поведения. На первый план здесь выходит понятие *долга*.

Цезарь видел свой долг перед Отечеством⁴⁶⁵ в постоянном стремлении всемерно служить чести, славе и пользе римского народа⁴⁶⁶.

Переходя к Византии, мы находим это понятие уже разработанным и закрепленным в присяге («священном законе»), религиозных понятиях и обычаях. Главным принципом, которому подчинялись византийские полководцы, было всемерное сохранение своей армии (см. ниже).

Главной целью армии является защита своей страны в бою с неприятелем. В этом, собственно, и заключаются воинские обязанности как простых воинов, так и командиров⁴⁶⁷. Причем Маврикий отмечает, что командиры должны показывать пример в исполнении своего долга⁴⁶⁸. Не менее важна для византийского стратега задача защиты мирного населения от армии⁴⁶⁹. О необходимости исполнения долга полководца говорит и Вегеций⁴⁷⁰.

Проблема *соотношения чести полководца и его воинского долга* далеко не так проста, как кажется, и не одно поколение полководцев решало для себя эту непростую задачу.

⁴⁶⁴ Возможно, именно такое пренебрежительное отношение к своим обязательствам, легендарное коварство Византии привело ее к закономерной гибели. Так, В.Соловьев, рассуждая о причинах гибели «II Рима» видел в противоречии между декларируемыми ценностями и реальной политикой (Соловьев В.С. Византизм и Россия // <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv12.htm>, 21 ноября 2011).

⁴⁶⁵ См.: Цезарь Г.Ю. Галльская война. С. 29.

⁴⁶⁶ См.: Там же. 108, 226, 229. Интересно, что Цезарь настолько ценил честь и достоинство римского народа, что посчитал недостойным его переправляться через Рейн на судах, но построил мост (См.: там же. С. 77). На это у него ушло 10 дней, а еще через 18 дней надобность в нем пропала и мост был разрушен (См.: там же. С. 79).

⁴⁶⁷ Раздел «Стратегикона», посвященный воинским преступлениям, требует смерти любому воину, бежавшему с поля боя или перешедшему к неприятелю (См.: Маврикий. Указ. соч. С. 292–293).

⁴⁶⁸ «Если какая-либо банда отдалиться от неприятеля и не явится на поле сражения без уважительной и очевидной причины, то мы повелеваем наказать тех, которым вверено начальство над этой бандой: их надо разжаловать в новобранцев, так как они хуже каждого из своих подчиненных» (Маврикий. Указ. соч. С. 293).

⁴⁶⁹ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 292–293.

⁴⁷⁰ См.: Вегеций. Указ. соч. С. 266.

Так, Цезарь считал, что он должен исполнить свой долг, даже если при этом умалялась его личная честь⁴⁷¹. О приоритете выгоды государства перед соображениями личной славы говорит Маврикий⁴⁷².

Этот стратег считал, что главный принцип войны – это нанесение противнику максимального урона. Для римских полководцев данный принцип воплощался в стремлении лишить неприятеля продовольствия, отрезать от воды и только тогда идти в бой⁴⁷³. Для византийцев также было очевидно, что «сражаться в открытую против мужественных, храбрых и отважных народов очень опасно. Поэтому в войне с подобными народами лучше действовать... посредством тайных ухищрений, хитрости и обмана, а не явно, открытой силой»⁴⁷⁴. При этом Маврикий советует «парализовать все то, что может его усилить, и воспользоваться всем, что может его ослабить»⁴⁷⁵. В частности, он предлагает уничтожить пастбища и запасы продовольствия на пути неприятеля (см. выше).

Как стратеги Рима, так и византийцы не считали применение этих методов чем-то зазорным. Единственным исключением стал Маврикий, но и он, указывая, что такие хитрости могут *показаться бесчестными*, оговаривался, что не стоит смущаться этим обстоятельством. Все, что выгодно одной воюющей стороне, невыгодно другой, – следовательно, нужно делать только то, что идет на пользу собственному войску, не особенно задумываясь над моральным обоснованием этих действий⁴⁷⁶.

В то же время такие действия требуют от полководца незаурядной силы воли и мужества противостоять общественному мнению. Так, Маврикий

⁴⁷¹ «Он всегда ставил на первом плане свою честь и ценил ее выше жизни; он был огорчен тем, что его враги оскорбительнейшим образом вырывают у него из рук милость римского народа... И все-таки, в интересах государства, он отнесся к этому умалению чести спокойно. (Цезарь Г.Ю. Гражданская война С. 227).

⁴⁷² «Лучший полководец не тот, кто не задумываясь дает сражение, которое приносит много потерь и сопряжено с сомнительным исходом, и не тот, кто дает его из обязанности только, но тот, кто при нападении неприятеля своим собственным искусством придает мужество войску». (Там же. С. 348).

⁴⁷³ См.: Цезарь Г.Ю. Галльская война. С. 147; *его же*. Гражданская война. С. 256; Гирций. Галльская война. С. 209.

⁴⁷⁴ Маврикий. Указ. соч. С. 329.

⁴⁷⁵ Там же. С. 327.

⁴⁷⁶ «Не надо упускать или пренебрегать тем, что считается неприятелем или нашими воинами нечестным». (Маврикий. Указ. соч. С. 343).

отмечал, что «предусмотрительный главнокомандующий принимает во внимание не только то, что явно опасно, но и то, что может быть таковым, вопреки мнению»⁴⁷⁷.

Таким образом, индийские, римские и византийские полководцы решали проблему соотношения долга и чести в пользу первого. Вместе с тем этот вопрос требовал от них способности к творчеству и самостоятельности мышления.

Гуманность в системе ценностей византийского полководца

Наиболее спорным качеством в системе ценностей военного является гуманность. Жестокость войны – общеизвестна, и никогда никто не умел воевать, не убивая противника. На *пути воина* главным способом внесения гуманности в жестокую атмосферу войны было ее ограничение жесткими правилами, предполагающими, что война не могла вестись против мирного населения, сражаться надо только с равным себе противником, и при этом необходимо максимально уравнивать шансы воюющих сторон. Однако когда речь идет не о риске собственной жизнью, а о жизнях тех, кто доверился воину, проблема воинской чести получает расширенное толкование: возникает альтернатива между жизнями своей армии и мирного населения своей страны и жизнью враждебной армии.

В связи с этим **человечность** полководца проявляется в стремлении победить с минимальными потерями.

Для Цезаря человечность – это главное качество, которым должен обладать полководец и вождь. Прежде всего оно проявляется в нежелании лишних потерь в своем войске. В своих «Записках» Цезарь *всегда* говорит о том, какой ценой завоевана победа: особая честь победить без потерь или с небольшими потерями, хотя, конечно, такое бывает не всегда⁴⁷⁸. По описанию Светония, Це-

⁴⁷⁷ Маврикий. Указ. соч. С. 348.

⁴⁷⁸ См.: Цезарь Г.Ю. Галльская война. С.98, 113, 140, 154, 168; *его же*. Гражданская война С. 248, 254, 259, 270, 282, 288, 299, 328, 346. Такое отношение к потерям обращает на себя внимание на фоне до-

зарь так переживал, узнав о поражении Титулия, «что отпустил волосы и бороду и остриг их не раньше, чем отомстил врагам»⁴⁷⁹. Ради того, чтобы сохранить жизнь своим солдатам, Цезарь отказался от битвы с Верцингеторигом, хотя его солдаты и рвались в бой⁴⁸⁰. Наиболее ярко это качество проявилось в ходе Гражданской войны, когда Цезарь сначала стремился не допустить кровопролития⁴⁸¹, а затем неоднократно отказывался от битвы, не желая губить римских граждан не зависимо от того, на чьей стороне они воевали⁴⁸². Об этом же говорят и неоднократные упоминания о помиловании виновных перед ним римлян⁴⁸³. Гуманность Цезаря в Гражданской войне побудила сенат даже посвятить ему храм Милосердия, причем, по мнению Плутарха, это было сделано с полным основанием⁴⁸⁴.

Фронтин, рассказывая о Кв. Фабии, описал один показательный случай. Когда сын убеждал его пожертвовать немногими людьми, чтобы занять удобную позицию, тот сказал: «Не хочешь ли ты быть в числе этих немногих»⁴⁸⁵?

Вегетий основным критерием победы считает не только гибель врага, но и *сохранение своей армии*. По его мнению, суть военного искусства в том, что «хорошие вожди всегда пытаются не в открытом бою, где опасность является общей, но тайными мерами насколько возможно погубить врагов или во всяком случае навести на них ужас, сохраняя невредимыми своих»⁴⁸⁶.

Для Маврикия, «вступать с неприятелем открыто врукопашную, даже когда очевидна победа над ним, – дело все-таки не лишенное опасности и потерь, как показывает исход многих дел. Поэтому желание *победить с уроном* не

полнений к запискам Цезаря, созданным одним из его военачальников, Гирцием. В написанных им «Записках» говорится о добыче, пленных и т.п. но никогда – о потерях. (См.: *Гирций*. Указ. соч. С. 201–210).

⁴⁷⁹ *Светоний Г. Т.* Указ. соч. С. 29.

⁴⁸⁰ См.: *Цезарь Г. Ю.* Галльская война. С. 150.

⁴⁸¹ См.: там же. 228, 235, 236, 302, 342.

⁴⁸² Например, Цезарь в письме к Требонию настоятельно приказывал не допускать взятия города штурмом: иначе солдаты ... могли бы перебить все взрослое мужское население города. (См.: *Цезарь Г. Ю.* Гражданская война. С. 274, 257–258, 260, 262–264, 342.

⁴⁸³ См.: там же. С. 299, 300, 309, 346, *Светоний Г. Т.* Указ. соч. С. 31–32.

⁴⁸⁴ *Плутарх*. Указ. соч. Т. 2. С. 491.

⁴⁸⁵ *Фронтин Г. Ю.* Указ. соч. С. 195.

⁴⁸⁶ *Вегетий*. Указ. соч. С. 247.

в силу необходимости, а из одной только пустой славы вовсе лишено смысла»⁴⁸⁷.

Одним из основополагающих принципов античной военной традиции было единство армии и полководца. Прежде всего он проявлялся в том, что полководец пользовался теми же благами, что и простые солдаты.

Необыкновенной непритязательностью, по материалам Плутарха, отличались Александр Македонский и Юлий Цезарь⁴⁸⁸.

Фронтин, говоря о сдержанности настоящих воинов, вспоминал М. Катона, довольствовавшегося тем же вином, что и простые гребцы; Аристиды, Атилия Регула и Гн. Сципиона, которые, не смотря на то, что имели множество возможностей к обогащению, умерли в глубокой бедности⁴⁸⁹.

Консулы Кв. Метелл и П. Рутилий, имея возможность оставить своих сыновей при себе, отправили их в легионеры⁴⁹⁰.

Широко известен случай, когда во время перехода через пустыню в составе мучимой жаждой армии Александр Македонский не стал пить воду, которую преподнесли ему македоняне, сопровождавшие проходящий мимо караван, чтобы показать пример выносливости своим солдатам⁴⁹¹.

Вместе с тем от полководца требовалась и забота о своих воинах.

Фронтин приводит такой пример. Александр, ведя зимой войско, стал обозревать проходящие войска. Заметив солдата, почти совсем изнемогшего от холода, он приказал ему сесть на его место⁴⁹².

Византийские полководцы сохранили присущее римской армии бережное отношение к людям. Императоры, которые чаще всего и выступали как византийские полководцы, уже не могли себе позволить разделять с солдатами их образ жизни. Тем важнее было проявление повседневной заботы о своей армии. По мнению Вегеция, в обращении с солдатами от полководца прежде всего

⁴⁸⁷ Маврикий. Указ. соч. 328.

⁴⁸⁸ См.: Плутарх. Указ. соч. Т. 2. С. 383–385, 450–451.

⁴⁸⁹ См.: Там же. С. 190–191.

⁴⁹⁰ Там же. С. 186.

⁴⁹¹ См.: там же. С. 405.

⁴⁹² См.: Фронтин С.Ю. Указ. соч. С. 195.

требуется справедливость, старательность и сдержанность⁴⁹³. Стратег должен обеспечить свою армию продовольствием⁴⁹⁴, а особое внимание он должен обратить «на состояние здоровья войска. Сюда входит выбор места, забота о питьевой воде, о времени года, о медицинском обслуживании, о роде упражнений»⁴⁹⁵.

Маврикий, считая, что война должна кормить войну, тем не менее считал, что «главнокомандующий обязан изучить страну, где ведется война, благоприятна ли она в гигиеническом отношении для действия войск или наоборот. Кроме того, нужно знать: есть ли вода, дрова и пастбища. Потому что, если вблизи всего этого не имеется, то придется добывать с риском, в особенности если неприятель недалеко»⁴⁹⁶.

Забота, которую полководец проявляет о своих подчиненных, наиболее ярко проявляется в опасностях войны: когда во время похода он должен защитить своих солдат от неожиданных нападений, следить за безопасностью лагерной стоянки и, главное, добиться минимальных потерь в бою. Именно эти качества наиболее ценили стратеги Рима и Византии, именно на эти ценности были ориентированы их трактаты.

Однако для античной, особенно римской традиции свойственен скорее акцент на строгость военачальника, его умение поддерживать дисциплину в армии.

Для этого наиболее распространенными средствами, по материалам Фронтин, греческие и римские полководцы считали ограничение обоза и требование солдатам самим нести свой «багаж» (Филипп Македонский, Сципион Африканский, Гай Марий)⁴⁹⁷. В отношении солдат за бегство с поля боя прак-

⁴⁹³ См.: *Вегеций*. Указ. соч. С. 226.

⁴⁹⁴ «Чаще войско губит недостаток продовольствия, чем битва: голод страшнее меча... Во всяком походе лучшее твоё оружие — чтобы у тебя было в изобилии пищи, а враги страдали от голода» (*Вегеций*. Указ. соч. С. 238).

⁴⁹⁵ *Вегеций*. Указ. соч. С. 237.

⁴⁹⁶ *Маврикий*. Указ. соч. С. 349.

⁴⁹⁷ См.: *Фронтин С.Ю.* Стратегемы // Искусство войны. Т. 1. С 185–186.

тиковались: различные варианты позорящих наказаний⁴⁹⁸, невыплата жалования (Аврелий Котта), «разжалование»⁴⁹⁹, ссылка, отрубание руки, порка, и продажа в рабство (П. Корнелий Назика и Децим Юний), и, наконец, децимация: порка и казнь каждого десятого в том легионе, который побежит перед врагом (Апий Клавдий, Фабий Рулл, Аквиллий и другие). За кражу отрубали руки (М. Катон)⁵⁰⁰.

Таким образом, главное, что дает возможность полководцу управлять армией – это его авторитет, для усиления которого необходимы как строгость, так и гуманность. Причем речь идет не о дополнении, а именно о *гармоничном сочетании твердости и мягкости*.

Стремление победить с минимальными потерями предполагало *усложнение отношения к врагу*.

Полководец, с одной стороны, не может просто ненавидеть врага и не рассматривать его как носителя каких бы то ни было достоинств, с другой – не должен ограничивать свою деятельность правилами «честного» боя, и не только пользоваться ослаблением противника, но и самому создавать такие условия.

В связи с этим понятие «противник» рассматривалось диалектически, применительно к тому, на каком уровне находится противостояние и какое место в этом противостоянии занимает данный человек.

Образцом гуманности в римской традиции считался Ю. Цезарь. Как известно, во многих случаях своих пленников он отпускал на свободу⁵⁰¹, и своим милосердием добился не только того, что к нему перешли многие

⁴⁹⁸ Домиций Корбулон приказал отступившим когортам находиться вне лагеря. Такое же наказание накладывал и сенат в отношении войск П. Валерия. Л. Пизон и Сулла выставляли опозоренных легионеров и центурионов без поясов перед строем легиона (См.: там же. С. 187–189.).

⁴⁹⁹ Апий Клавдий тех солдат, которые сдались в плен Пирру, разжаловал: конницу в пехоту, тяжело вооруженных пехотинцев – в легковооруженных (См.: там же. С. 187).

⁵⁰⁰ См.: Фронтин С.Ю. Указ. соч. С. 185–190.

⁵⁰¹ Вот одно из типичных для него высказываний: «благодаря его (Цезаря) милосердию пощажены те, кого он мог бы по правы войны перебить» (Цезарь Г.Ю. Галльская война. С. 162, его же. Гражданская война 299, 300, 309, 346). Такое поведение кардинально отличалось от действий, скажем, Помпея (Там же. С. 240, 301).

римские войска в ходе гражданской войны, а отношение Цезаря к галлам позволило ему использовать их в ходе войн в Африке⁵⁰².

Византийские полководцы, не смотря на декларацию христианского милосердия, по отношению к врагам ориентировались исключительно на рациональные аргументы. Тысячелетнее противостояние нашествиям варваров, гибель Западной Римской империи, видимо, не особенно способствовали распространению евангелистских тенденций.

Маврикий даже в отношениях с пленными предлагает руководствоваться единственно критерием сохранения собственной армии: при неожиданном нападении врага пленные должны быть поставлены перед наступающими и таким образом защитить свои войска⁵⁰³. Он указывает еще на один возможный случай использования пленных: поскольку неприятель может отравить продукты питания или питьевую воду, следует проверять их на пленных⁵⁰⁴.

Еще одна сторона войны – отношение к мирному населению на территории врага, его жизни и имуществу.

Стратегам античности противостояли часто не профессиональные армии, а варварские народы, где воином был каждый. В связи с этим особую роль играла *тактика «выжженной земли»*: разгром городов, продажа его жителей в рабство не только ослабевала противника, но и была своеобразной «акцией устрашения». Маврикий проявляет себя решительным сторонником такой тактики, и его рекомендации по нанесению ущерба неприятелю весьма изощренны. «Неприятелю нужно вредить не только оружием, но и пищей, и водой, делая первую не годной для еды и отравляя ядом вторую»⁵⁰⁵, – утверждает он. Самым благоприятным временем для вторжения Маврикий считает период жатвы: в этот момент нанесенный врагу ущерб будет особенно чувствитель-

⁵⁰² См, напр.: там же. С. 259–260.

⁵⁰³ Там же. С. 359.

⁵⁰⁴ См.: Кучма В.В. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон» Маврикия. Опыт сравнительной характеристики // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 199.

⁵⁰⁵ Маврикий. Указ. соч. С. 351.

ным, а неблагоприятные последствия такого ущерба – максимально продолжительными⁵⁰⁶.

Итак, подводя итоги анализа античной и византийской военно-теоретической традиции, необходимо дать ответ: каким же должен быть настоящий полководец?

Вегеций, определяя, какие качества необходимы командиру среднего звена, говорит об «исключительном знании военного дела, физической доблести и высоких нравственных достоинствах»⁵⁰⁷, которыми должен обладать трибун. Маврикий, говоря об этих командирах, определяет их как разумных и опытных (хилиархи), благоразумных, спокойных, опытных и по возможности грамотных (мерархи)⁵⁰⁸, от командиров низшего ранга он требует ума, храбрости (сотники-гекатонархи), храбрости, ловкости, искусства во владении метательным оружием (десятники-декархи)⁵⁰⁹.

Требования к главнокомандующему гораздо серьезнее: бесталанный полководец приведет свою армию к гибели, а Отечество к разорению. Однако умение воспитывать подчиненных зависит не столько от профессиональных, сколько от моральных качеств полководца, ведь нельзя требовать от подчиненных того, на что не способен сам. Так, Цезарь считал, что люди порочные и корыстолюбивые не смогут повести войско на битву⁵¹⁰.

Впервые проблему морального облика полководца в рамках античной военно-теоретической традиции поднял Онасандр (I в. н.э.). Он перечисляет следующие качества стратега: благоразумие, самообладание, воздержанность в питье и трудолюбие, мудрость, отсутствие корыстолюбия. Желательно также, чтобы военачальник был не молодым и не старым, по возможности – отцом семейства, человеком красноречивым и пользующимся широкой известностью.

⁵⁰⁶ См.: Там же. С. 344.

⁵⁰⁷ Вегеций. Указ. соч. 226.

⁵⁰⁸ См.: Маврикий. Указ. соч. 290.

⁵⁰⁹ См.: Там же. С. 291.

⁵¹⁰ См.: Цезарь Г.Ю. Галльская война. С. 29. По мнению Маврикия, «корыстолюбивый главнокомандующий был бы самым опасным и презираемым даже неприятелями». (Маврикий. Указ. соч. С. 348).

Несколько ниже Онасандр добавляет еще такие характеристики: добропорядочность, обходительность, постоянная готовность к действиям, уравновешенность и невозмутимость⁵¹¹.

Ряд соображений высказан автором относительно критерия имущественной состоятельности военачальника. По мысли Онасандра, этот критерий не может являться основополагающим и отодвигать на второй план все остальные.

При назначении на пост военачальника следует принимать во внимание не состоятельность претендента, а его личные качества. Между двумя равными по доблести, но различными по состоятельности военачальниками разница такая же, как между оружием, украшенным золотом и серебром, и таковым же, но лишенным украшений. Разумеется, позолоченное оружие превосходит простое своей красотой, однако не по этому признаку судят о его главных достоинствах. Следовательно, не нужно выдвигать человека на командные посты лишь из уважения к его богатству; в равной степени было бы ошибкой презирать достойного человека единственно по причине его бедности.

Примерно так же, по мысли Онасандра, следует подходить к вопросу о благородстве происхождения военачальника.

Счастлив стратег, личные достоинства которого сочетаются со славой и достоинством его предков. Однако было бы безрассудно при выборе военачальника взирать только на благодетели его отцов и дедов, не обращая внимания на его собственные качества: знаменитость происхождения без собственных доблестей для него бесполезна. Зачастую случается так, что на военном поприще гораздо лучше проявляет себя человек, который не может похвалиться своими предками, ибо он с гораздо большей ревностью исполняет свои обязанности, желая сокрыть незнатность происхождения личными неусыпными стараниями и прославить свой род перед грядущими поколениями собственными славными заслугами⁵¹².

⁵¹¹ См.: Кучма В.В. «Стратегикос» С. 166–167.

⁵¹² См.: Кучма В.В. Указ. соч. С. 166–167.

Обобщенные характеристики Онасандра в дальнейшем используются всеми военными писателями Византии⁵¹³. Так, Вегеций обращает особое внимание на справедливость, старательность, сдержанность высшего начальника, который «сам доводил до совершенства вверенный ему легион, постоянными трудами внушая ему преданность делу и всяческое умение»⁵¹⁴.

Маврикий также дает некий обобщенный образ полководца. Так, по его мнению, «лучший главнокомандующий не тот, кто славен родом, но тот, кто более опытен в военном деле... Корыстолюбивый главнокомандующий был бы самым опасным и презируемым даже неприятелями... Умный же и решительный делает все вовремя, сдерживает пылкость воинов»⁵¹⁵.

Обращает на себя внимание набор качеств, которые Онасандр и Маврикий противопоставляют знатности и богатству полководца: под «личными достоинствами» понимается, прежде всего, его доблесть, честность и ревностное исполнение своих обязанностей. Таким образом, образ полководца у этих философов несет четко выраженный отпечаток «рыцарского» этоса.

В связи с этим встает вопрос о том, как рассматривают античные авторы такие дихотомичные понятия, как «храбрость – осторожность» и «слава – долг».

Говоря о личностных качествах полководца, римские и византийские авторы особое внимание уделяли соотношению *храбрости* и *осторожности* в его личности.

Как уже отмечалось, стратег должен быть способен показать пример своим воинам. Таким образом, *храбрость* выступает как одно из основных качеств полководца.

Для римских военачальников храбрость считалась главной добродетелью не только воина, но и командира⁵¹⁶. Это же качество ценилось и в Византии.

⁵¹³ См.: там же. С. 167–168.

⁵¹⁴ Вегеций. Указ. соч. С. 226.

⁵¹⁵ Маврикий. Указ. соч. С. 348.

⁵¹⁶ См.: Цезарь Г.Ю. Галльская война. С. 57, 112; Вегеций. Указ. соч. С. 256; Подробнее см.: Махлаюк А.В. Указ. соч. С. 112 – 118.

Для Маврикия очевидно, что стратег должен быть неустрашим в опасностях⁵¹⁷, однако представление о мужестве военачальника этим не ограничивается. Прежде всего, по его мнению, полководцу нельзя подвергать себя непосредственной опасности. По словам Маврикия, стратег не должен «вступать безрассудно в бой, но предоставил бы это опытным вождям. Ведь если некоторые из предводителей падут или будут разбиты, то все-таки есть надежда скоро поправить дело, если же будет убит тот, кто предводительствует всем войском, то все войско будет лишено единоначалия»⁵¹⁸.

Осторожность полководца не должна ограничиваться заботой о его собственной безопасности: что бы ни делал стратег, он не должен упускать никакой возможности сохранить свою армию и разгромить врага. Забота о своей армии начинается с похода. Вегеций, рассуждая на эту тему, требовал от полководца особой осторожности в это время, так как «обычно большим опасностям подвергается войско во время переходов, чем во время самого боя»⁵¹⁹.

Анализ соотношения храбрости и осторожности полководца выводит античных военных теоретиков к пониманию значения *решительности военачальника*. «Не тот страшен врагам, кто умеет красно говорить, а тот, кто действует решительно»⁵²⁰. По мнению Маврикия, полководец должен принимать решение обдуманно, но раз решившись, он не должен «ни по лености, ни вследствие боязни не упускать благоприятного случая для исполнения. Кто боится, тот не проницателен, смотрит вперед и представляет себе все в худшем свете»⁵²¹. Здесь Маврикий следует за Цезарем, который не раз отмечал необходимость решительности у полководца⁵²².

Сочетание решительности, мужества и осторожности – следствие состояния твердого и непоколебимого ума, позволяющее «не превозноситься при уда-

⁵¹⁷ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 351.

⁵¹⁸ Там же. С. 327. См. также: Цезарь Г.Ю. Галльская война. С. 30.

⁵¹⁹ Вегеций. Указ. соч. С. 241.

⁵²⁰ Там же. С. 346.

⁵²¹ Там же. С. 342.

⁵²² Он говорил после сражения при Бриддизии: «сегодня победа осталась бы за противником, если бы у них было, кому победить» (Плутарх. Указ. соч. С. 480).

че и не падать духом при неудаче»⁵²³. Именно такой человек, по мнению Маврикия, идеально подходит для военной службы⁵²⁴.

Мужество и решительность полководца – проекции такого необходимого полководцу качества, как самостоятельность мышления. По мнению Цезаря, он должен «принимать самостоятельные решения сообразно с общим положением дела»⁵²⁵. Маврикий требует от полководца самостоятельно производить рекогносцировку путей⁵²⁶, допрашивать пленных⁵²⁷ и, конечно же, самому принимать решения⁵²⁸. В связи с этим от стратега требуется *независимость от мнения окружающих*. Главнокомандующий не должен обращать внимания, если его действия будут признаны бесчестными⁵²⁹, и не бояться проявить осторожность и обезопасить себя от иллюзорных, по мнению большинства, опасностей⁵³⁰.

Еще большее значение это качество приобретает тогда, когда полководец одновременно является правителем. Именно в такой ситуации развивалась Древняя Русь

4.2. Система ценностей военачальника Древней Руси.

Система ценностей древнерусского военачальника была достаточно сложным образованием. С одной стороны, процесс воспитания юного князя или боярина проходил в дружинной среде: этим обеспечивалось ценностное единство военной организации Древней Руси (оно было чрезвычайно важно для нормального функ-

⁵²³ Там же. С. 342.

⁵²⁴ См.: Там же. С. 346.

⁵²⁵ Цезарь Г.Ю. Гражданская война. С. 322.

⁵²⁶ См.: Маврикий. Указ. соч. С. 346.

⁵²⁷ См.: там же. С. 355.

⁵²⁸ См.: там же. С. 346.

⁵²⁹ Он советует «не упускать или пренебрегать тем, что считается неприятелем или нашими воинами нечестным, как, например, хитростями, засадами, а наоборот, всячески пользоваться ими перед боем» (Маврикий. Указ. соч. С. 343)

⁵³⁰ См.: Там же. С. 348.

ционирования такого организационно слабого образования, как дружина⁵³¹). Но для князя простое следование воинским принципам чести было недостаточным. Если честь для воина – в победе над сильным противником, то честью для военачальника являлось именно ослабление врага и умножение сил своих воинов.

В связи с этим формировавшаяся система ценностей военного прединтеллигента «вырастала» из воинской этики Древней Руси. Это сказалось, в частности, на *представлениях о чести*. Для воина честь заключалась в соблюдении правил поведения и стремлении к первенству в своей группе. Честь князя выражалась в его богатстве («злато-серебро», «скот и челядь»). По этой причине дружина – залог чести князя, она должна быть дороже любого богатства, ибо, имея дружину, князь всегда сможет добыть злато, а не имея таковой – пропадет⁵³². По словам Даниила Заточника, «наволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являет; тако и ты, княже, *многими людьми* (выделено мной. – А.П.) честен и славен по всем странам»⁵³³.

Вершиной княжеского достоинства считалось достижение Великого княжения в Киеве. Это «великая честь», которую должны признавать все удельные князья, все боярство, все подданные не только на Руси, но и в окрестных государствах и землях. В «Повести временных лет» повторяется летописная формула, которая приписывает великому князю честь, принадлежавшую его роду и в свое время перешедшую непосредственно на него: «Изяслав же в Киеве селе на столе деда своего и отца своего, с честью великою»⁵³⁴. Честь как некая идеальная субстанция нисходила на князя вместе с титулом, престолом, всеми атрибутами княжеской власти, ее возлагали на его главу как венец: «Наклонил ми ся и честь на мне положил, и в Киеве мя посадил, и отцом мя назвал»⁵³⁵.

«Честное» поведение воина и князя на войне заметно различаются. Для князя «сражаться с честью» означало стремление не к честному бою с равным

⁵³¹ Имеется в виду «слабость» как отсутствие формальных жестких связей, заставляющих воина сражаться под началом того или иного князя: вплоть до московского периода русской истории дружинник был вправе сам выбирать, какому князю служить.

⁵³² См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125–126.

⁵³³ Моление Даниила Заточника. С. 392.

⁵³⁴ ПСРЛ. Т. 2. С. 416.

⁵³⁵ Там же. С. 421.

противником, а к победе. Именно с победой связана была честь князя в «Слове о полку Игореве». Так, Святослав говорит о проигрыше Игоря: «Но *не честно* одолесте, *не честно* бо кровь поганую пролиясте»⁵³⁶.

Княжеская честь – то есть его статус по отношению к другим князьям – выражалась прежде всего в его известности, *славе*. Как воины стремились к чести, так князь – к славе: дружина скачет «ищучи... князю славе». При этом и сам автор «Слова о полку Игореве», и все князья, чьи слова приведены в произведении, уверены, во-первых, что свой поход Игорь совершал ради славы⁵³⁷. Однако, в отличие от чести, для того, чтобы завоевать славу, не требовалось победить: даже неудачный поход Игоря, закончившийся поражением и пленом, все равно принес ему славу. «Слово о полку Игореве» завершается здравицей: «*Слава* Игорю Святъславличю, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганя плъки! Княземъ *слава* а дружинъ! Аминь»⁵³⁸.

Целью Игоря было не предотвращение набегов на Русь, не бой за то, чтобы отбить полон, а просто подвиг как таковой: «Хощу бо, – рече, – копие приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону»⁵³⁹. При этом, как отмечал Б. А. Рыбаков, этот поход больше навредил русским землям, так как испортил ситуацию в половецком приграничье⁵⁴⁰. В данном случае слава никак не связана с целесообразностью: Игорь прославился не *результатами* похода, а самим его *фактом*⁵⁴¹.

Однако было бы неправильно считать славным любое сложное предприятие: с точки зрения автора «Слова о полку Игореве», междоусобные войны, ведущиеся с привлечением «поганных», не только не приносили славу, но позо-

⁵³⁶ Слово о полку Игореве. С. 104.

⁵³⁷ Собираясь на половцев, Игорь и Всеволод сказали: «Мужаймься сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ». Именно так понимает побудительные причины к походу Игоря и Святослав Киевский: «Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себъ славы искати» (Там же. С. 104).

⁵³⁸ Там же. С. 111.

⁵³⁹ Там же. С. 96.

⁵⁴⁰ См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 226–228.

⁵⁴¹ В данном случае очевидны параллели между «княжеской» и «рыцарской» славой. Подробнее см: Попов А. В. Берсерки... Герои.. Полководцы... С. 32–33, 37–38.

рили прежде славные княжеские роды: «Ярослави и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени. Уже бо *выскочисте изъ дедней славе*. Вы бо своими крамолами начясте наводить поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо беше насилие отъ земли Половецкыи»⁵⁴².

Таким образом, согласно представлениям древнерусской прединтеллигенции, *слава неотъемлемо связана с общерусским патриотизмом*: деятельность, направленная на пользу Руси, могла принести славу, даже если не увенчалась успехом, а успешный поход, если он был не в интересах Руси, оказывался не только бесславным, но и позорным.

В этом позиция автора «Слова о полку Игореве» совпадала с позицией создателя Первоначальной летописи. Для обоих естественно было представление о князе как о воине, ищущем славу в войнах с врагами своей родины. В представлениях автора «Повести временных лет» сражаться за землю Русскую – обязанность русских князей независимо от того, христиане они или язычники. Об этом говорится в летописном рассказе о войне Святослава с Византией 971 г. Святослав был ревностным сторонником язычества и противником христианства (и за это он осуждался летописцем). Языческой была и его дружина⁵⁴³. Тем не менее, летописец вложил в уста Святослава следующие слова: «Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не *посраимъ земле Руские*, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ...»⁵⁴⁴.

В то же время *нельзя и переоценивать силу патриотического чувства военной прединтеллигенции Древней Руси*. В условиях Древнерусского государства и, особенно, в последующие века нормой для военной прединтеллигенции было отстаивание интересов своего рода (дружины), а позднее – своего княже-

⁵⁴² Слово о полку Игореве. С. 107.

⁵⁴³ В договоре Святослава с Иоанном Цимисхием записано: «...клятву от бога, въ его же веруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотьи бога» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 73).

⁵⁴⁴ Там же. Стб. 70.

ства⁵⁴⁵. При этом князья чувствовали полную свободу при заключении военных союзов, в том числе и таких, которые вели к разграблению других русских княжеств иноземцами (варягами, печенегами, половцами...). Не случайно автор «Слова о полку Игореве» с возмущением писал: «Усобица княземъ на поганяя погыбе, рекоста бо братъ брату: “Се мое, а то мое же”. И начяша князи про малое “се великое” мльвити, а сами на себе крамолу ковати. А погании съ всехъ странъ приходяху съ победами на землю Рускую»⁵⁴⁶.

Но и тогда, когда князья сражались с врагами Руси, они стремились прежде всего к славе, а уже потом – к отстаиванию интересов своих земель (что было вполне в духе княжеско-дружинной идеологии), и их действия могли принести не пользу, а вред. Так, Святослав в погоне за славой создателя империи забросил внутренние дела⁵⁴⁷, потратив силы своего государства на бесплодную войну с Византией и на достаточно спорную по своим последствиям победу над Хазарией. Погоня за славой привела Святополка к поражению на Стугне, а Игоря Святославовича Новгород-Северского – к совершению похода, который разрушил всю систему отношений русских княжеств с половцами, созданную усилиями других князей.

Необходимо отметить, что *главным условием формирования не исключительно воинского, но общерусского самосознания военачальника было принятие христианства.*

Дипломатические возможности даже такого полководца, как Святослав, как были ограничены фактом его вероисповедания: культ Перуна, объединяя князя с дружиной, ограничивал его свободу обращения с представителями иных конфессий.

⁵⁴⁵ С другой стороны, на самоидентификацию князей еще в большей степени, чем это было у дружинников, влияла принадлежность к народам, объединенным православным вероисповеданием. Это объяснялось, по-видимому, большим вниманием церкви к представителям господствующего сословия. А для самих священников рассматривать Византию как вторую родину было, как представляется, вполне естественно. На это указывают, в частности, первые главы Первоначальной летописи (см., например: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21–22).

⁵⁴⁶ Слово о полку Игореве. С. 101.

⁵⁴⁷ Автор Первоначальной летописи оценивал его действия, передавая слова киевлян: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126).

Для иллюстрации этого положения необходимо сравнить реакцию лидеров Византии и Древней Руси на поведение болгар, которые, оказавшись между войском Святослава и Византией, не были верны ни тем, ни другим.

Император Византии, захватив столицу болгарского царства Преславу, не стал наказывать болгар, а признал царя Бориса «законным владыкой», воздав ему должные почести. Были отпущены и пленники-болгары, воевавшие на стороне Святослава. Это был важный политический шаг, позволивший сохранить союзнические отношения с болгарями.

Действия русского князя были иными. Святослав при известии о сдаче Преславы обвинил болгар в измене. И Лев Дьякон, и Скилица, и Зонара сообщали также о репрессиях Святослава в Доростоле на последнем этапе войны. Лев Дьякон пишет, что запертый в Доростоле русский князь, видя, как болгары покидают его, начинают поддерживать греков, и, понимая, что если все они перейдут на сторону Цимисхия, то дела его кончатся плохо, казнил в Доростоле около 300 «знаменитых родом и богатством мисян», остальных же заключил в темницу. Об этом же говорит и Скилица, сообщивший, что количество посаженных в тюрьму достигло 20 тыс., и отметивший, что это произошло после неудачной для руссов битвы под Доростолом. Зонара полагал, что Святослав заточил часть горожан, «боясь, как бы они не восстали против него»⁵⁴⁸.

Он также казнил и христиан из своего войска, считая их главными виновниками поражения⁵⁴⁹. Причину такой рационально не оправданной реакции можно понять прежде всего из восприятия Святославом воинской удачи как функции божественного влияния, и угроза потери благосклонности Перуна привело Святослава в неистовство, он был готов казнить любого вопреки собственным интересам и желанию победить Византию. Даже понимая, что гнев на болгар может привести к распаду союза с ними, он не мог отказаться от мести.

⁵⁴⁸ Сахаров 41, 42

⁵⁴⁹ См.: *Карпов А.* Владимир Святой. М., 2004. С. 60. Вместе с тем, ряд историков указывают, что действия Святослава были не только вынужденными, но единственно возможными в ситуации, когда часть провизантийски настроенных болгар могли ударить ему в спину (см.: Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. 42.)

Так же кардинально отличались и другие замыслы и действия византийских военачальников и Святослава: если первые были заинтересованы в большей степени в защите своих рубежей от наседавших варваров, что было связано с ценностной ориентацией на защиту своего государства, то русы в силу того, что еще не приобрели осознанного отношения к своей земле, своему государству, совершали набеги (как, например, на Хазарию) и завоевательные походы, подчиняя себе близкие по крови и языку племена. Это был период, когда еще только шло формирование ценностного понимания *своей земли, своей родины*. Но оно не могло стать полным без духовного начала. В Византии уже несколько веков развивалось христианство, православие, уже были общие духовные ценности, а у руссов же их не было.

Языческим был стиль взаимоотношений внутри русской дружины, где не было иерархии ни по чину, ни по положению. Простота внешнего облика Святослава поражала византийцев, привыкших к пышности императорского двора⁵⁵⁰. Необыкновенная непритязательность этого князя обращала на себя внимание и древнерусского летописца: «... в походах легко ходил, словно пардус – многие войны творил. В походах же ни возов за собой не возил, ни котла, и мяс не варил – но потонку изрезав конину ли, зверину ли, или говядину, на углях испекши, ел. И шатра не имел, но подклад стлал и седло в головах. Тако же и прочие его воины были»⁵⁵¹.

Русский летописец сообщает интересный эпизод, который характеризует Святослава-воина. Чтобы предотвратить поход русов на Царьград, византийский император послал князю руссов богатые дары, не взглянув на которые Святослав сказал своим «отрокам»: «схороните», т. е. спрячьте. Когда же император прислал ему в качестве подарка оружие, то Святослав начал любоваться им и хвалить его.

Действия сына Святослава – **Владимира I Святославовича** даже на первых порах существенно отличались от героических авантур его отца. Из импровизированного народного ополчения Новгорода и варяжского отряда он су-

⁵⁵⁰ См.: *Лев Диакон. История* / Пер. М. М. Копыленко. М., 1988. С. 82.

⁵⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 64–65.

мел создать боеспособную многочисленную дружину, разбившую профессионалов, служивших еще Святославу, и взявшую Киев. Он смог это сделать благодаря тому, что в сражениях с более сильным врагом Владимир старался избежать боя и сохранить в неприкосновенности свои силы. Для этого князь стремился расколоть лагерь противника (боярин Блуд в Киеве был одним из первых в истории «агентов влияния») или хотя бы найти брешь в обороне с помощью предателей (священник Анастас в Херсонесе).

Он охотно обращался к услугам предателей, не считая это чем-то зазорным, стремился не к завоеванию новых земель (хотя у него была такая возможность), а к защите своего княжества от набегов врагов. В этом правление Владимира больше напоминало действия византийцев, чем поведение его отца.

Так как вышеупомянутые факты имели место *до* крещения Руси, то сложно сказать, насколько они объясняются влиянием Византии. Однако общеизвестно, что христианство было распространено в Киеве: личное крещение приняла еще княгиня Ольга. Даже попытка унификации восточнославянского язычества в 980 г. явилась своеобразным ответом христианству⁵⁵².

Решающий этап генезиса духовности древнерусской военной прединтеллигенции связан с принятием Киевской Русью христианства как государственной религии и формированием «лествичной» системы управления государством. С этого момента можно говорить об институциональном оформлении военно-управленческой группы (ее составляли князья и верхи княжеской дружины: старшая дружина, наместники великого князя в покоренных им землях).

Крещение Руси стало решающим фактором и в развитии культурных связей с Византией, в том числе в восприятии ее военного опыта. Князь Владимир, получивший широкую известность благодаря принятию православия, в то же время демонстрировал и новый тип поведения военачальника.

⁵⁵² См.: Анонимное продолжение хроники Регинона Прюмского // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 107–109; Карнов А. Указ. соч. С. 111.

Таким образом, анализ ценностных ориентаций представителей группы военных профессиональных управленцев, необходимо отметить, что в ней *единой системы ценностей еще не сформировалось*. С одной стороны, действия военных профессионалов (в т.ч. и военных прединтеллигентов) подчинялись требованиям *варварской морали*, включающей в себя ценности добычи, верности князю, и личной чести и славы. С другой стороны, получили распространение *охранительные ценности*, развивавшиеся под влиянием христианства на базе ценностных ориентаций племенных дружин и основанные на ответственности воина перед родной землей. Сосуществование нескольких систем ценностей приводило к ролевым конфликтам. Поскольку требования обоих идеальных типов были категоричны и не предполагали возможности выхода из них, воин не мог разрешить подобный конфликт, «не потеряв лицо», что вполне могло приводить к его самоубийству, как показано в былине о Сухмантие.

Князь как военный прединтеллигент оказывался в ситуации противостояния между дружинным кодексом чести и своим долгом перед родиной. Однако со временем князья и воеводы Древней Руси начали ориентироваться преимущественно на стремление к славе, забывая о долге перед княжеством и народом.

Вместе с тем всегда оставались князья, для которых истинной была только та слава, которая завоевывалась в войнах с захватчиками. Отсюда оставался один шаг до осознания *безусловной ценности Русской земли*. Такие военачальники не отделяли своих интересов от интересов своего народа, ставили их выше стремления к славе и сохранения чести в ее дружинном понимании. Подвиг самоотречения тех князей, которые сумели подняться над личным и групповым эгоизмом, особенно в ситуации, когда ценой такого самоотречения могло стать бесчестие, позволяет с полным правом считать их *военными интеллигентами*.

4.3. Духовные ценности военных интеллигентов Киевской Руси

Среди князей (а возможно, и военачальников-бояр) Древней Руси были те, кто сумел подняться над групповыми интересами дружины и узко групповой военной моралью до общенациональных ценностей. Первым таким князем был **Владимир I Святославович**. Его можно смело назвать первым *общерусским*, а не *дружинным* князем. Об этом свидетельствуют следующие факты:

1. После взятия Киева Владимир отказался выполнять свои обязательства перед *варяжской дружиной*, так как это могло разорить горожан⁵⁵³. В этом поступке князя чрезвычайно четко проявился приоритет интересов *народа* перед дружиной.

2. Если Святослав добивался от дружины преданности не только славой и добычей, но и собственным образом жизни – чрезвычайно простым, не отличающимся от воинского, то Владимир порвал с традицией «походных» князей. А свой разрыв с дружиной он должен компенсировать дружинными пирами с золотой посудой⁵⁵⁴.

3. На пиры Владимира приглашались не только дружинники («бояре и гриди»), но и «посадники, и старейшины по многим градам», «сотские, десятники и нарочитые мужи»⁵⁵⁵. Таким образом, при Владимире впервые сливаются две ветви древнерусской государственности: общинно-городская, представленная родовой знатью, и княжеско-дружинная.

Отказ от полного единения с дружиной показал *самостоятельность мышления* великого князя. Ярче всего это качество Владимира I проявилось в акте выбора религии. В отличие от Святослава, который был совершенно равнодушен к этим вопросам, а матери в ответ на ее уговоры объяснял свое нежелание менять веру тем, что он опасается неодобрения воинов⁵⁵⁶, Владимир поднимал вопрос о

⁵⁵³ Владимир уговорил варягов подождать с уплатой месяц, пока не будет собрана необходимая сумма. За это время, очевидно, он сумел организовать собственное войско, которое могло успешно противостоять варягам, и принять некоторых из их военачальников на службу. После этого он отказал варягам в выплате, однако пообещал, что покажет дорогу в Константинополь, где варяги смогут заработать гораздо больше (См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78–79).

⁵⁵⁴ См.: Там же. Стб. 125–126.

⁵⁵⁵ Цит. по: Карнов А. Указ. соч. С. 114.

⁵⁵⁶ «Как же захочу ин закон принять, а дружина моя сему смеяться начнет?» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 63.)

выборе вероисповедания дважды в течение 10 лет! Какие бы аргументы ни стояли за христианизацией Руси, это было смелое государственное решение, бесспорно принятое самостоятельно, а не под влиянием внешних факторов.

Среди причин, приведших к подобной свободе мышления, необходимо особо выделить влияние византийской культуры на формирование личности князя Владимира. В процессе противоборства религий возникает ситуация, которую Э. Дюркгейм назвал «аномия»⁵⁵⁷: разные моральные правила взаимно гасятся, и человек оказывается на распутье, ибо, не связанный более традициями и стереотипами, он сам выбирает правила и типы поведения.

То, что детство Владимира прошло под влиянием борьбы язычества и христианства, объясняется не только культурно-исторической ситуацией, сложившейся в Киеве в третьей четверти X в.⁵⁵⁸ Это было связано с положением Владимира как «робича» (то есть сына рабыни), что было ниже, чем у других сыновей Святослава – Ярополка и Олега. Об этом свидетельствует как термин «робич» по отношению к Владимиру⁵⁵⁹, так и другие факты: Владимиру не досталось княжения при разделе русской земли Святославом, и только угроза новгородцев найти себе князя на стороне заставила Святослава выделить удел Владимиру⁵⁶⁰. Отголоски негативного восприятия Владимира слышны в пренебрежительном отношении к нему Ярополка и его воевод, уверенных, что дружина не пойдет за сыном рабыни⁵⁶¹.

Вряд ли княгиня Ольга, воспитывая Ярополка и Олега, уделяла такое же внимание и Владимиру⁵⁶². Судя по действиям Владимира, он не получил христианского воспитания. Во многих источниках отмечается невероятное сластолюбие Владимира до его крещения: летописец говорит о наличии 700 жен и 300

⁵⁵⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 432; *Он же*. Самоубийство. СПб., 1998. С. 496.

⁵⁵⁸ Широко известно о наличии такого противостояния. Вместе с тем Владимир демонстрирует совершенно иной тип поведения чем, например, его брат Ярослав.

⁵⁵⁹ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75–76.

⁵⁶⁰ См.: Там же. Стб. 69.

⁵⁶¹ См.: Там же. Т. 9. С. 39.

⁵⁶² В летописи указывается, что в момент нашествия печенегов в Киеве осталась княгиня Ольга и при ней все три сына Святослава: Ярополк, Олег и Владимир. Однако мы предполагаем, что это позднейшая вставка: летописец XI в. знает, что в городе оставались три брата, и говорит о них всех.

наложниц. Поражает его жестокость по отношению к Рогнеде. Невероятная с точки зрения христианина ситуация⁵⁶³, зато вполне логичная для язычника: Владимир хотел утвердить свое право на эту землю, не оставив тех, кто мог бы ему отомстить⁵⁶⁴.

Однако и по меркам того времени поведение Владимира до завоевания им Киева было аморальным. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его действия с поведением его братьев в одних и тех же условиях. Об Олеге почти ничего не известно, но сведения о Ярополке дают немало материала для сравнения. Так, и Владимир, и Ярополк оказались виновны в смерти брата. Ярополк в этой ситуации чрезвычайно расстроен. «Ох, люто мне, братец мой дорогой! Лучше бы мне умереть, а тебе живу быть!»⁵⁶⁵ – такие слова вкладывает летописец в уста Ярополка. В *случайной* смерти своего брата он обвинил боярина Свенельда. «Этого ты хотел»⁵⁶⁶, – бросил он своему лучшему полководцу. Гнев князя был настолько велик, что в дальнейшем уже нет упоминаний об этом воеводе.

Перед Владимиром встала проблема, что делать с братом, когда он взял Киев и ему сдался Родень. Он сознательно пошел на его убийство (как известно, это сделали варяги при помощи предателя Блуда, но организатором все равно был Владимир)⁵⁶⁷.

Этот пример чрезвычайно важен, так как братоубийство – одно из самых страшных преступлений и для язычника (преступление против собственной крови), и для христианина.

⁵⁶³ Особенно если сравнить ее с неприятием убийства, которое демонстрирует Владимир после крещения (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126–127).

⁵⁶⁴ Взятие Полоцка было логично прежде всего с военной точки зрения: Рогволод мог прийти на помощь Ярополку как своему зятю.

⁵⁶⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 38.

⁵⁶⁶ Там же. Т. 1. Стб. 74.

⁵⁶⁷ Боярин Блуд был первым на Руси «агентом влияния»: после целенаправленного ослабления Ярополка он довел дело до того, что князь вынужден был сдаться своему брату. Непосредственное убийство было совершено варягами, которые подняли его «под пазухи» на мечи, с участием Блуда, закрывшего дверь и не пустившего стражу Ярополка. Однако именно Владимир держал связь с Блудом, а значит, именно на его совести это убийство. Тем не менее дальнейшая судьба Блуда, как пишет В. Н. Татищев, была незавидна: Блуд «принял от Владимира великую честь и возносился три дня», а затем Владимир приказал его убить, сказав: «Я, по обещанию своему, воздал тебе почести как приятелю своему. Теперь же сужу как изменника и убийцу господина своего» (*Татищев В. Н. История Российская // Собр. соч. в 8 томах: Т. 1. М., 1994. С. 56*).

Таким образом, ни христианские, ни языческие моральные нормы не определяли поведение Владимира. Добившись высшей власти на Руси и получив все, о чем мечтал, Владимир постепенно стал *самостоятельно* выбирать наиболее близкую ему линию поведения, и именно это, судя по летописи, оказалось основанием для отрицания ислама в момент «выбора веры»⁵⁶⁸. Однако поведенческие стереотипы были далеко не единственным критерием. В этом смысле чрезвычайно характерен диалог между иудейскими мудрецами и Владимиром:

«... пришли жидове казарские, говоря: Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане верят в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Аврамова, Исакова, Иаковлева. И спросил Владимир: каков закон ваш? Они же отвечали: Обрезаться, свинины не есть, и зайчатины, субботу соблюдать. Он же спросил: А где земля ваша? Они же отвечали: В Иерусалиме. И спросил он: А точно ли там? И отвечали те: Разгневался Бог на отцов наших, и рассеял нас по странам за грехи наши, и предана земля наша христианам. Владимир же сказал на это: Как же вы иных учите, а сами отвержены от Бога и рассеяны. Если же Бог любит вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»⁵⁶⁹

Итак, Владимир не посылал к евреям – те сами нашли дорогу в Киев. В переговорах князь показал хорошее знание истории, в том числе и религиозной: сведения о том, что Иерусалим захвачен⁵⁷⁰, а евреи рассеяны, были не в пользу этой религии. Против иудаизма свидетельствовал факт разгрома Хазарского каганата Святославом: религия, которая не могла помочь в объединении народа, не давала ему силы противостоять врагам, не прельщала Владимира. Поэтому

⁵⁶⁸ Судя по «Повести временных лет», Владимир оценивает ислам прежде всего с точки зрения табуирования привычных для него форм поведения: ему понравилось разрешение иметь много жен и наложниц («бе бо сам любя жены и блужение многое»), не понравился обычай обрезания и запрет на свинину, однако решающую роль сыграло отношение к спиртным напиткам: «Руси есть весели питие, не можем без этого быти!» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85).

⁵⁶⁹ Там же. Стб. 85–86.

⁵⁷⁰ Видимо, речь идет о первом завоевании города римлянами.

можно согласиться с выводом А. Карпова: «В глазах язычников гибель государства неопровержимо доказывала гибельность и беспомощность его богов. “Обветшавшая” религия поверженного каганата не могла стать религией победившей Руси»⁵⁷¹. Речь идет о специфике религиозного сознания полководца, стремившегося *защитить свою страну и объединить народ*. Та религия, которая не помогала, а мешала достижению этой цели, очевидно, не могла рассматриваться как достойная при выборе веры.

Отказ от некоторых моральных требований не означал полной безнравственности: все действия Владимира Святославовича были направлены на создание и защиту единой русской земли⁵⁷². Это подтверждает и его деятельность как полководца, особенно при сравнении с отцом – неистовым Святославом. Полководческое искусство Святослава гораздо выше: он истинный сын войны, способный вырвать победу в самой неблагоприятной ситуации⁵⁷³. Военный талант Владимира на таком фоне выглядит значительно слабее – он практически не доводил ситуацию до такого напряжения, когда требовалось массовое самопожертвование преданных ему людей. Основные правила, которыми руководствовался Владимир, можно сформулировать следующим образом:

– необходимо точно выбрать время выступления: так, чтобы противник был наименее силен;

⁵⁷¹ Карпов А. Указ. соч. С. 167.

⁵⁷² Вызывает вопрос источник формирования такой системы ценностей. Рассуждая гипотетически, можно предположить, что контакт Владимира с волхвами не ограничивался созданием общерусского пантеона (об этом же, кстати, говорят и широкие знания об окружающем мире, сомнительные для сына рабыни, «ниоткуда» взявшееся дипломатическое искусство, учет факторов, далеко выходящих за пределы Руси). Если это так, то Владимир пришел к власти, опираясь на силу военных волхвов, командовавших племенными дружинами новгородцев. Тогда понятно, каким образом качества, присущие племенному вождю, «перешагивают» через «варяжский» период древнерусской дружины: имела место прямая преемственность, когда Владимир создавал собственную дружину в Киеве, не оставляя, конечно, в стороне преданных ему новгородцев.

Этому предположению не противоречит вывод о серьезном влиянии византийской военной культуры: волхвы, противостоя христианству, вынуждены были широко использовать информацию о противнике, поневоле перенимая наиболее удачные, с их точки зрения, управленческие решения.

⁵⁷³ Подробнее см.: Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1991.

– для этого следует самому найти союзников и по возможности разорвать союзы врагов⁵⁷⁴;

– надо использовать все возможности для ослабления противника: от подкупа его воевод до обеспечения недостатка в продовольствии (Родень⁵⁷⁵) и/или воде (Херсонес)⁵⁷⁶.

Его отец воевал совершенно по-другому. Святослав был настоящим воином, презрительно относящимся ко всяким военным уловкам и предупреждавшим врага гордым «Иду на Вы!». В отличие от него Владимир не искал громкой *славы*: ради достижения цели и *сохраняя жизни доверившихся ему людей* он мог пойти против правил воинской чести, воспользовавшись помощью изменника (воевода Блуд в Киеве, священник Анастас в Херсонесе).

Различны были и *цели войн*, которые вели оба эти правителя. Святослав жил вместе с дружиной и ради нее. Походы, уничтожившие Хазарию и создавшие державу Святослава в дельте Дуная, были предприняты прежде всего для завоевания славы⁵⁷⁷ и обогащения дружины⁵⁷⁸.

⁵⁷⁴ Так, нападение на Польшу (по «Повести временных лет» – в 981 г., по предположению А. Карпова – в 979 г.) произошло тогда, когда ее армия находилась на западных границах и воевала с немцами (см.: *Карпов А.* Указ. соч. С. 125; *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1991. М., 1994. С. 117–118); нападение на ятвягов (литовское племя, на земли которых претендовала Польша) – когда против Польши восстали лютичи и ободриты (см.: *Карпов А.* Указ. соч. С. 130). Когда оказалось, что волжские булгары поддерживаются другими мусульманскими государствами, он отступил, чтобы повторить свое нападение через несколько лет (см.: Там же. С. 137–138).

⁵⁷⁵ Владимир запер Ярополка в Киеве, однако это совершенно не означало, что он победил: первое же поражение было бы смертельно, Киев был снабжен продовольствием надолго, войско и горожане преданы Ярополку. Тогда Владимир через Блуда организует беспорядки в Киеве, вынуждает киевского князя бежать из города и заманивает его в крепость Родень, не готовую к длительной осаде. Ярополк сдался, когда понял, что его войско долго не продержится (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76–78).

⁵⁷⁶ Так звучит исконное греческое наименование. Этот город именуется еще Херсон (как его называли сами жители в X в.) или, на русский лад, Корсунь. События разворачивались следующим образом: Владимир получил сообщение от Анастаса, священника из Херсонеса: «Кладязи суть за тобою с востока, из того вода идет по трубе. Раскопав, перейми [воду]» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 109). Действительно, таким образом получилось лишить город воды, «люди изнемогли от жажды и сдались» (Там же). При этом летописный рассказ о способе отправки информации кажется неубедительным. В любом случае, предатель должен был быть уверен, что получит свое вознаграждение (в отличие от Блуда так и случилось: он стал настоятелем главного храма Киева – Десятинной церкви).

⁵⁷⁷ Летописец вложил в уста Святослава очень характерную фразу, объяснявшую его цели: «Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не *посраимъ земле Руские*, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70).

⁵⁷⁸ Здесь речь идет не только о возможностях прямого грабежа или дани, но и о прямой княжеской торговле, для ведения которой низовье Дуная было идеально.

Его сын занял противоположную позицию. Не война с Византией, а договоры, поддерживаемые угрозой силы; не походы к иным землям, а *защита своего народа* от нашествий печенегов. Походы этого князя привели к объединению восточнославянских племен (многие из них откололись от Киева после смерти Святослава), расширению пределов Древнерусского государства в такой степени, как это не удалось ни одному из его потомков⁵⁷⁹.

Для Владимира военное дело – только одно из направлений его деятельности как человека и как правителя. Обращает на себя внимание *широта его интересов*. Летописец упоминает о его любви к «книжному чтению»⁵⁸⁰, об устройстве первой школы для детей «лучших людей»⁵⁸¹.

В своей деятельности Владимир Святославович демонстрировал *заботу о народе* и *гуманизм*, которые он ставил выше групповой солидарности и стремления к собственной славе. Его религиозные реформы показывают *широту интересов* и *самостоятельность мышления*.

Данные качества еще более ярко проявились в произведениях и деятельности **Владимира Мономаха**. Этого князя выделяет из ряда современников то, что в центре его системы ценностей стоят не честь («почесть») и слава, а *чувство ответственности*. В «Поучении» он требует от своих сыновей: «Смерти бо ся, дети, не боячи ни рати, ни отъ звери, но *мужьское дело* творите, како вы Богъ подасть»⁵⁸². Анализ деятельности князя показывает, что главным делом для него было *обеспечение мира на русской земле*.

После смерти Всеволода Владимир Мономах вполне мог претендовать на отцовский престол: за ним уже стояли слава непобедимого полководца и большое войско. Но это решение неизбежно приводило к столкновению со Святополком, а значит – к большой войне и гибели многих русских людей в междоусобице. Поэтому Мономах по доброй воле ушел из Киева, заняв Чернигов⁵⁸³.

⁵⁷⁹ Заслугой Владимира является присоединение Червленских городов на границе с Польшей, часть из которых была впоследствии утеряна.

⁵⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125.

⁵⁸¹ Там же. Стб. 118–119.

⁵⁸² Поучение Владимира Мономаха // ПЛДР, XI – начало XII в. М., 1978. С. 408.

⁵⁸³ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217.

В том же неудачном для Мономаха 1093 г. он принял участие в сражении на Стугне. Выйдя навстречу половцам, русские войска расположились за рекой, и Мономах предлагал в этих условиях заключить мир. Решение кажется очевидным: река разлилась, русские заняли крепкую позицию и в случае нападения половцев легко смогут его отразить. Половцам оставалось только уйти. Однако такое решение не могло принести славы, и киевляне во главе со Святополком выступили за нападение. Описывая этот спор, летопись донесла до нас конфликт двух систем ценностей, распространенных среди древнерусских воинов: Мономах отстаивал приоритет *ответственности* перед русской землей, противопоставляя ее групповым дружинным ценностям, которым следуют киевляне во главе со Святополком. Тем не менее Владимир, заключив договор с Киевом, должен был принять участие в этом нападении, что стоило ему потери младшего брата (Ростислав утонул у него на глазах) и Черниговского княжения⁵⁸⁴.

С особенной силой ответственность Мономаха перед русской землей проявилась в его послании Олегу Святославовичу, в котором он отказался от освященного веками права кровной мести, говоря, что не винит Олега в смерти его сына, но предлагает вернуть мир на русскую землю, чтобы не множить страдания народа⁵⁸⁵.

В XI в. не достаточно было усмирить междоусобицы, гораздо больший вред приносили нашествия половцев. Владимир Мономах стал тем князем, который сумел, объединив Русь, перенести войну на территорию врага. Он настолько обескровил кочевников, что в дальнейшем они уже не решались на крупные набеги, если только не входили в коалицию одних русских князей против других⁵⁸⁶.

Успеху походов Владимира способствовал тот факт, что они проходили ранней весной, когда половецкие кони были истощены после зимы и не могли

⁵⁸⁴ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 219–220.

⁵⁸⁵ «...Понеже не хочю я лиха, но добра хочю братъи и Русьскъй земли...» (Послание Владимира Мономаха Олегу Святославовичу // ПЛДР, XI – начало XII в. С. 57).

⁵⁸⁶ См.: Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 168–169; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 327.

на равных соперничать с русскими. Вместе с тем весна на Руси – период сева, и отрывать рабочие руки от полей (а для большого похода одной дружины было явно недостаточно) означало лишиться большей части урожая. По мнению основной массы князей и их дружинников, отвлечение воинов-ополченцев от весенней страды может привести к тому, что он «погубит смердов и пашню смердов». Характерны аргументы, которыми он сумел отстоять необходимость похода именно в это время. Мономах говорил: «...дивлюсь я, брат, что жалеете смердов и их коней, а не думаете о том, что начнет весной смерд этот пахать на лошади, а половчин, налетев, поразит его стрелой, и заберет лошадь ту, и жену его, и детей его, и гумно его зажжет. Об этом-то почему не думаете?» И сказала дружина: «Верно, так оно и есть»⁵⁸⁷. Слова Владимира Мономаха свидетельствуют, что «русская земля» для него означала не княжескую собственность, а реальных людей, гибнувших в результате набегов кочевников.

Этот эпизод ярко демонстрирует, что одним из главных качеств Владимира Мономаха был *гуманизм*, присущий и сегодня военной интеллигенции. Как уже говорилось, гуманизм военной интеллигенции – не *чувство жалости*, а *сознательная ориентация своей деятельности* на предотвращение такой ситуации, в которой эта жалость может понадобиться.

Однако это не означает, что Мономах был чужд *христианского милосердия*. Он советовал своим детям: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелывайте убить его, аще будет повинень смерти; а душа не погубляйте ни какаяже хрестьяны»⁵⁸⁸.

В данном случае четко отмечена юридическая норма, согласно которой практика смертной казни, распространенная у византийцев, не утверждается на Руси, не смотря на давление христианского духовенства. В связи с этим необходимо привести пример уже упомянутого князя Владимира, который, судя по Повести временных лет, не хотел устанавливать смертную казнь за разбой, так как боялся греха:

⁵⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 265.

⁵⁸⁸ Поучение Владимира Мономаха. С. 398.

и бѣ миръ межю ими и любы . живаше же ⁶⁴ Володимеръ в страѣ Бжѣи . и оумножишася [зело] ^к разбоеве . и рѣша епѣпи Володимеру . се оумножишася разбоиници . почто

не казниши ¹ ихъ . ѿн же ре⁴ имъ боюса грѣха . ѿни же рѣша юму ты поставленъ юси ѿ Ба . на казнь злымъ . а добрымъ на милованье . достойтъ ти ² казнити разбоинника . но со испытѡмъ ³ . Володимеръ же отвергъ ⁴ виры ⁵ нача казнити ^А разбоинники . и рѣша епѣпи и старци . рать многа ѡже вира то на ||л.44|| ѡружьи . и на кони⁶ ^Б буди . и ре⁴ Володимеръ ⁷ [та⁶ боу^А . и жива⁴ Во⁶димеръ] ^к по ѡстроенью ѡтню и дѣдню ··

589

Интересно отметить, что, не смотря на тот факт, что летопись фиксирует начало введение смертной казни, сохранившиеся юридические документы, и прежде всего различные списки Русской правды, не отмечают наличие казни за какие-либо преступления. Таким образом, в данном случае руссы, принявшие христианство от Византии, оказались гораздо ближе к духу христианства, чем сами византийцы,

Милосердие должно проявляться и в меньших делах: «Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придайте сироте, и вдовицу оправдате сами, а не вдавайте силнымъ погубити человека»⁵⁹⁰.

Княжеское милосердие должно проявляться даже во время походов и войн. Мономах требовал, чтобы его сыновья ни в коем случае не допускали грабежей и насилия: «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости деяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селехъ, ни в житехъ, да некляти васъ начнутъ»⁵⁹¹.

Этому принципу Мономах старался следовать и в своей деятельности. Единственный раз, участвуя в первом настоящем походе на Минск под командованием отца, Мономах допустил разорение города дружинниками. Впоследствии он делал все, чтобы этого не допустить и по возможности уберечь рус-

⁵⁸⁹ ПВЛ по Лаврентьевскому списку. // ПСРЛ Т. 1. Л. 1926-1928. С. 89.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ Там же.

ских людей от гибели (например, помешал Святополку сжечь Стародуб в 1096 г.). Вершиной полководческого умения Мономаха и его стремления быть милосердным даже в бою был поход на Волынь в 1117 г., когда за 60 дней осады не был убит ни один человек⁵⁹².

Это правило не распространялось на противников, в то время – половцев, во-первых, не попадавших под понятие христианского милосердия (они были язычниками), а во-вторых, ставивших под угрозу само существование русского народа. В «Поучении» отмечаются два типа поведения по отношению к врагам-язычникам на войне. Рассказывая о своих подвигах, автор, с одной стороны, отмечает *обычай убийства*, в том числе и убийства пленных. Судя по контексту, в этих действиях не было ничего необычного: «А самы князи богъ живы в руце дава: Коксусь с сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревъский князь Азгулуй, и инехъ кметий молодых 15, то техъ живы ведъ, исекъ, вметахъ въ ту речку въ Салню. По чередамъ избъено не съ 200 в то время лепшихъ [людей]»⁵⁹³. Как известно, массовое убийство пленных действительно имело место во время походов в глубь степи⁵⁹⁴. С другой стороны, наиболее знатных пленников могли и освободить. Очевидно, такое поведение воспринималось как наиболее почетное: «И пустиль есмь половецкихъ князь лепших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Осеня братье 4, а всех лепшихъ князий инехъ 100»⁵⁹⁵.

Половцы же не придерживались взятых на себя обязательств в отношении русских. Это приводило к тому, что Мономах вынужден был ответить тем же и даже нарушить клятву. Летописец, объясняя причины такого решения, вложил в уста дружины князя такие слова: «Нет тебе в том греха: они же, всегда дав тебе клятву, разоряют землю Русскую и кровь христианскую проливают беспрестанно»⁵⁹⁶.

⁵⁹² См.: Сахаров А. Н. Владимир Мономах // Каргалов В. В., Сахаров А. Н. Полководцы Древней Руси. М., 1985. С. 423, 544, 551.

⁵⁹³ Поучение Владимира Мономаха. С. 406, 408.

⁵⁹⁴ См.: Сахаров А. Н. Владимир Мономах. С. 519.

⁵⁹⁵ Поучение Владимира Мономаха. С. 406.

⁵⁹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 227. К чести Мономаха, нарушение «посольской роты» (договора) имело место единственный раз – во время нападения половцев на Переславль, когда сами половцы напали на него, разорвав договор о мире со всеми русскими землями (См.: Сахаров А. Н. Владимир Мономах. С. 413).

Совершенно иное отношение Владимир Мономах демонстрировал к договорам между христианскими князьями. Он требовал от своих сыновей: «Аще ли вы будете крестъ целовати к братъи или къ кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, тоже целуйте, и целовавше блюдете, да не, приступни, погубите душе свое»⁵⁹⁷. Особое внимание к этому аспекту жизни князей было связано с тем, что в XI–XII вв. клятва, даже данная под присягой, значила для многих из них очень мало. Клятвы давали все князья, но и нарушали с завидным постоянством. Так, несомненно, тягостное впечатление на Мономаха произвело нарушение клятвы старшими князьями, обманом захвативших Всеслава (1067 г.).

С точки зрения Владимира Мономаха для князя превыше всего – его ответственность перед Русской землей и Богом. В то же время одних благих намерений было недостаточно. Не случайно последняя часть «Поучения» представляет собой наставление в примерах: как сам Мономах претворял в жизнь те принципы, которые он заповедовал детям.

Князь лично ответственен за все, что происходит в его доме и войске. Поэтому главное, чего ему необходимо остерегаться, это лень⁵⁹⁸. В частности, правитель был обязан сам контролировать деятельность своих подчиненных и слуг как в мирное время, так и на войне⁵⁹⁹. Однако если вопросы управления князь должен был решать сам – и этот принцип, видимо, был достаточно широко распространен в княжеском кругу, – то следующее требование, судя по контексту, являлось не обязательным, но желательным для того князя, который хотел пользоваться авторитетом у воинов. Рассказывая о своей жизни, Мономах пишет, что он «еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дела на войне и на ловехъ, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокою; на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ что было надобе, весь нарядъ и в дому своемъ то я творилъ есмь; и в

⁵⁹⁷ Поучение Владимира Мономаха. С. 398.

⁵⁹⁸ «Леность бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а егоже не умееть, а тому ся не учить...» (Там же. С. 400).

⁵⁹⁹ «В дому своемъ не ленитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обеду вашему. На войну вышедъ, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядаваше ленощами...» (Там же).

ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держаль, и в конюсехъ, и о соколехъ и о ястребехъ...»⁶⁰⁰.

Делать то же, что и воин на войне, в частности, означало непосредственно участвовать в битве и быть готовым к смерти: «Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звери...»⁶⁰¹. По поводу гибели своего сына он писал: «Дивно ли, оже мужь умерль в полку ти? Лепше суть измерли и роди наши»⁶⁰².

Говорить об истоках этой рекомендации чрезвычайно сложно. С одной стороны, она может быть сохранившейся с древнейших времен традицией. Но не исключена возможность, что в данном случае это было связано с византийским влиянием: даже император Маврикий советовал полководцу: «Когда предстоит сделать что-либо важное, то стратег не должен уклоняться от труда, считая это как бы недостойным для себя, но взять руководство в предстоящем деле в свои руки и работать по возможности наряду с прочими. Вследствие этого каждый воин будет охотнее повиноваться и легче переносить труд, стыдясь неисполнения»⁶⁰³.

В данном случае деятельность князя была направлена на формирование своей *репутации*. Поэтому Владимир Мономах так много внимания уделял общественному мнению, даже если оно распространялось на людей не его круга: «В дому своемъ не ленитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, *да не посмеются приходящии к вамъ* и дому вашему, ни обеду вашему»⁶⁰⁴. Аргументируя необходимость беречь имущество смердов и оказывать гостеприимство странникам, он указывал на то, что это надо делать, чтобы вас *не проклинали* («да неклѣти васъ начнуть»), *но прославили* по всем землям («мимоходячи прославять человека по всемъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ») ⁶⁰⁵.

Все это говорит об особом внимании, которое Владимир Мономах обращал на уважение, честь и славу – понятиям, свойственным его среде и времени. Об этом говорит и тот факт, что, описывая собственную жизнь, он фактически зани-

⁶⁰⁰ Там же. С. 408.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Послание Владимира Мономаха Олегу Святославовичу. С. 57.

⁶⁰³ Маврикий. Указ. соч. С. 342.

⁶⁰⁴ Поучение Владимира Мономаха. С. 400.

⁶⁰⁵ Там же.

мался самовосхвалением, рассказывая о своих «путях» и битвах. Но Мономах понимал, что гордыня – грех для христианина. «Паче всего гордости не имейте в сердци и въ уме»⁶⁰⁶, – советовал он в «Поучении». Оправдываясь за свое стремление к славе, он восклицал: «Да не зарите ми, дети мои, ни инъ, кто прочеть, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его»⁶⁰⁷.

Таким образом, не отрицая ценности *славы*, Владимир Мономах ставил ее ниже *ответственности* перед Богом и своей страной.

Как литературная, так и военная деятельность Владимира Мономаха свидетельствуют, что для этого князя чрезвычайно актуальными были две системы ценностей: узкогрупповая княжеская (как этика прединтеллигента) и православная церковная. При этом, стараясь не вступать в противоречие ни с одной из них, сознательно отдавая предпочтение христианской этике, он обращал внимание на репутацию и в своих привычках держался княжеских традиций, но при необходимости, если возникала угроза Русской земле, мог пойти на нарушение и тех и других норм. Такой подход позволяет говорить о *развитом личностном самосознании* Мономаха.

В результате анализа деятельности двух наиболее выдающихся князей Древней Руси можно сделать вывод, что в их образах формировались черты, считающиеся качественными характеристиками интеллигенции вообще и военной интеллигенции в частности. Это был *период генезиса духовных ценностей будущей российской военной интеллигенции*: долга перед Отечеством, ответственности за подчиненных, заботы о репутации, стремлении к славе за ратные подвиги и готовности к самопожертвованию за Святую Русь.

Таким образом, не смотря на то, что многие князья и воеводы Древней Руси стали жить в погоне за славой, забывая о долге перед княжеством и народом, в этой среде появляются люди, демонстрирующие принципиально иной подход к этим категориям. Прежде всего, это Владимир I Святославович Святой и Влади-

⁶⁰⁶ Там же. С. 398, 400.

⁶⁰⁷ Там же. С. 408.

мир III Всеволодович Мономах. Эти полководцы демонстрировали *самостоятельность мышления, патриотизм и гуманность*, выводящие их за пределы профессиональной воинской этики и поднимавшие до уровня универсалистских ценностей, позволивших этим князьям перестраивать государственный и общественный строй таким образом, чтобы он в наибольшей степени отвечал требованиям времени.

Для двух первых военных интеллигентов Древней Руси, так же как и для других военных профессионалов, было характерно стремление к славе и соблюдение законов чести. Однако для них на первый план выходит *понимание своего долга перед народом* и стремление сохранить жизни как населения, страдающего от набегов кочевников, так и собственного войска. Для некоторых военных управленцев становится очевидным, что личной славой не только можно, но и необходимо пожертвовать ради интересов родины. Причиной такого сдвига в сознании являлось не только «ославянивание», национализация дружины, но и распространение христианства с его культом долга перед Богом и проповедью смирения⁶⁰⁸.

Для Владимира I Святославовича такой личностный выбор был сопряжен с потерей славы, что было особенно заметно на фоне его героического отца. Именно поэтому перед князем возникает необходимость проявлять невиданную щедрость, чтобы сохранить дружину.

С другой стороны, действия Владимира I Святославовича и Владимира Мономаха могут быть рассмотрены как *ответ на те вызовы, которые выдвигала история*. Первый сумел не только осуществить христианизацию Руси, без которой дальнейшее развитие древнерусской цивилизации было немыслимо⁶⁰⁹. Военная деятельность Владимира Красное Солнышко увенчалась расширением территории Киевской Руси, укреплением внутреннего единства государства и созданием системы обороны от кочевников.

⁶⁰⁸ В то же время, в отличие от последующего периода, христианские чувства даже выдающихся представителей Руси носили личный характер, концепция коллективной ответственности всех христиан за грехи их князей еще не утвердилась в общественном сознании.

⁶⁰⁹ В противном случае Русь повторила бы судьбу западных славянских племен (лютичей, бодричей, пруссов), которые, сохранив приверженность традиционной религии, не смогли добиться реального объединения своих земель и пали в борьбе с германским нашествием.

Дальнейшие события-вызовы были связаны с опустошительными последствиями раздробленности, отягощенными войной с половцами. Вопрос стоял уже о существовании русских земель, когда нестандартные решения, принятые Владимиром Мономахом, позволили обуздать половецкую угрозу. Отказавшись от устаревшего лествичного принципа, он создал новую систему управления русскими княжествами, при которой значительно снижался риск глобальных междоусобных войн⁶¹⁰.

⁶¹⁰ Конечно, после 1097 г. военные столкновения князей не прекратились, однако теперь они чаще носили локальный характер. Был создан прецедент решения спорных вопросов на съезде князей. После того как четко определились центры притяжения новой политической системы (Владимир и Галич), вполне могла образоваться конфедерация государств, объединенная единой религией и культурой и отстаивающая общие внешнеполитические интересы. Эта тенденция была пресечена татаро-монгольским нашествием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на основании анализа письменных и эпических древнерусских источников мы выяснили, что этос профессиональных военных в этот период представлял собой сочетание нескольких систем ценностей:

1. Уходит в прошлое, но еще сильна **патриархально-варварская система ценностей**, в основе которой лежит восприятие воинской группы как рода, где главой является князь-воевода, а простые воины воспринимают себя как братьев. Вместе с тем и среди простых воинов нет полного равенства. Статус члена воинского братства определяется понятием «честь».

Для такой системы отношений характерно дистанцирование от интересов племени, когда на первый план выдвигается забота князя о членах своего воинского рода. По этому признаку дружины делятся на два типа – «племенные», где сохраняется общность с родами своего языка, и «варварские», ориентированные исключительно на интересы самой воинской группы.

Отношение к врагу в данном случае строится по принципу жесткого противостояния, когда норма отношения к любому противнику – это его убийство, ограниченное только традициями кровной мести.

Авторитет военачальника в этой системе основывался на вере в князей-волхвов, превращающих своих воинов в зверей.

2. Развитие государственности приводит к формированию дружинно-рыцарской идеологии, в основе которой лежат культы небесных богов, дарующих удачу в бою. Первоначально – это почитание Перуна, Дажьбога и Макоши, позднее на место этих богов приходят христианские святые (Илья Пророк, Георгий Победоносец, Иван Воин).

Система ценностей этого периода основана на единстве военной корпорации древнерусского государства. В основе этого этоса лежат категории чести и славы. При этом к XII в. можно отметить наличие двух уровней ценностных ориента-

ций: дружинная, основанная на воинской чести, и общерусская, где фигурируют честь и слава древнерусских князей. Присутствие иных фигур на этом поле является исключением.

По иному строится в этот период и отношение к противнику, которое варьируется в зависимости не столько от этнической и религиозной принадлежности, сколько от знатности и храбрости воина. При этом, судя по «Поучению» Владимира Мономаха, наиболее почетно взять врага в плен и отпустить.

3. Распространение христианства приводит к распространению новой системы ценностей, в которой отношение к человеку определяется, в идеале, не этническими или социальными категориями, а исключительно его религиозной принадлежностью. Таким образом, утверждается **ценность милосердия**, которая прежде всего усиливает норму товарищеской заботы о соратниках и распространяет принцип защиты одноплеменников на всех христиан. Обращает на себя внимание тот факт, что практика смертной казни, распространенная у византийцев, не утверждается на Руси, не смотря на давление христианского духовенства.

Вместе с тем христианский идеал, который проповедуется в церквях Древней Руси, слабо сочетается с реальной воинской практикой. Наиболее ярко это проявляется в образах первых русских святых – Бориса и Глеба. Идеал непротивления злу, который заложен в этих образах, категорически не соответствовал требованиям той жестокой эпохи.

Противоречия между христианскими и дружинными ценностями чрезвычайно ярко представлена в «Поучении...», автор которого вынужден противоречить сам себе как в вопросе о запрете на убийство, так и по отношению к княжеской чести. Следствием такого положения была внешняя христианизация воинской группы Древней Руси, как это прекрасно видно в «Слове о полку Игореве».

4. Вместе с тем, теоретический и эмпирический анализ деятельности военачальников Древней Руси показывает, что в этот период были созданы все условия

для генезиса еще одной системы ценностей, которую можно обозначить как этос военной интеллигенции:

- развитие военной культуры, основанной на синтезе славянских, норманнских воинских традиций и, что особенно важно, византийской культуры управления армии;
- организационное оформление прединтеллигенции – группы военачальников, являющихся носителями древнерусской военной культуры;
- создание системы подготовки древнерусских военачальников, основанное прежде всего на передаче реального опыта военного управления.
- имеет место активное междивизиационное и межгрупповое взаимодействие, вызвавшее возникновение нового, свободного от родового диктата типа военного сообщества, было необходимо для разрушения традиционного сознания военной прединтеллигенции.
- распространение христианства создает условия для *выхода за границы традиционной культуры*, что наиболее ярко появляется при сравнении деятельности Святослава и Владимира

Вместе с тем анализ ценностных оснований деятельности древнерусских полководцев показывает, что среди них появляются князья, объединяющие в себе такие качества, как самостоятельность мышления, широта кругозора, творческое отношение к делу и пониженная социальная «зашоренность» позволяющая учитывать в своей деятельности интересы не только дружины или княжеского рода, но и всего народа.

Эти черты сопровождаются такими нравственными качествами, как:

- патриотизм, насколько он был возможен в социальных условиях Древней Руси
- гуманизм в форме христианского милосердия

Эти качества выводили Владимира I Святославовича и Владимира Мономаха за пределы профессиональной воинской этики и поднимали их до уровня универсалистских ценностей, позволивших этим князьям перестраивать государствен-

ный и общественный строй таким образом, чтобы он в наибольшей степени отвечал требованиям времени.

Вместе с тем необходимо отметить, что князей, сумевших подняться на этот уровень развития, в Древней Руси были единицы.

Для того, чтобы эта система ценностей утвердилась, потребовались жесточайшие испытания начала XIII в.

К этому времени мотивация большей части князей была основана на родовых и дружинных ценностях. В области реальной деятельности это выражалось в стремлении князей к личной власти на своей территории, и забвению «русской земли»⁶¹¹ в целом. Эта проблема поставила Русь на грань гибели, когда на нее обрушились монголо-татары с Востока и католические рыцари с Запада. В создавшейся ситуации перед великими князьями Русской земли было три пути в борьбе с внешними врагами:

- продолжать борьбу на два фронта: против монголо-татар и рыцарей Запада, погубив тем самым государство и поставив русский народ перед угрозой истребления;

- войти в союз с европейскими католическими странами и, опираясь на их поддержку, вести войну против восточных завоевателей. Этот путь был предложен Даниилом Галицким, заключившим союз с Венгрией и Чехией и получившим королевскую корону из рук Папы Римского. Такой вариант давал ему возможность, изменив вероисповедание, сохранить независимость. Однако в этом случае, как оказалось на деле, продолжала сохраняться опасность монгольских нашествий;

- договориться о подчинении монголам, тем самым предотвратить рецидивы монгольских набегов и сохранить православную веру, но потерять при этом политическую независимость.

⁶¹¹ Под «русской землей» понимали в это время исключительно Киевское княжество. Обобщающее значение этого термина было утрачено вплоть до XIV в. (см.: Горский А. А. Представления о защите Отечества в средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 10).

Многие князья видели единственный выход из этой ситуации в героической гибели во время обороны своих земель. В «Повести о разорении Рязани Батыем» князь Юрий Ингваревич говорит воинам: «О господия и братиа моя, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не потерпим? Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти»⁶¹².

Другие князья не могли выдержать унижения и гибели уже позднее в Орде, где нужно было получать ярлык на княжение. Русская земля оказалась в личной власти ордынского хана. Легендарным стал христианский подвиг Михаила Черниговского, отказавшегося участвовать в монгольском языческом обряде преклонения перед ханом и поплатившегося за это жизнью⁶¹³. Но полное неприятие власти монголов в то время не могло стать основой конструктивной политики князей. В этом смысле образ Михаила Черниговского был скорее исключением. Русские князья оказались перед выбором: погибнуть самим и навлечь гибель на свою землю или смирить собственную гордость, но сохранить за собой княжество, а народ от излишнего разорения.

Поиски ответа на этот вызов привели к созданию двух противостоящих лагерей. Первый формировался вокруг Галицко-Волынских земель. Во главе его стояли Даниил Романович Галицкий и Андрей Ярославович⁶¹⁴. Ожидая поддержки от Запада, они были уверены, что уния с католицизмом, подчинение Папе Римскому для Руси лучше, чем власть монголов.

В отличие от своего брата Андрея, Александр Невский считал, что главный враг Руси не монголы, собиравшие дань, но не посягавшие на духовные ценности русичей, а западноевропейское рыцарство, несущее на восток католицизм. При этом ему нельзя отказать в здравомыслии. Коварство Запада было общеизвестно: на Руси хорошо знали об итогах 4-го крестового похода, погубившего Византию. Постоянное давление с Запада испытывала Галицко-Волынская Русь, а самому Александру Ярославовичу незадолго до этих событий пришлось противостоять

⁶¹² Повесть о разорении Рязани Батыем // ПЛДР, XIII век. М., 1981. С. 186.

⁶¹³ Михаил, совершая очистительный обряд, должен был пройти между огней, поклониться кусту и идолам. В ответ он передал Батыю: «Тебе, царю, кланяюсь, ибо поручил тебе Бог царствие и славу света сего. А тому, чему велишь кланяться, не поклонюсь» (ПСРЛ. Т. 6. М., 2000. Стб. 318).

⁶¹⁴ Брат Александра Невского, получивший Владимирское княжество после поездки в Каракорум.

нашествию немецких и шведских рыцарей. Именно в битве с немецкими орденами проявились лучшие духовные черты дружин Александра Невского и его талант военного руководителя, изучившего тактику ведения боя европейских рыцарей и построившего свои полки так, чтобы нанести сокрушительный удар и разгромить врагов. И это было вопреки сложным отношениям князя с новгородцами, не раз разрывавшими с ним отношения из-за несогласия с его политикой и вмешательством во внутренние дела Новгорода.

Однако не только политическими причинами объясняется то, почему позиции лидеров Северо-Восточной и Западной Руси так радикально различались. Их выбор определялся не только политическим расчетом, но и эмоциональным отношением к происходящим событиям. Даниила Галицкого избавили от необходимости совершать языческий обряд, но не освободили от проявления вежливости по-татарски: князь должен был выпить кумыс и поклониться хану. Батый ему передал: «“Данило, чему еси давно не пришел? А ныне оже еси пришел – а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумузь?” Оному же рекшу: “Доселе есмь не пилъ. Ныне же ты велишь – пью”. Он же рече: “Ты уже нашъ же тотаринъ. Пий наше питье”. Он же испивъ поклонися по обычаю ихъ... И присла (Батый. – *А.П.*) вина чюмъ и рече: “Не обыкли пити молока, пий вино”»⁶¹⁵.

С точки зрения татарина, Даниилу не на что было обижаться: ему была не только оказана великая честь – Батый сделал все, чтобы его не обидеть (его не заставили кланяться идолам, предложили вино вместо кумыса). Тем не менее этот факт воспринимался крайне негативно. Описывая эти события, галицкий летописец восклицал: «О, *злее зла честь татарская!* Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братом си, инеме странами, ныне сидит на коленук и холопом называется и дани хотят. Живота не чает и грозы приходятъ»⁶¹⁶.

⁶¹⁵ ПЛДР, XIII век. С. 314.

⁶¹⁶ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 807. Интересно, что прошедшее впоследствии коронование Даниила Галицкого по западноевропейским обычаям не вызвало негативных эмоций (ПЛДР, XIII век. С. 331).

«Обида» Даниила Галицкого заключалась в необходимости подчинения какому бы то ни было властелину. Галицкий летописец, рассуждая об этих событиях, отмечал, что Даниила Галицкого (в отличие от его отца, Романа Мстиславовича) нельзя считать царем, так как он подчинился монголам⁶¹⁷.

Совершенно иное отношение к монгольским обычаям прослеживается в других летописных сводах. Лаврентьевская летопись, сообщая о поездках русских князей в Орду, постоянно упоминает *об оказанной им чести*, ничего не говоря о том, по каким обычаям эта честь была оказана⁶¹⁸. Различие в отношении к монголам породило и разницу в политике князей Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. Если первая стремилась оставаться вне монгольского влияния, даже если ценой этого была власть Папы Римского, то лидеры второй, сохраняя чистоту православной веры, шли на политическую зависимость от Орды, выполняя при получении ярлыка на княжение унижительные монгольские обряды. Бесспорно, следует согласиться с Н. А. Нарочницкой в том, что огромную роль в данном выборе сыграли и личные качества Александра Ярославовича, его свобода от высокомерия и ощущения исключительности, благодаря которым он заложил основу универсалистской политики, в течение веков привлекавшей к России народы Евразии⁶¹⁹.

История показала, что именно этот вариант развития дал свои результаты: Галицко-Волынское княжество, несмотря на относительно мягкое отношение монголов⁶²⁰, все же попало под влияние Запада, а Владимиро-Суздальское княжество и затем Московское из небольшого государства превратились в Рос-

⁶¹⁷ «О злая честь татарская! Его же отец бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все. Сынъ того не прия чести» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808).

⁶¹⁸ «В том же году (имеется в виду поездка Александра и Андрея Ярославовичей в Орду в 1247 (1248) г.) поехал князь Андрей Ярославович в Татары к Батыю, и князь Александр тоже поехал за братом, к Батыю. Батый же, *оказав им почести*, послал их к Кановичам...» (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 471). Двумя годами позже «поехал князь Борис к Сартаку. Сартак же, *оказав ему почести*, отпустил его в свою отчину» (Там же. Стб. 472). «В лето 6760 (1252) пошел Александр Ярославович, князь Новгородский, в Татары; и *отпустили его с честью великой* дав ему старейшинство во всей его братии» (Там же).

⁶¹⁹ См.: Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2004. С. 111.

⁶²⁰ Даже прямая измена Даниила Галицкого договору с монголами была наказана не набегом, а тем, что князя заставили участвовать в походе против его западных союзников и срыть городские укрепления (ПЛДР, XIII в. С. 347–351).

сийскую империю, сохранив и сформировав в тех сложнейших условиях свои духовные ценности.

ИСТОЧНИКИ

1. Былины. (Классич.б-ка `Современника`) М. Современник 1986 г. - 559с.
 2. Былины. Л.: Советский писатель 1954г. 332с.
 3. Былины. Серия: Классики и современники М. Художественная литература 1986г. 300 с.
- Вегесий Ф.Р.* Краткое изложение военного дела // Искусство войны. Кн. 1: Древний мир. С. 201-284.
4. Военная мысль античности. Сочинения древнегреческих и византийских авторов. М.: ООО «Издательство АСТ», СПб.: Terra Fantastica. 2002. – 665 с.
 5. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.) — Спб.: Типография Императорской Академии Наук, 1870 – 312 с.
 6. Древняя русская литература: хрестоматия. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 `Рус яз. и лит`. М. Просвещение. 1988г. 429 с.
 7. Искусство войны: Антология военной мысли: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. Р. Светлова. СПб., «Амфора» 2000. Кн. 1. Древний мир. – 400 с.
- Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973;
8. Конрад Н.И. У-цзы: Пер. и коммент. М.: Вост литер. 1958.- 132 с.
 9. Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко. М., «Наука» 1988. – 240 с.
- Маврикий.* Стратегикон // Искусство войны. Кн. 1: Древний мир. С. 285–378.
10. Онежские былины. Архангельск Сев-Зап.кн.изд. 1983г. 336с.
 11. ПЛДР. XI –начало XII вв. М., 1978.
 12. ПЛДР. XII век. М., 1981.
 13. Прокопий из Кесарии. Война с готами, перевод с греческого С.П. Кондратьева, вступительная статья З.В.Удальцовой, Москва, 1950 – 418 с.
 14. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. - М., 1997. - 496 с.

15. Русский фольклор Песни, сказки, былины, прибаутки, загадки, игры, гадания, сценки. Серия Классики и современники М Худ. Лит. 1985 г. - 367с
Сага об Эгиле // <http://www.norse.ulver.com/texts/egils.html>

16. Сокровища русского фольклора. Былины. Составление, вступительная статья, вводные тексты Калугина В.И. М., Современник, 1991г. - 766с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества: учебник для студентов по спец. «История» – 6-е изд. М., АСТ: Астрель, 2007. – 350 с.
2. Балувев Б.П. Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX век). Сб.ст. – М.: Археографический центр, 1996. – С. 297 – 324.
3. Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть. – М.: Изд-во АН СССР, 1991.-194 с.
4. Бацов В. Беседы о воинском воспитании и боевой подготовке.-Птг., 1917. – 116 с.
5. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 318 с.
6. Библиер В.С. От наукоучения – к логике культуры. М., 1991. 412 с.
7. *Блаватская Т.В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.
8. Вернадский Г. В. Древняя Русь. Пер. с английского Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. М.: АГРАФ; Т.: ЛЕАН. 2000. – 448 с.
9. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Пер. с английского Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. М.: АГРАФ; Т.: ЛЕАН. 2000. – 480 с.
10. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. – 368 с.
11. Волкогонов Д.А. Воинская этика. -М.: Воениздат, 1976. -320 С.
12. Воронцов С.Р. Записки графа С.Р. Воронцова о русском войске // Русский архив. – 1876. – №11. – С.345-361.
13. Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф; 2000. – 608 с.
14. Гейсман П.Н. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века (VI – XIII столетия). – Спб., 1907.
15. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001. – 176 с.

16. Горский А. А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопр. истории. 1984. № 9.
17. Греков Б. Д. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // Историк-марксист. 1938. Кн. 4. С. 10;
18. Гринберг Ф. Рюриковичи или столетие «вечных» вопросов. М., 1997.
19. Громов М.Н. Структура и типология русской средневековой философии – М., 1997.-289 с.
20. Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X-XVII веков. М., 1990.-288 с.
21. Громов М.Н., Милысов В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001.-960 с.
22. Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт. 2001. – 960 с.
23. Гудков Л.Д. Интеллигенты и интеллектуалы: Социологическое исследование // Знамя. 1992. № 3–4. С. 203–220.
24. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: «Мысль» 1993 – 781 с.
25. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992.- 336с.
26. Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: ЭКОПРОС. 1994. – 576 с.
27. Гуревич А. Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. М., «Искусство». 1990. – 396 с.
28. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. Учебное пособие для вузов. М., 1998. – 339 с.
29. Данилов А.В., Меметов В.С. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново: ИвГУ. 1997. – 173 с.
30. Димитричева О.И. Интеллигенция в России: соотношение социального и духовного (конец XIX – начало XX века) // Проблемы духовной жизни: история и современность: Сборник научных трудов. – Н.Новгород: НГПУ, 2002.- С. 81-92.

31. Древнейшие государства Восточной Европы, 1991. М., «Наука» 1994.- 274 с.
32. Древнерусская литература. Изображение общества. М.: Наука, 1991. – 244 с.
33. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М: Наука, 1966. 373 с.
34. Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – Октябрь 1917 года). – Л.: Наука, 1988. – 350 с.
35. Золотарев О.В. Христоролюбивое воинство русское. М., 1994. 110 с.
36. Золотарев С. Война и вопросы воспитания // Воспитание и обучение. -1915.-№1.-С.2-24.
37. Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. – М., 2002. – 944 с.
изд. «Наука» М. 1993г
38. Измestьев П.И. Из области военной психологии. -2-е изд. -Варшава, 1907. -137 С.
39. Интеллигенция // Российский энциклопедический словарь: В 2-х кн. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – Кн.1. – С.581.
40. Интеллигенция // Советская историческая энциклопедия. В 16 т. – М.: Сов.энциклопедия, 1965. – Т.6. – С. 111 -119.
41. Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М.: ИВИ РАН. 2001. - 312 с.
42. Интеллигенция в России: Сб. статей. СПб., 1910. 259 с.
43. Интеллигенция в условиях общественной нестабильности: Сб. ст. / Сост. И гл. ред. А.И. Студенгасин. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 303 с.
44. Интеллигенция древняя и новая (Материалы дискуссии за «круглым столом» в Институте востоковедения АН СССР) // Народы Азии и Африки. 1990. № 2, 3.
45. Интеллигенция. Власть. Народ. М.: Наука, 1993. – 336 С.
46. История культуры Древней Руси. В 2-х т. Т. 2. Общественный строй и духовная культура. М.; Л., «Изд. Академии наук СССР» 1951.–546 с.

47. История Русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб. Полигон. 2003г. 704 с
48. Каргалов В.В. Полководцы X-XVI вв. М., «Изд. ДОСААФ СССР». 1989. – 334 с.
49. Каргалов В. В., Сахаров А. Н. Полководцы Древней Руси. М., «Молодая гвардия» 1986. – 576 с.
50. Карпов А. Владимир Святой. М., «Молодая гвардия». 2004 – 464 с.
51. Квакин А.В. Российское государство и российская интеллигенция. Уфа.: Восточный университет. 2007. 167 с.
52. Кислов А. Военная нравственность. – СПб., 1838. – 117 с.
53. Князький И.О. Высшая власть в Киевской и Московской Руси // Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-восточной Европы. Тезисы XIV конференции. М., 1995. С. 61-62.
54. Князький И.О. Русь и Степь. М., 1996. – 134 с.
55. Короленко В. Честь мундира и нравы военной среды. – Полн, собр. соч. – СПб.. 1914. – Т.4. – С. 303-360.
56. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей. М, 1991. 616 с.
57. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX вв. М.: Мысль, 1971. 368 с.
58. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. – М.: Мысль, 1981.-285 с.
59. Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства: Стратегия непрямых действий. М.: [АСТ](#), [Terra Fantastica](#), 1999 – 656 стр.
60. Липец В. С. Эпос и Древняя Русь. М.: Наука 1969. – 302 с.
61. Лихачев Д. С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. – 2-е изд., доп. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1985. – 352 с.
62. Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах Киевского периода // Учёные записки Тартусского государственного университета. Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Т. III. Вып. 198. С. 100–112

63. Лушников А.М. К вопросу о генезисе русской военной интеллигенции // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: Тез. докл. X междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. Валерию Сергеевичу Меметову. Иваново, 22 – 24 сентября 1999 г. Иваново, 1999. С. 191).
64. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., Росспэн, 1999г. 302 с.,.
65. Масловский Д.Ф. Записки по истории русского военного искусства в России. – Вып.1. – Спб., 1891. – 470 с.
66. Медведев И.П. Империя и суверенитет – в средние века (На примере Византии и некоторых сопредельных государств // Проблемы истории международных отношений. Сб. ст. памяти академика Е.В. Тарле. Л., 1972. – С. 412-424.
67. Меметов В.С., Попов А.В. О некоторых проблемах теории и методологии исследования интеллигенции, ее генезиса и формирования // Интеллигенция и мир. 2005. № 1-2. С. 4-13.
68. Меметов В.С., Фролов В.А. Формирование военной интеллигенции: преемственность или возвращение к истокам // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В.С.Меметов. Иваново, 1995. С. 28.
69. Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.): Сб.ст./ Ин-т рос.истории РАН. – М.: 1994 – 206 с.
70. Михневич М. П. Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. – Спб., 1898.-180 с.
71. Мишанов С. Традиции духовной культуры офицерского корпуса русской армии //Ориентир. 1996. №2. С.45-47.
72. Модзалевский Л. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. – Ч. I – III. – Спб., 1892 – 1899.

Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плацпарада. – Вильна, 1909. -128 с

73. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу. Вторая волна (VIII-X вв.) СПб., «Евразия» 2001. – 352 с.

74. Не числом, а умением! Военная система А.В. Суворова. М.: Военный университет. Русский путь. Российский военный сборник. 2001.

75. Нидерле Л. - Славянские древности. М., Алетея. 2000–592.

76. Осьмачко С.Г. Военная интеллигенция: противоречия 30-х гг. и современность // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: Тез. докл. X междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. Валерию Сергеевичу Меметову. Иваново, 22 – 24 сентября 1999 г. Иваново, 1999. С. 193.

77. Осьмачко С.Г. Современный кризис военной интеллигенции России // Интеллигенция России: традиции и новации: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти Германа Григорьевича Халиулина. Иваново, 25-27 сентября 1997 г. / Отв. ред. В.С.Меметов. Иваново, 1997. С 199.

78. Петров Л.Н. Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до настоящего времени. – М.. 1898.-Т.1. 2.

79. Попов А.В. Берсерки... Герои... Полководцы: развитие образов военных профессионалов в древности и средних веках (к вопросу о происхождении военной интеллигенции): Монография. – Владимир, 2009.- 175 с.

80. Попов А.В. Военная интеллигенция России: генезис, формирование и развитие ее духовно-нравственных ценностей (X – начало XIX в.): монография / А. В. Попов. – Иваново, Издательство ИвГУ. 2007 – 268 с.

81. Порай-Кошиц И. История русского дворянства от IX до конца XVIII века. Романович-Сильванский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. М.: «Крафт+» 2003 – 328 с.

82. Пресняков А.Е. - Княжое право в древней Руси

83. Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. – 640 с.

84. Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд. Института социологии РАН. 2003. – 106 с.
85. Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи. СПб.: Алетейя. 2000 – 288 с.
86. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. 242 с.
87. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. 2-е изд. М., Наука, 1993.- 592 с.
88. Рыбаков Б. А. Пётр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Молодая гвардия, 1991 г. - 288 с..
89. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972 г. - 520 с.
90. Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., «Наука» 1971. – 295 с.
91. Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., «Международные отношения» 1991. – 240 с.
92. Скрынников Р. Г. Воины Древней Руси. Вопр. истории. 1995. № 11/12. С. 24–38.
93. Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – 672 с.
94. Табунов Н.Р. Категории этики и воспитания воинов. -М.: Воениздат, 1965. -207 С.
95. Тихомиров М.Н. Русская культура X-XVII вв. М., 1968. – 447 с.
96. Уваров П.Б. Дети Хаоса. Исторический феномен интеллигенции. М., 2005 – 200 с.
97. Успенский Ф. И. История Византийской империи: В 5 т. М., «АСТ Астрель» 2002. Т. 3. Период Македонской династии (867–1057). – 800 с.
98. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Феникс. 1990. – 269 с.
99. Феномен российской интеллигенции. История и психология. – СПб.: Нестор, 2000.-239 с.
100. Хейзинга Й. Homo ludens. В Тени завтрашнего дня. М., 1992.

101. Христоролюбивое воинство: Православная традиция русской армии.
М.: Русский путь. 2006 – 544.